

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

98

Д. Б. ШЕЛОВ

НЕКРОПОЛЬ
ТАНАИСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 98

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1961

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 98

Д. Б. ШЕЛОВ

НЕКРОПОЛЬ ТАНАИСА

(РАСКОПКИ 1955—1958 ГГ.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1964

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. И. БОЛТУНОВА

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена публикации и исследованию результатов раскопок грунтового некрополя древнего Танаиса, проведенных в 1955—1958 гг. Нижне-Донской экспедицией.

Городище Танаиса находится на территории современного хутора Недвиговка Мясниковского района Ростовской области, на правом коренном берегу Мертвого Донца. К западу, северу и востоку от городища раскинулся грунтовой некрополь. Он лежит на пологих всхолмлениях, частично естественного происхождения, частично образовавшихся от накопления здесь культурного слоя в результате вывозки из города мусора. Дальше в степь уходят принадлежащие некрополю Танаиса курганы. На всех курганах имеются следы прежних раскопок или ограбления. Раскопки недвиговских курганов, проведенные в середине прошлого века, показали, что все они были ограблены еще в древности. Определить размеры территории, занимаемой грунтовым могильником, в настоящее время невозможно. Значительная часть могильника, особенно с восточной стороны от городища, а отчасти и с западной, уничтожена при возведении построек хутора. При различных земляных работах в усадьбах хутора неоднократно встречались отдельные вещи, кости и целые могильные комплексы; у местного населения и в настоящее время имеется некоторое количество вещей из состава могильного инвентаря, найденных при таких работах. Территория к северу, северо-востоку и северо-западу от городища остается незастроенной, но там грунтовой могильник нарушен кое-где карьерами, из которых окрестное население добывает глину. В обрезах этих карьеров иногда видны могильные ямы, у подножия обрывов встреча-

ются отдельные кости и черепки из разрушенных погребений.

Грунтовой некрополь Танаиса раскапывался в прошлом, как известно, неоднократно. Первые научные раскопки произвел здесь в 1853 г. помощник проф. П. М. Леонтьева архитектор А. Авдеев. Он копал «в продолговатых насыпях» с восточной и западной сторон городища. С восточной стороны, видимо на территории, занятой сейчас усадьбами хутора, Авдеев вскрыл площадь немногим более 200 кв. м, причем было обнаружено 12 земляных могил. Две из них он посчитал татарскими, но на каком основании — неизвестно. Из остальных десяти погребений шесть было разграблено в древности, а четыре, инвентарь которых описан, хотя и скупо, в сохранившейся «Ведомости», по-видимому, принадлежали I—III вв. н. э. Одна из могил была подбойной, остальные, вероятно, простыми грунтовыми. В трех случаях были прослежены остатки деревянных перекрытий могил¹.

Работы большего объема провел А. Авдеев на некрополе с западной стороны городища, но где именно — определить невозможно. Здесь были открыты «в двадцати углублениях» на площади около 350 кв. м. 29 погребений. Четыре из них, принятые им за татарские, Авдеев совсем не описал. В письме к Л. А. Перовскому Авдеев указывает, что признаком, по которому он относит эти погребения к татарскому времени, является то, что они «вырыты в самой насыпи и не всегда доходят до материка»². Мы теперь знаем, что «в насыпи», т. е. в мусорном культурном

¹ Письмо А. Авдеева к Л. А. Перовскому от 10 ноября 1853 г. Архив ИА, ф. 9, д. 25, л. 77. Ведомость раскопкам, произведенным в Недвиговских насыпях... Там же, л. 83.

² Там же, л. 78.

слое, часто производились захоронения во II в. н. э. и в последующие столетия; вероятно, Авдеев принял за татарские бедные погребения позднеантичного времени. Многие погребения и здесь оказались разграбленными, в уцелевших 10 могилах найдены главным образом бусы и лещные сосуды, в единичных случаях — зеркальца, серьги, железные ножи и наконечники стрел. Судя по описанию этих могил в «Ведомости», все они относились к первым векам нашей эры (преимущественно к I в.)

Почти все могилы, обнаруженные Авдеевым, содержали труположения в простейших земляных ямах, обычно перекрытых деревянными плитами, иногда каменными плитами. В двух могилах отмечены земляные уступы, на которых лежали перекрывающие могилу плиты (погребения 6 и 11 «западных насыпей»). Можно отметить, что в одной из раскопанных Авдеевым могил было обнаружено два костяка, ориентированных головами в противоположные стороны (погребение 22 «западных насыпей»).

В 1867 г. грунтовой некрополь Танаиса копал В. Г. Тизенгаузен. Он раскапывал «продолговатые насыпи» с западной стороны городища и открыл «сплошные ряды гробниц, устроенных в материке на двухаршинной глубине и отчасти прикрытых каменными плитами»³. Из 50 открытых Тизенгаузеном могил только по двум, уцелевшим от разграбления, приведен перечень найденных вещей. Для остальных 48 погребений был составлен лишь общий список обнаруженных в них предметов.

П. И. Хицунов, раскапывавший в 1870 г. Недвиговское городище, затронул немного и его грунтовой некрополь. Как и все предыдущие исследователи, он копал некрополь главным образом к западу от городища. Хицунов вскрыл здесь, по-видимому, 13 погребений, но описание их в «Журнале» раскопок дано так неотчетливо, что трудно установить даже точное их число. Все они были, видно, простыми земляными гробницами, разграбленными в древности. Дано описание только одной могилы, «обставленной и перекрытой камнями». В ней при костяке, лежавшем головой на северо-восток, найдены ожерелья из стеклянных и янтарных бус, четырехугольные пронизки из «асписа», трехгранный же-

лезный наконечник стрелы, два бронзовых браслета и зеркальце; весь набор вещей очень характерен для погребений I в. н. э. П. И. Хицунов производил раскопки и «на продолговатых возвышениях на восточной стороне за городищем», но о результатах этих работ нам ничего не известно. В «Журнале» сказано только, что «хотя открыты земляные гробницы, но они оказались давно ограбленными»⁴.

Наконец, в 1908 и 1909 гг. недвиговский грунтовой некрополь исследовал Н. И. Веселовский. В отличие от своих предшественников он копал только к востоку от городища. Вскрыв площадь более 2000 кв м, Веселовский раскопал за два года 87 могил. Погребения эти рассмотрены в его рукописном отчете⁵, но, к сожалению, все вещи из них оказались смешанными и не были разобраны по комплексам, так что теперь установить, к какому погребению относится тот или иной хранящийся в музее предмет, в большинстве случаев нельзя. Это обстоятельство тем более печально, что, судя по отчету, Веселовский раскопал очень интересный участок некрополя и открыл могилы таких типов, которые не попадались другим исследователям. Значительная часть открытых им могил была выдолблена в скале; гробницы подобного устройства не были известны Авдееву, Тизенгаузену и Хицунову и ни разу не встретились при наших работах на некрополе Танаиса. Только Веселовскому удалось открыть и гробницы, выложенные тесанным камнем. Он впервые обнаружил в танаисском некрополе урны с остатками трупосожжений: такого рода погребений в его раскопках оказалось 11. Но большинство вскрытых Веселовским погребений принадлежало к обычному типу грунтовых могил, вырытых либо в материковой глине, либо в мусорном культурном слое загородных свалок («верховые могилы», по терминологии Веселовского). Почти все исследованные им могилы относились к античному времени, причем к разным периодам — от II в. до н. э. до III или IV в. н. э. Только об одном погребении можно с уверенностью сказать, что оно уже средневековое, — это погребение № 41 1908 г., веро-

⁴ Извлечения из журнала археологических разысканий, произведенных надв. советн. П. И. Хицуновым на развалинах древнего Танаиса. Архив ИА, д. ИАК, 1869, № 10, л. 39.

⁵ Архив ИА, д. 1908, № 60, лл. 7—11, 30; д. 1909, № 41, лл. 105—119, 155—160.

³ ОАК, 1867, стр. XX.

итно кочевническое, с захоронением коня и с железными стременами в составе инвентаря. К рассмотрению отдельных погребений, раскопанных Веселовским, нам придется еще возвращаться в дальнейшем изложении.

Т. Н. Книпович в исследовании, посвященном Танаису, дала общую характеристику грунтового некрополя этого города⁶. Рассмотрев и сопоставив все опубликованные данные, рукописные отчеты исследователей и сохранившиеся в музеях вещи из танаисского некрополя, Книпович смогла дать анализ форм погребальных сооружений, обряда захоронения и состава могильного инвентаря грунтового некрополя, насколько это позволяли имевшиеся в ее распоряжении материалы. К сожалению, материалы эти очень недостаточны, несмотря на то, что Авдеев, Тизенгаузен, Хицунов и Веселовский вскрыли на некрополе весьма значительную площадь и раскопали в общей сложности около 200 погребений. Ни один из названных исследователей не выделил целые могильные комплексы, все вещи из разных погребений были перемешаны и поступили в музеи без указания, из каких погребений они происходят. Сохранившиеся в отчетах А. Авдеева и Н. И. Веселовского перечисления найденных при раскопках вещей только в очень редких случаях позволяют точно определить их происхождение; в отчетах В. Г. Тизенгаузена и П. И. Хицунова нет даже таких перечислений. Никто из исследователей не дал плана раскопанного им

участка некрополя, только в отчете Веселовского за 1908 г. есть очень приблизительная, на глаз составленная схема расположения могил, да и то далеко не всех; даже определить точное место, где производились раскопки, обычно не представляется возможным. Ни один отчет не содержит планов, зарисовок или снимков погребений, в большинстве случаев отсутствуют и описания погребального обряда и могильных сооружений, за исключением лишь самых общих указаний о размерах могил (у Веселовского), их глубине (у Авдеева), об ориентировке костяков; но и эти сведения приведены лишь для отдельных погребений.

При таком состоянии полевой документации, естественно, невозможно использовать материал прежних раскопок для решения многих вопросов истории танаисского некрополя и самого города. В частности, чрезвычайно трудно систематизировать этот материал по хронологическому принципу. Более детальное и углубленное исследование некрополя оказалось невозможным без новых раскопок, которые могли бы доставить нам материалы и сведения, утраченные или упущенные в результате недостаточно полной фиксации раскопок прежними археологами. Поэтому планомерные исследования танаисского некрополя стали одной из задач Нижне-Донской археологической экспедиции, организованной в 1955 г. Институтом археологии (тогда — Институт истории материальной культуры) Академии наук СССР, Ростовским областным и Таганрогским краеведческими музеями для археологического изучения Танаиса и его округи.

⁶ Т. Н. Книпович. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.—Л., 1949.

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ

1. РАСКОП III (1955—1956 гг.)¹

За четыре полевых сезона Нижне-Донской экспедицией была вскрыта на территории некрополя площадь около 575 кв. м и обнаружено 114 погребений, сохранившихся целиком или частично, а также большое число могильных ям, полностью опустошенных грабителями в древности². Раскопки производились в четырех пунктах (табл. I): к востоку, северу и северо-западу от городища (раскопы III, V, VIII, X). Наиболее значительные по объему и по полученному результату раскопки были проведены к востоку от городища (раскопы III и V), где открыто около 100 погребений.

Раскоп III был разбит на территории так называемого «восточного крыла» городища,

¹ Начальник раскопа А. И. Болтунова.

² В это число входят только погребения, раскопанные на территории некрополя вокруг городища Танаиса. Кроме того, три средневековые могилы были обнаружены на территории самого городища и десять младенческих захоронений первых веков нашей эры были исследованы на узкой площадке между восточной оборонительной стеной города и окружающим ее рвом; об этих 13 могилах см. в следующей главе. Таким образом, Нижне-Донской экспедицией обнаружено всего в 1955—1958 гг. 127 погребений. Так как нумерация могил для всех раскопов единая, приводим здесь список погребений по раскопам:

раскоп III — погребения № 3—20, 23—25, 27, 32—34, 36, 37, 39, 41, 42, 45, 49, 53—55, 58, 60, 63, 64, 66, 67, 69, 70—77;

раскоп V — погребения № 21, 22, 26, 28—31, 35, 38, 40, 44, 46—48, 56, 57, 59, 61, 63, 78, 79, 80—104;

раскоп VIII — погребения № 105—108;

раскоп X — погребения № 109—122;

детский некрополь у городской стены (раскоп II) — погребения № 123—132;

погребения на территории городища: раскоп IV — погребения № 133, 134, раскоп IX — погребение № 135.

чтобы выяснить, был ли в этом районе городской культурный слой. Еще П. М. Леонтьев, первый исследователь Недвиговского городища, предположил, что большой плоский холм, примыкающий с востока к городищу, был ограничен дополнительным укреплением и служил местом поселения³. Т. Н. Книпович, опираясь главным образом на высказывания Леонтьева, твердо говорит о наличии в Танаисе двух оград, внутренней и внешней, последняя из которых образует два «крыла», примыкающих с запада и востока к центральному прямоугольному укреплению. Она считает, что пространство между внутренней и внешней оградами могло быть заселено беднейшим, преимущественно негреческим населением⁴.

Восточный холм, о котором идет речь, с запада отделен от городища рвом, а с востока и северо-востока ограничен естественной балкой. Восточный край этого холма несколько приподнят, что, вероятно, и послужило основанием для Леонтьева и Книпович видеть здесь линию внешнего укрепления Танаиса. На самом деле, однако, никаких валов или других укреплений на этом месте никогда не существовало, а восточный холм местом поселения не служил. Сам Леонтьев указывал, что при проведении пробных раскопок в этом «бескурганном поясе» не было встречено никаких следов зданий или построек, но встречались человеческие кости и черепа и очень большое количество золы⁵. На плане, прило-

³ П. М. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. «Пропаилен», IV, СПб., 1854, стр. 493.

⁴ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 24—26.

⁵ М. П. Леонтьев. Указ. соч., стр. 493.

жеюном Леонтьевым к отчету об археологических разысканиях за 1853 г., внешний вал не показан, а холм обозначен буквой «Р», которой отмечались им территории грунтовых могильников⁶. Впоследствии раскопки Н. И. Веселовского затронули южную часть восточного холма, в которой, как известно, он обнаружил только грунтовой могильник, а не городские слои. В результате нашего обследования в 1950 г. обреза большого карьера, имеющегося в юго-восточной части этого холма, выяснилось, что весь холм состоит из рыхлых мусорных отложений с очень большим количеством золы и иных культурных остатков. Воздвигнуть на таком грунте какие-либо укрепления совершенно невозможно.

Все эти данные заставили предполагать, что мнение о существовании здесь дополнительного оборонительного пояса и о заселении этой территории ошибочно и что здесь находился район загородных мусорных свалок и грунтового некрополя.

Для проверки этого предположения в 1955 г. и был разбит раскоп III (табл. II, III) на том месте, где согласно прежним гипотезам должен был находиться внешний оборонительный пояс «восточного крыла» (табл. I). Здесь было вскрыто шесть прямоугольных площадей разного размера общей площадью 92 кв. м. Раскопки на этом участке сразу же подтвердили наше предположение об отсутствии каких-либо остатков поселения на этом месте. «Восточное крыло» оказалось районом загородных мусорных свалок и некрополя. Хотя культурный слой достигает значительной мощности, здесь не открыто никаких остатков строений, если не считать отдельных немногочисленных камней или кусков глиняной обмазки, несомненно попавших сюда вместе с остальным городским мусором. Культурный слой очень сильно перекопан и в древнее и в новое время; это объясняется тем, что здесь в древности производили захоронения а в более близкие нам времена рыли ямы различного хозяйственного и иного назначения. Вследствие этого вещи весьма поздние (например, современные кнопка гвоздь, ложка оказались на значительной глубине, а более древние — в верхних слоях.

В культурном слое содержался разнообразный вещевой материал, датируемый временем с III в. до н. э. до III—IV вв. н. э.; преобладают обломки амфор первых веков нашей эры — светлоглиняных узкогорлых и светлоглиняных с двустольными ручками. Но встречались фрагменты амфор и других типов, в том числе эллинистических: родосских, косских, синопских и других, иногда с клеймами. Представлены и другие категории керамики, встречающиеся на городище, — простая посуда, сделанная на гончарном круге, и лепная, лощеная керамика, фрагменты красного лака, «мегарских чашек», черного лака III—II вв. до н. э., стеклянных сосудов и пр. Наиболее интересные находки — формочка для отливки серьги, сделанная из родосской амфорной ручки (табл. XXXII, 8) и обломок сосудика с процарапанным сарматским знаком⁷. Кроме керамических находок, на раскопе III найдено несколько мелких металлургических изделий (гвозди, обломки фибул), кости животных и рыб, обугленное зерно и пр.

Сильная перекопанность этого участка очень затрудняет понимание последовательности напластований. Все же можно с уверенностью сказать, что могилы III—II вв. до н. э. были вырыты в чисто материковом слое, когда на этой территории еще свалок не было. Вероятно, уже с I в. до н. э. здесь образовались мусорные слои, в которых производились более поздние захоронения. На этот участок выбрасывался мусор и в первых веках нашей эры. Но определить точно, когда данная территория служила некрополем или местом мусорных свалок невозможно.

Из-за очень большой перекопанности участка многие погребения оказались нарушенными или полностью разрушенными и отдельные человеческие кости или вещи из могильного инвентаря нередко встречались вне погребений. Этим, видимо, объясняется находка в культурном слое вне погребений нескольких целых или почти целых сосудов, несомненно принадлежавших ранее к инвентарю разрушенных могил. Мусорный характер грунта и засыпка могил не позволил в большинстве случаев выявить размеры и формы могильных ям.

⁶ Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях за 1853 г. СПб., 1955, стр. 111, 112, табл. III.

⁷ Издан Э. И. Соломонок, Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959, стр. 163 № 152.

В 1955 г. тут было обнаружено 18 погребений⁸.

Погребение 3. Пл.⁹ I—II, глубина 0,6 м. Могильная яма имела овальную форму, длина ее 2 м, ширина 0,7 м. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на В. Сохранность костей плохая: череп раздавлен, большая часть ребер, бедренная кость правой ноги, лучевая и локтевая кости левой руки и кисти рук отсутствовали. Инвентаря не обнаружено. Погребение располагалось над могилами 9, 14, 15, относящимися к III—I вв. до н. э. и поэтому должно быть датировано первыми веками нашей эры.

Погребение 4. Пл. II, глубина 0,6 м. Могильная яма не прослеживалась. Костяк младенца лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЮВ. Сохранность костяка плохая. Инвентаря не обнаружено. Дата погребения определена быть не может.

Погребение 5. Пл. IV, глубина 0,75 м. Могильная яма не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ССВ. Сохранность костяка хорошая. Инвентаря не обнаружено. Дата погребения не определяется.

Погребение 6. Пл. II, глубина 1 м. Могильная яма не прослеживалась. Погребение разрушено, сохранилась только часть костей таза и позвоночника, берцовые кости и кисть левой руки. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ВСВ. Инвентаря не обнаружено. Дата погребения не определяется.

Погребение 7. Пл. II, глубина 0,9 м. Могильная яма не прослеживалась. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на СВ. Сохранность костяка плохая. Инвентаря не обнаружено. Дата погребения не определяется.

Погребение 8. Пл. II, глубина 1,2 м. Могильная яма не прослеживалась. Погребение было разрушено, сохранились только

кости ног ниже бедер. Костяк лежал на спине, головой на ЮЮВ. Около правого колена обнаружено лезвие железного ножа длиной 102 мм (табл. XXXII, 1). Такие ножи с прямым заостряющимся к концу лезвием особенно характерны для I в. до н. э.—I в. н. э.¹⁰

Погребение 9. Пл. I—II, глубина 1,2 м. Могильная яма не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ВСВ. У шеи костяка была рассыпана нитка бус из синей непрозрачной стеклянной массы (пасты) (табл. XLI, 2). В ожерелье 46 бус, 19 из них усеченно-биконической формы (диаметр 10—12 мм, длина 6—7 мм), 27—округлой (диаметр 7—9 мм). У запястья правой руки найдена одна бусина (табл. XLI, 1) из полупрозрачной стеклянной пасты коричневого цвета, бочкообразной формы (диаметр 5 мм, длина 7 мм). Вокруг лодыжки правой ноги рассыпаны бусы (табл. XLI, 1). Они либо были нашиты на одежду погребенного, либо составляли браслет или, судя по количеству бус,— два браслета, надетые на ногу. Всего здесь найдено 87 бусин, все они изготовлены из полупрозрачной стеклянной пасты. Большая часть бус (51) темно-синего цвета, остальные в настоящее время имеют белый цвет, но если счистить с них известковые отложения, то окажется, что первоначальный цвет их светло-зеленый. Светло-зеленые бусины имеют форму либо округлую (диаметр 3—5 мм, 12 шт.), либо уплощенную биконическую с ярко выраженным ребром (диаметр 6 мм, длина 3—4 мм, 23 шт.); одна бусина, фрагментированная, имеет цилиндрическую форму (диаметр 4,5 мм). У синих бусин очертания менее определены — форма у них округлая, близкая к биконической, но с сильно скругленным ребром (диаметр 4—6 мм). Определение времени этой могилы представляет значительные трудности. Бусы являются недостаточным критерием для точной датировки, поскольку типы многих из них живут чрезвычайно долго и встречаются как в погребениях эллинистического времени, так и в могилах первых веков нашей эры. Все же можно указать совершенно точную аналогию синим биконическим пастовым бу-

⁸ Первые два номера получили не погребения, а, как позднее выяснилось, лишь отдельные кости из разрушенных погребений, находившиеся уже не в первоначальном залегании. По той же причине в дальнейшем описании отсутствуют номера погребений 43, 50, 51, 52, 62, 65.

⁹ Пл.—здесь и далее означает «площадь».

¹⁰ См., например, К. Ф. Смирнов, Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, № 60, 1959, рис. 3, 1; 15, 5; 18, 6; 19, 8.

сам из погребения 9 в бусах из могилы 6 кургана 20 у с. Политотдельского Сталинградской области; могила эта датируется I в. до н. э.¹¹ Подобные бусы найдены также в погребении XIII мавзолея скифского Неаполя, датируемом концом II—I вв. до н. э.¹²

Эти аналогии позволяют предположительно датировать погребение 9 I в. до н. э. Датировка эта подтверждается тем обстоятельством, что погребение 9 лежало над погребением 15, относящимся, как увидим ниже, ко II в. до н. э.

Погребение 10. Пл. II, глубина 1,55 м. Могильная яма не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на СВ. Сохранность костяка хорошая, но кости ступней отсутствовали. Инвентаря не обнаружено. Справа от верхней части костяка стояла на ребре большая известняковая плита, вероятно, ограждавшая погребение с севера. Дата погребения — I в. до н. э. — I в. н. э. определяется тем, что оно лежало над могилой 19 и ниже могилы 8, первая из которых датируется II—I вв. до н. э., а вторая, вероятно, I в. н. э.

Погребение 11. Пл. II—V, глубина 1,8 м. Могильная яма не прослеживалась. Костяк лежал на правом боку в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ЮЮВ. Череп был повернут вправо. Левая нога ниже колена не сохранилась. Инвентаря не обнаружено. За спиной костяка лежали наклонно три большие известняковые плиты. Данных для датировки этой могилы нет. Можно только указать, что над ней было расположено погребение 12, датируемое суммарно I—III вв. н. э., значит, могила 11 не может относиться к более позднему времени.

Погребение 12. Пл. V, глубина 1,5 м. Могильная яма не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ВСВ. Сохранность костей хорошая, но левая рука сверху до локтя разрушена. Под костяком и поверх него прослеживались остатки перетлевой травы или камыша. У левого виска вертикально стоял фрагментированный сероглиняный лепной кувшин

(табл. XVII, 5). Высота его — 186 мм, диаметр дна 70 мм, наибольший диаметр тулова 138 мм, внутренний диаметр венчика 82 мм. Кувшин вылеплен из грубой, плохо промытой глины темно-серого цвета, с крупными белыми известняковыми включениями. Тулово его бочкообразно, дно плоское, венчик слегка отогнут наружу. Вертикальная ручка прикреплена верхним концом к венчику сосуда, а нижним — к наиболее широкой части тулова; поперечное сечение ручки почти прямоугольное. На костях таза лежало пряслице, сделанное из просверленного обломка стенки амфоры (табл. XXXIII, 1). На лучевой кости левой руки костяка находились два бронзовых браслета (табл. XXXIV, 11). Один из них — плоский, незамкнутый, со слегка расширяющимися в виде змеиных головок концами; диаметр его 58 мм, ширина 3 мм; второй браслет тоже плоский, с незамкнутыми, но заходящими друг на друга расширенными концами, также в виде змеиных головок, украшен на концах насечкой; размеры его соответствуют размерам первого браслета. Такие браслеты с расширяющимися концами в виде змеиных головок находят в пунтовых могилах Неаполя, где они датируются совместными находками II—IV вв. н. э.¹³ Браслеты эти позволяют рассматриваемое погребение относить к первым векам нашей эры.

Погребение 13. Пл. I, глубина 1,7 м. На материке находились остатки трупосожжения. На просторстве примерно около 1 кв. м. были разбросаны перегоревшие человеческие кости, в том числе кости черепа, кусочки обгоревшего дерева, угольки и остатки погребального инвентаря. Некоторая часть его попала в засыпь расположенной рядом более поздней могилы 14. Инвентарь трупосожжения состоял из следующих предметов.

1. Разбитая в древности на мелкие куски чернолаковая пелика (табл. XXIV, 1) многих обломков ее не достает, но форма восстанавливается полностью. Тулово пелики приземистое, широкое у плечиков и сужающееся книзу, покрыто вертикальными каннелюрами. Подставка массивная, профилированная уступами. Плечики почти горизонтальны, по ним вокруг сосуда идет орнамент в виде волны,

¹¹ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., рис. 38, 4.

¹² П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. XXII, 13.

¹³ В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 124, табл. III, 6, 7, 8, 10; стр. 127.

выполненной белой краской и прочерчиванием. Горлышко сосуда, низкое и широкое, расширяется в массивный венчик с горизонтальным краем. Вокруг горла нанесен орнамент из вертикально расположенных листиков, выполненных краской или жидкой глиной и прочерчиванием. Две вертикальные плоские ручки сосуда прикреплены к горлу ниже венчика и к краю плечиков.

2. Целый красноглиняный веретенообразный флакон с узким горлышком и высокой узкой ножкой (табл. XXIII, 2). Высота его 135 мм, наибольший диаметр тулова 63 мм.

3. Такой же флакон (табл. XXIII, 1), но с поврежденным венчиком. Высота его 103 мм, наибольший диаметр тулова 47 мм.

4. Одиннадцать непрозрачных пастовых бусин, имеющих форму слегка сплющенного шара (табл. XLII, 1, 2). Цвет их светло-серый, по «экватору» шара идет белая полоска. Диаметр бусины 7—8 мм, длина — 5 мм.

5. Две непрозрачные пастовые бусины удлиненно-бочкообразной формы со слабо заметным ребром, идущим поперек тулова (табл. XLII, 1, 2). Цвет бусин светло-серый. Диаметр бусин 8 и 10 мм, длина соответственно — 13 и 18 мм.

6. Две крупные бусины из полупрозрачного светло-зеленого стекла (табл. XLII, 2). Общая форма их шарообразная, но вдоль тулова проходят глубокие бороздки, так что поперечное сечение бусины представляет собой решетку. Диаметр бусин 12 мм, длина — 11 мм.

7. Тридцать одна золотая бусина. Бусины полые внутри, изготовлены из тонкого (табл. XXXIV, 2) листового золота и имеют усеченно-биконическую форму. Диаметр бусины 3,5 мм, длина — 3 мм. Две бусины смяты и деформированы.

8. Три бусины такой же формы и той же техники изготовления, но большего размера (табл. XXXIV, 2); диаметр их 7 мм, длина — 6 мм. Одна из бусин деформирована.

9. Четыре золотые пронизи, полые внутри, изготовленные из тонкого листового золота, в форме «гераклова узла» (табл. XXXIV, 4). Длина их 19 мм, ширина — 8 мм.

10. Маленькое золотое украшение в виде фигурной тонкой пластинки с выпуклым, исполненным тиснением узором (табл. XXXIV, 1). В центре пластинки — маленькое изображение женской головки впрямь. К оборотной стороне пластинки припаяна тонкая золотая трубочка, так что пластинка могла служить

пронизкой. Длина вещицы 16,5 мм, ширина 7,5 мм.

11. Совершенно деформированная и оплавленная от огня золотая пронизка, первоначальную форму которой определить невозможно.

12. Золотой перстень, гладкий, с небольшим утолщением вместо щитка (табл. XXXIV, 3). Диаметр 19 мм, ширина обода 4 мм.

13. Керамическое пряслице бочкообразной формы с небольшим выступом вокруг отверстия с одной стороны (табл. XXXIII, 2). Наибольший диаметр его 29 мм, высота — 23 мм.

14. Обломки большого бронзового зеркала (диаметр около 17 см), украшенного с оборотной стороны концентрическими кругами.

Погребение 13 хорошо датируется чернολазовой пеликой, относящейся ко второй половине III в. до н. э. Весь остальной инвентарь погребения не противоречит такой датировке. Непосредственно над погребением 13 найдена высеченная из известняка антропоморфная стелла, разбитая на три куска (табл. XXXI, 1). Определить, связана ли она с погребением 13, невозможно из-за перерывности выпележащих слоев.

Погребение 14. Пл. I, глубина 2,1 м. Могильная яма, вырытая в материке, имела прямоугольную форму, размеры ее 1,7 × 0,7 м. Она была ориентирована по продольной оси ЗЮЗ — ВСВ. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении с протянутыми вдоль туловища руками, головой на восток, по диагонали могильной ямы. Могила перекрывала несколько известняковых плит. Инвентаря не обнаружено, но в засыпь могилы попало несколько бусин и обломков пелики из погребения 13, частично нарушенного погребением 14. Дата последнего — III — II вв. до н. э. — определяется тем, что оно позже погребения 13 и старше погребения 15, врезавшегося в него.

Погребение 15. Пл. I—II, глубина 2,1. Погребение разрушило западный конец могильной ямы предыдущего погребения. Могильная яма, вырытая в материке, имела прямоугольную форму (2,1 × 0,8 м). Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на СВ. Вдоль северо-западного борта могильной ямы стояла на ребре известняковая плоская плита, ограждавшая справа верхнюю часть костяка. Могила была перекрыта плоскими

известняковыми плитами. Около черепа у левого виска лежала серебряная серьга (табл. XXXIV, 5). Она состоит из проволочного колечка диаметром 15 мм. с несомкнутыми заходящими друг на друга концами и прикрепленной к нему конусовидной обоймы. В обойму было вставлено какое-то украшение, до нас не дошедшее. Судя по аналогиям, можно полагать, что это была виноградная гроздь из серебряной зерни. На шейных позвонках лежала бронзовая фибула с бронзовым же щитком, украшенным штампованным орнаментом в виде розетки (табл. XXXIV, 7). Длина фибулы 56 мм, диаметр щитка 40 мм. Около шейных позвонков были рассыпанные бусы от ожерелья — 104 шт. (табл. XLII, 3). Среди этих бус имеются следующие типы: а) мелкий стеклянный золоченый бисер цилиндрической формы (диаметр 2 мм, длина 2 мм) — 7 шт.; б) бусины, состоящие из двух таких же цилиндрических стеклянных золоченых бисеринок, соединенных основаниями (длина бусины 4 мм) — 23 шт.; в) бусины, состоящие из трех таких же бисеринок (длина 5,5 мм) — 2 шт.; г) бусины, состоящие из четырех таких же бисеринок (длина — 7,5 мм) — 2 шт.; д) мелкие стеклянные золоченые бусины бочкообразной формы (диаметр 3 мм, длина 4 мм) — 13 шт.; е) стеклянные золоченые бусины, имеющие форму зубчатого колесика с широким отверстием (диаметр 4—5 мм, длина 1,5 мм) — 7 шт.; ж) стеклянные золоченые бусины удлиненно-цилиндрической формы с продольными и (на концах) поперечными желобками (диаметр 4 мм, длина 19 мм) — 2 шт.; з) мелкий бисер из непрозрачной пасты кремового цвета цилиндрической формы (диаметр 2—3 мм, длина 1,5—2 мм) — 10 шт.; и) такой же бисер зеленовато-голубого цвета — 9 шт.; к) бусины из непрозрачной голубой пасты в виде цилиндрических колечек (диаметр 4—5 мм, длина 1,5 мм) — 5 шт.; л) бусина из темно-синего непрозрачного стекла, округлой формы (диаметр 4 мм); м) такая же бусина из белой пасты; н) такая же бусина из красно-серой пасты; о) бусины из той же красно-серой пасты, бочкообразной формы (диаметр 3—4 мм, длина 6 мм) — 9 шт.; п) точно такие же бусины, той же формы и размера, но изготовленные из пасты серого цвета, с продольными черными полосками — 3 шт.; р) такие же бусины, из белой пасты — 2 шт.; с) такие же бусины, того же размера и формы из красно-

ватого сердолика — 3 шт.; т) бусина из непрозрачной синей пасты усеченно-биконической формы (диаметр 6,5 мм, длина 3,5 мм); у) такая же по форме и материалу бусина, но большего размера (диаметр 9 мм, длина 6 мм); ф) округлая глазчатая бусина из голубой непрозрачной пасты с желтыми глазками (диаметр 8 мм); х) крупная шаровидная бусина из черной непрозрачной пасты (диаметр 12 мм). К тому же ожерелью принадлежат 12 генпировых подвесок следующего вида: а) каплеобразной формы с отверстием в узкой части (длина 14 мм, ширина 10 мм) — 8 шт.; одна из подвесок была разбита в древности по отверстию, и ниже него было просверлено новое отверстие; б) стреловидной формы (длина 16 мм, ширина 6 мм) — 3 шт.; в) плоская ромбовидная с двумя отверстиями (длина 9,5 мм, ширина 6 мм). Там же, около шеи костяка, лежали незначительные обломки бронзового зеркала. На правой руке костяка был надет браслет из простой бронзовой проволоки, прямоугольной в сечении (табл. XXXII, 3), концы браслета не замкнуты и находят друг на друга, диаметр его 65 мм, толщина проволоки 3 мм. Вокруг запястья левой руки найдено 46 рассыпавшихся бусин (табл. XLIII, 2). Большинство из них — стеклянные, бочкообразной формы (диаметр 8 мм, длина 10—11 мм), вызолоченные изнутри — 30 шт.; шесть бусин, изготовлены в той же технике, также бочкообразной, но более округлой формы, приближающейся к шарообразной (диаметр 8—9 мм, длина 6—9 мм); одна бусина такой же формы и размера позолочена сверху; три бусины — стеклянные белые, округлой формы и небольшого размера (диаметр 5—6 мм); одна — из черной непрозрачной пасты, округло-цилиндрической формы (диаметр 7,5 мм); наконец, пять бусин глазчатые, уплощенной округло-цилиндрической формы (диаметр 7—9 мм, длина 5—6 мм), сделаны из коричневой непрозрачной пасты с глазками, инкрустированными зеленовато-синей пастой.

У правого бедра костяка лежал железный нож (табл. XXXII, 2). Около костей щиколоток найдены рассыпанные пастовые бусы от браслета (табл. XLIII, 1). Большинство из них (24 шт.) желтого цвета и округло-цилиндрической формы (диаметр 5—6 мм, длина 3,5—4,5 мм), а две из коричневой пасты, удлиненно-цилиндрической формы (диаметр 6 мм, длина 8 и 12 мм). В ногах костяка

лежала большая глиняная чашка (табл. XXIV, 2) с загнутым внутрь бортиком (диаметр 233 мм), покрытая изнутри плоским черным лаком. В древности чашку раскололи пополам и вдоль излома с двух сторон просверлили отверстия для скрепления, но половинки не скрепили и положили в могилу по-рознь, причем, одна была поставлена на другую. Там же найдено глиняное пряслице (табл. XXXIII, 3) усеченно-биконусовидной формы (наибольший диаметр 38 мм, высота 30 мм).

Чернолаковая чашка, найденная в этом погребении позволяет отнести его ко II в. до н. э., чему не противоречит и весь остальной инвентарь могилы.

Погребение 16. Пл. V, глубина 1,85 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Младенческий костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на В. Вдоль костяка с северной стороны стояла на ребре каменная плита. В районе шейных позвонков найдена россыпь мелких пастовых бусин-бисера (табл. XLIII, 3, 4) светло-голубого или желтоватого цвета — 65 шт. Форма бусин цилиндрическая, диаметр их 2—3 мм, длина — 1,5—2 мм. Там же лежала длинная цилиндрическая пронизь (табл. XLIII, 4) из полупрозрачного синего стекла (длина 22 мм, диаметр 4 мм), вероятно от того же ожерелья, что и бусины. Недалеко от головы погребенного стоял небольшой сосуд цилиндрической формы, грубо высеченный из алебастра (табл. XXIII, 7). Сосуд имел первоначально вертикальную ручку, но она уже в древности была отломана и следы ее сглажены. Наружный диаметр сосуда 75 мм, внутренний диаметр — 47 мм, высота — 100 мм. Сказать с уверенностью, принадлежал ли сосуд к инвентарю погребения, невозможно. Сосуд должен быть датирован первыми веками нашей эры. В поволжских сарматских могилах такие алебастровые сосуды встречаются в I—II вв. н. э.¹⁴ Вероятно, этим же временем должно быть датировано и погребение 16. Рубленый бисер в могилах этого периода встречается очень часто.

Погребение 17. Пл. I—II, глубина 2 м. Форма могильной ямы не прослежива-

¹⁴ И. В. Сяницын. К материалам по сарматской культуре на территории Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 29—93, рис. 27; ср. М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э.—I в. н. э. СА, 1959, № 1, стр. 61.

лась. Костяк разрушен, сохранились только череп, правая часть грудной клетки, часть тазовых костей и правая рука за исключением кисти; остальные кости отсутствовали. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. Инвентаря не обнаружено. Для датировки погребения данных нет.

Погребение 18. Пл. II, глубина 2,5 м. Могильная яма длиной 1,1 м, шириной 0,5 м имела овальную форму. Детский костяк лежал на спине в вытянутом положении головой на ВСВ. Инвентаря не обнаружено. Поскольку погребение лежало под могилой 10, его можно датировать не позже I в. до н. э.

Погребение 19. Пл. II, глубина 2,9 м. Могильная яма четырехугольной формы прослеживалась только частично. Ширина ее 0,9 м, длина неопределима. От костяка сохранились только кости ног, остальная часть скелета разрушена. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении головой на ВСВ. Из инвентаря сохранились остродонная амфора с отбитой ручкой, стоявшая в ногах костяка (табл. XIV, 1) и опрокинутая вверх дном лепная чашечка (диаметр 100 мм) с отбитой ножкой, лежавшая между ступнями ног. Вдоль длинной южной стороны могилы были поставлены на ребро две плоские каменные плиты. Амфора, найденная в погребении, имеет яйцевидное тулово, оканчивающееся прямой цилиндрической ножкой, цилиндрическое горло с валикообразным венчиком и округлые в сечении, мягко изогнутые ручки. Сформована она из светлой глины, напоминающей синопскую. По форме и пропорциям амфора должна быть отнесена ко II—I вв. до н. э.

Погребение 20. Пл. II, глубина 3,35 м. Могильная яма не прослеживалась. Погребение было полностью разрушено, сохранились лишь отдельные кости стопы и кистей рук. По-видимому, это было труположение, ориентированное головой на В. Из инвентаря уцелела остродонная позднеэллинистическая синопская амфора, стоявшая в ногах погребенного (табл. XIV, 2). Она сохранилась почти целиком за исключением венчика и одной ручки. Тулово амфоры коническое, заканчивающееся конической ножкой, ручки в сечении овальные, клейма на сохранившейся ручке нет. Судя по этой амфоре, погребение должно быть датировано II в. до н. э.

В 1956 г. раскоп III был расширен. Здесь было вскрыто еще 48 кв. м площади и были докопаны до материка оставшиеся недоследо-

ванными в 1955 г. небольшие участки. Раскоп был повсюду доведен до материка, залегающего здесь на глубине 2,5—3,5 м. Характер культурного слоя на участках, раскопанных в 1956 г., полностью соответствует тому, что было открыто в предыдущем году. Было обнаружено еще 32 погребения.

Среди различного найденного на III раскопе вне погребений материала следует отметить несколько фрагментированных антропоморфных надгробных плит (табл. XXXI, 2—4). К сожалению, связать их с определенными погребениями невозможно.

П о г р е б е н и е 23. Пл. II, глубина 3,75 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Сохранилась только нижняя часть костяка погребенного — кости стопа, голени и часть левой берцовой кости. Вся верхняя часть погребения уничтожена большой мусорной ямой, при расчистке которой найдены отдельные кости черепа и ключица. Под сохранившимися костями ног хорошо прослеживались остатки деревянного гроба, имевшего форму выдолбленной колоды. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на В. Из инвентаря уцелел только обломок железного меча (табл. XXXII, 7), лежавший справа от костей ног. Сохранился самый кончик меча длиной 132 мм. По такому незначительному обломку трудно судить о точной форме меча, но несомненно это был обоюдоострый меч с плоским клинком без ребра, шириной около 40 мм. Эти особенности, а также положение кончика меча у ног погребенного дают возможность предположить, что мы имеем дело с длинным прямым сарматским мечом, получившим распространение на Боспоре и в соседних областях в I—II вв. н. э.¹⁵ Расположение погребения 23 и соотношение его с другими могилами не противоречит отнесению его к I—II вв. н. э.

Погребение 23 разрушило верхнюю часть погребения 25. К западу от погребения 23 открыты вертикально стоявшие в земле две пустые амфоры — синопская и родоская. Синопская амфора (табл. XV, 3) — совершенно целая. Клейм у нее на ручках нет, и происхождение ее определяется по составу глины и по форме. Высота ее 62,5 см, наибольший диаметр тулова 32 см, вместимость 13 л. Родоская амфора оказалась раздавленной. В склеенном виде она имеет высоту 84,5 см,

¹⁵ Н. И. Соколовский. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 154 и сл., табл. V—VIII.

наибольший диаметр тулова около 31 см. На обеих ее ручках отгиснуты клейма (табл. XV, 1—2). Одно клеймо содержит ретроградную надпись

[ἐπ' ἱερέως]

Ἀριστείδα

Ἀρταμειτίου

на другом клейме, плохо сохранившемся, изображена виноградная гроздь и двустрочная надпись

Με[v]ε—

κρ[άτης]

Донья обеих амфор залегли выше дна погребения 23, на глубине 3,5 м. Совершенно очевидно, что амфоры не входили в состав инвентаря погребения 23, а принадлежали какому-то другому, более раннему погребению, разрушенному сначала могилой 25, а затем погребением 23, пришедшимся почти точно на то же место, что и раннее погребение с амфорами. От последнего сохранилась только незначительная западная часть прямоугольной могильной ямы со стоящими в ней двумя амфорами.

П о г р е б е н и е 24. Пл. III, глубина 0,55 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк ребенка лежал на спине в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на СВ. Кости правой руки, ключицы, верхние позвонки и часть ребер отсутствовали; череп раздавлен. За головой костяка стоял маленький лепной кувшинчик (табл. XVII, 1). Он вылеплен грубо из плохо промешанной темно-серой глины и покрыт кухонным нагаром. Высота его 115 мм, диаметр тулова 97 мм. Кувшинчик имел вертикальную ручку, отбитую еще в древности. Она прикреплялась к венчику и наиболее выдающейся части тулова и имела овальный в сечении профиль. Справа от верхней части костяка лежали крупные обломки стенок амфор, как бы отраждавшие погребение с севера. Обломки стенок светлоглиняных амфор I в. до н. э. — I в. н. э., а также форма лепного сосудика, аналогичного найденному в погребении I в. н. э. в могильнике у с. Ново-Филипповка¹⁶, позволяют датировать могилу 24 — I в. н. э.

П о г р е б е н и е 25. Пл. II, глубина 3,5 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, ширина ее 0,5—0,65 м, длину определить

¹⁶ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА, табл. III, 1.

невозможно, так как верхняя часть костяка и часть могильной ямы уничтожена погребением 23, прорезавшим погребение 25. Сохранились полностью кости ног, таза, нижние позвонки и кости рук ниже локтевого сустава. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ССВ. Инвентаря не обнаружено; на дне могильной ямы под костяком прослеживался тлен от какой-то ткани.

Дата погребения 25 определяется тем, что оно разрушило могилу с родосской и синопской амфорами II в. до н. э. и в свою очередь было нарушено погребением 23, относящимся к I—II вв. н. э. Таким образом, могила 25 должна быть датирована I в. до н. э.—I в. н. э.

П о г р е б е н и е 27. Пл. III, глубина 0,9 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. От костяка сохранились лишь череп, грудная клетка и плечевые кости рук. Вся нижняя часть костяка отсутствовала. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на В. Череп был склонен к левому плечу. Инвентаря не обнаружено. Для датировки погребения данных нет.

П о г р е б е н и е 32. Пл. VI, глубина 0,9 м. Могильная яма имела овальную форму, длина ее 2,25 м, ширина — 0,85 м. Дно ямы было обожжено. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на С. Голова была склонена к левому плечу. Весь костяк имел небольшой изгиб влево. Кости левой руки ниже локтя и кисть правой руки не сохранились. В ногах костяка лежали два камня. У коленного сустава правой ноги найдена темно-красная бусина (табл. XLIV, 1), из непрозрачной пасты округлой формы (диаметр 8 мм). Бусина не дает оснований для определения времени погребения и указывает лишь на то, что оно принадлежит античному времени. Но то обстоятельство, что могила 32 располагалась прямо над погребением 45, хорошо датировым I в. до н. э.—I в. н. э., позволяет нам отнести ее к более позднему времени, скорее всего ко II—III вв.

П о г р е б е н и е 33. Пл. III, глубина 0,85—0,95 м. Могильная яма прослеживалась лишь частично, имела овальную форму. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ССВ. Кости левой стопы и кистей рук отсутствовали. В левой стороне грудной клетки в области сердца обнаружено два не-

обработанных осколка обсидиана. Дата погребения не поддается точному определению, но оно не может быть отнесено ко времени ранее I в. до н. э., так как лежит над могилами 66 и 67, относимыми ко II в. до н. э. Наличие осколков обсидиана в погребении I в. до н. э. или даже первых веков нашей эры не должно нас удивлять, поскольку присутствие отщепов кремня в сарматских могилах Поволжья, связанное, вероятно, с культовыми представлениями, наблюдается нередко¹⁷.

П о г р е б е н и е 34. Пл. VI, глубина 0,83. Форма могильной ямы не прослеживалась. Погребение детское, почти полностью разрушено. Сохранились лишь берцовые кости, часть костей рук и таза. Судя по остаткам костей, костяк лежал в вытянутом положении, головой на В. Могила с двух длинных сторон была обложена крупными камнями. Возле правой берцовой кости стоял краснолаковый сосудик (табл. XXXIII, 3). Высота его 70 мм, наибольший диаметр тулова 76 мм, внутренний диаметр шейки 54 мм. Сосудик тонкостенный, очень хорошей выделки, сформован из оранжево-розовой тонко отмученной глины и покрыт оранжево-красным лаком, который сохранил свой нормальный цвет только с внутренней стороны венчика. Снаружи сосуд покрыт светло-желтым ангобом, на котором лак лежит пятнами — то темно-бурыми, то оранжево-желтыми. Допышко и нижняя часть тулова лаком не покрыты. Очень близкий по форме и размеру сосуд был найден в погребении 26 на V раскопе в 1956 г. Эта аналогия позволяет датировать и могилу 34 I в. н. э. Слева от костяка против тазовых костей стоял лепной горшочек (табл. XXIV, 4); высота его 64 мм, диаметр около 85 мм. Он выполнен из плохо промешанной бурой глины, очень небрежно; характерно очень массивное дно. У правого запястья найдены две пастовые бусины (табл. XLIV, 2). Одна из них — округлой формы (диаметр 12 мм), светло-зеленого цвета, с желтыми глазками — расколота вдоль и сохранилась только наполовину, другая — цилиндрической формы (диаметр 6 мм, длина 10 мм) темно-голубого цвета, с неровной выемчатой поверхностью — целая.

П о г р е б е н и е 36. Пл. VI, глубина 0,8 м. Погребение совершенно разрушено. Сохранились раздавленный череп, берцовые кости и кости голени, но лежали они не *in situ*. Из

¹⁷ В. П. Шелов. Калининский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 430.

инвентаря сохранилось лишь плоское дно большого тонкостенного закрытого кругового сосуда.

Погребение 37. Пл. VI, глубина 0,85 м. Погребение разрушено. Сохранились только в беспорядке лежавшие кости ног — берцовые и голени. Инвентаря не обнаружено.

Погребения 36 и 37 были расположены сравнительно неглубоко от современной поверхности; значительно ниже и непосредственно под ними находилось детское захоронение в амфоре 41 (табл. XI, 3, 4), которое безусловно было произведено тогда, когда могил 36 и 37 еще не существовало. Погребение 41 по типу амфоры должно быть датировано III в. н. э. Так как во второй половине III в. н. э. и в первой половине IV в. н. э. Танаис не существовал, следует признать, что могилы 36 и 37 относятся либо ко времени, непосредственно предшествующему разгрому города в середине III в. н. э., либо, и это кажется более вероятным, уже ко второй половине IV в. н. э., т. е. ко времени кратковременного восстановления города после разгрома III в.

Погребение 39. Пл. III, глубина 1,4 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине в вытянутом положении с протянутыми вдоль туловища руками, головой на СВ (табл. X, 5). По обе стороны черепа найдены две бронзовые серьги (табл. XXXIV, 9). Серьги имеют вид овальных колечек (диаметр 14—17 мм) с незамкнутыми, но близко сходящимися концами; к концам серьги утончаются, в центральной (нижней) части имеется небольшое вздутие. У шейных позвонков лежала бочкообразная бусина (табл. XLIV, 3) из голубой непрозрачной пасты (диаметр и длина 9,5 мм). Слева от левой плечевой кости найдено глиняное пряслице (табл. XXXIII, 5) усеченно-конической формы (диаметр 32 мм, высота 19 мм). У поясных позвонков лежал спиралеобразный железный предмет, может быть, деталь пояса. Для датировки этого погребения имеют значение только бронзовые серьги. Серьги подобной формы, но сделанные из золота или серебра, встречались в позднеантичных комплексах Херсонеса в Борисовском могильнике и других раннесредневековых могильниках Северного Кавказа¹⁸. Это позволяет отнести погреб-

¹⁸ Н. В. Пяташева. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956, стр. 46; ИАК, 56, 1914, стр. 131—132, рис. 22, 5, 8, 9, 11.

ение 39 уже к последнему периоду существования Танаиса, ко 2-й половине IV в. н. э.

Погребение 41. Пл. VI, глубина 1,45 м. Погребение младенца в амфоре (табл. XI, 3, 4). Амфора широкогорлая красноглиняная; горло, ручки и донце отбиты. Нижнее отверстие заложено большим камнем. Костяк ребенка лежал в амфоре головкой к горлу, в вытянутом положении, на спине, головой на С. Инвентаря не обнаружено. Амфора датирует погребение III в. н. э.

Погребение 42. Пл. VI, глубина 1,5 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на С. Кисть правой руки лежала на правом бедре (табл. XI, 6). Слева от головы стоял разбитый глиняный сосуд с ручкой (табл. XVII, 2). Сосуд имеет форму широкогорлого кувшинчика или кружки, расширяющейся в нижней части и имеющей небольшое плоское дно. Венчик слабо отогнут наружу. Вертикальная плоская ручка прикреплена одним концом ниже венчика, другим — немного выше самой широкой части тулова. Сосуд слеплен от руки из оранжево-серой глины. Наружная часть его покрыта лощением, причем хорошо видны вертикальные лощенные полосы. Высота кувшинчика 134 мм, диаметр дна 56 мм, наибольший диаметр тулова 114 мм, внутренний диаметр шейки 65 мм. Около левого плеча костяка лежал обломок неопределенного железного предмета, рядом с правой ключицей — две пастовые бусины. Форма и выделка лощеного сосуда определяет датировку этого захоронения — первые века нашей эры.

Погребение 45. Пл. VI, глубина 1,85 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, длина ее 2,3 м, ширина 0,8—1 м. Костяк в большей своей части разрушен. Сохранились целиком только правая рука и правая нога. Отдельные кости позвоночника, левой руки и другие разбросаны в беспорядке. Костяк был ориентирован головой на В. В восточной части могилы хорошо прослеживались остатки долбленной колоды-проба, подстилавшие остатки костяка. Проб был значительно меньше и уже, чем могильная яма. Между ним и северной стенкой могилы на уровне берцовых костей погребенного лежала наклонно целая стоящая остродонная амфора с двустольными ручками и желудеобразной ножкой (табл. XV, 4). Длина ее 93 см, наибольший диаметр

тулова 26 см. Справа от правого колена лежало 11 железных черешковых наконечников стрел длиной 17—28 мм (табл. XXXIV, 12). На черешках кое-где сохранились остатки дерева. Стрелы лежали все вместе, остриями к ногам костяка; можно думать, что они находились в истлевшем колчане. Еще несколько наконечников стрел найдено в районе таза. Возле правого запястья обнаружена цилиндрическая бусина из непрозрачной голубой пасты (диаметр 5 мм, длина 4 мм). И амфора с двустольными ручками и железные наконечники стрел датируют погребение I в. до н. э. — I в. н. э.

Погребение 49. Пл. III, глубина 1,68 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Детский костяк лежал на спине в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на В (табл. XI, 2). Кости ног ниже колен отсутствовали, череп был раздавлен. Под костяком хорошо прослеживались остатки дерева от гроба. Возле правого плеча погребенного стоял сероглиняный кувшинчик с отбитой еще в древности ручкой (табл. XXIV, 3). Кувшинчик плоскодонный с расширяющимся в нижней части туловом и слабо отгибающимся венчиком. Он сделан на гончарном круге из мелкозернистой однородной светло-серой глины. Поверхность его была, видимо, немного залощена, но в настоящее время вся оббита. Вертикальная плоская ручка присоединялась одним концом непосредственно к венчику кувшина, а другим — к наиболее выступающей части тулова. Высота сосуда 116 мм, наибольший диаметр 114 мм, диаметр венчика 85 мм. Среди костей черепа находилось семь железных черешковых наконечников стрел, таких же, как и в погребении 45. Еще один подобный наконечник найден около нижних грудных позвонков и один — у левой тазовой кости. Между ключицами найдена бусина из какого-то очень хрупкого светло-желтого минерала — песчаника или известняка, округлой формы (диаметр 10 мм), украшенная поперечными и продольными бороздками (табл. XLIV, 5). Около правой ключицы обнаружено совершенно разрушенное маленькое бронзовое украшение. Рядом с подбородком лежало колечко из железной проволоки с далеко заходящими друг за друга концами (табл. XXXII, 4). Диаметр колечка 18 мм, толщина проволоки 4 мм. При разборке костяка было найдено еще четыре бу-

сины из непрозрачной пасты (табл. XLIV, 4). Одна из них бочковидная (диаметр 7 мм, длина 11 мм), белого цвета, с идущими по спирали разноцветными полосками (оранжевого, светло-зеленого и других цветов); вторая — биконическая (диаметр 8 мм, длина 7 мм), серебристо-белого цвета; третья — округлая (диаметр 9 мм), голубого цвета; четвертая — цилиндрическая, с продольными бороздками (диаметр 5 мм, длина 4 мм), белого цвета. Слева от костяка были положены три камня средней величины, ограждавшие его с юга. К северу и востоку от костяка сохранилась часть кольцевой оградки могилы, выполненной из крупных необработанных камней (табл. XI, 1; VII, 7). С других сторон ограда оказалась уничтоженной. Судя по остаткам, диаметр ограды равнялся примерно 2—2,5 м. Весь инвентарь датирует погребение I в. до н. э. — I в. н. э.

Погребение 53. Пл. III, глубина 2,35 м. Погребение полностью разрушено. Найден лишь череп, под которым при расчистке обнаружены следы дерева. Дата захоронения определена быть не может.

Погребение 54. Пл. III, глубина 2,4 м. Погребение полностью разрушено, найден лишь череп. Время погребения неизвестно.

Погребение 55. Пл. III—VI, глубина 2,9 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине в вытянутом положении с протянутыми вдоль туловища руками, головой на В. Сохранилась лишь верхняя часть костяка, низ (начиная от таза) разрушен мусорной ямой. Под костяком и поверх грудной клетки обнаружены остатки древесины от гроба. На правой стороне груди найден фрагмент бронзовой фибулы (табл. XXXI, 8) позднелатенского типа с овальным щитком-дужкой. Фибула датирует погребение I в. н. э.

Погребение 58. Пл. III, глубина 2,9 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Детский костяк лежал на спине в вытянутом положении с протянутыми вдоль туловища руками, головой на В. Нижняя часть костяка от таза разрушена, череп раздавлен. В области шеи найдена россыпь мелких пастовых бусин (табл. XLIV, 6) всего здесь найдено 13 бусин следующих типов: а) мелкий бисер цилиндрической формы (диаметр 3 мм, длина 3 мм) из непрозрачной светло-голубой пасты — 5 шт.; б) такая же по размеру и форме бусина, изготовленная из желтого песчаника;

в) бисеринка цилиндрической формы (диаметр 3 мм, длина 1,5 мм) из темно-синей непрозрачной пасты; г) биконические пастовые бусины (диаметр 6,5 мм, длина 4 мм) темно-синего и желтого цвета — 2 шт.; д) округлые бусины из полупрозрачного стекла янтарного цвета (диаметр 5 мм) — 4 шт.

На уровне отсутствующего левого бедра лежала створка раковины-беззубки. Слева от костяка был поставлен на ребро большой камень, ограждавший погребение с юга.

Бусы, найденные в этой могиле, не позволяют точно ее датировать, поскольку рубленный пастовый бисер и другие встреченные здесь бусины были очень распространены в течение довольно длительного времени. Но наиболее вероятная датировка их — II—I вв. до н. э. Такая датировка нашего погребения хорошо согласуется с тем фактом, что над погребением 58 была расположена могила 24, датируемая уже I в. н. э.

Погребение 60. Пл. II — III, глубина 2,8 м. Могильная яма, видимо, имела овальную форму. Костяк полностью разрушен, сохранилось лишь несколько осколков костей, в том числе от черепа. Он был, по-видимому, ориентирован головой на В. Хорошо прослеживались остатки деревянного гроба. Из инвентаря погребения не сохранилось ничего, но в западном конце могильной ямы, т. е. предположительно в ногах погребенного, в дне могилы был хорошо заметен четкий след от ножки амфоры, судя по форме — родосской. Это позволяет датировать погребение III — I вв. до н. э.

Погребение 63. Пл. III, глубина 3 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Погребение почти полностью разрушено. Сохранились лишь кости ног ниже колен. Костяк, по-видимому, лежал на спине, в вытянутом положении головой на В. От гроба сохранились отдельные крошки дерева. Инвентаря не обнаружено. К северу от костей лежали в беспорядке крупные камни, может быть остатки ограды могилы. Поскольку над могилой 63 было расположено непотревоженное погребение 49, относимое нами к I в. до н. э. — I в. н. э., могила 63 может быть датирована III—I вв. до н. э.

Погребение 64. Пл. VI, глубина 3,1 м. Погребение почти полностью разрушено. От костяка, ориентированного головой на В, сохранились лишь кости левой руки, ключица и верхние ребра левой стороны грудной

клетки. Инвентаря не обнаружено, датировке погребение не поддается.

Погребение 66. Пл. VI, глубина 2,5 м. Могильная яма имела овальную форму, ширина ее 0,55 м, длина не прослеживалась, так как с запада погребение разрушено ямой. Костяк сохранился от черепа до таза; кости ног и кисть левой руки уничтожены. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении с протянутыми вдоль туловища руками, головой на В. Около черепа слева лежал маленький красноглиняный лепной горшочек (табл. XXIII, 6). Он вылеплен из очень грубой, плохо промешанной глины, красновато-желтого цвета, поверхность его пористая, в трещинках и ямках. Тулово округлое, дно плоское, венчик отогнут слегка наружу; по венчику идут сделанные ногтем вмятины, по плечикам сосуда проходит пояс из вдавленных ногтем косых черточек. Высота сосудика 97 мм, наибольший диаметр тулова 104 мм, диаметр дна 50 мм, внутренний диаметр шейки 53 мм. Под горшочком находилась половинка разбитого килика (табл. XXIII, 4) с вертикально стоящим бортиком и горизонтальными ручками (частично сохранилась только одна). Килик покрыт изнутри и снаружи по бортику тусклым серым лаком, принявшим снаружи на бортике красно-оранжевый цвет. Диаметр килика около 18 см. Могила была перекрыта большими известняковыми плитами, размером около 0,4×0,6 м (табл. XI, 5), из которых сохранились две. Килик датирует эту могилу II в. до н. э. Этой датировке не противоречит и форма лепного сосуда, аналогии которому находятя среди лепной керамики последних веков до нашей эры¹⁹.

Погребение 67. Пл. VI, глубина 2,5 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Детский костяк лежал на спине в вытянутом положении с протянутыми вдоль туловища руками, головой на В (табл. IX, 4a). Над черепом костяка находился деревянный брусоч, покоившийся на двух деревянных подпорках, одна из которых стояла позади темени, а другая на груди погребенного (табл. IX, 4б). Плохая сохранность дерева не позволяет определить точную форму этой деревянной

¹⁹ И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика из грубой глины. МИА, № 19, 1951, стр. 93, рис. 2, 4; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 73, табл. IV, 4.

«скамеечки», защищавшей голову покойника. На остатках дерева лежали обломки «мегарской» чашки (табл. XXVI, 1). Чашка сформована из тонкой оранжево-желтой глины с большим количеством мелких блестяк слюды. Имея обычную полушарую форму «мегарских» чаш, она отличается довольно большими размерами (диаметр 132 мм, высота 66 мм). Покрывающий ее наружную поверхность рельефный узор состоит из сложного сочетания пальметок, листьев, гирлянд и ов. Снаружи и изнутри чашка покрыта хорошим красным лаком густого тона. Такие чашки нередко встречаются в Северном Причерноморье. Они датируются II в. до н. э.²⁰, что и определяет время нашего погребения.

П о г р е б е н и е 69. Пл. VI, глубина 2,55 м. Могильная яма имела неправильную форму: в головной части она была узкой, в противоположной — широкой; длина ее 1,05 м, ширина 0,35—0,5 м. Погребение детское (табл. VII, 2; XII, 2). Костяк лежал на спине с легким наклоном влево. Голова была повернута влево; левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте; правая нога вытянута, левая слегка согнута в колене. Покойник был ориентирован головой на В с легким отклонением к Ю.

В ногах костяка стояла небольшая лепная чашечка (табл. XXIII, 5) с оббитым краем; она вылеплена из грубой плохо промешанной глины, имеющей снаружи красновато-желтый, а в изломе почти черный цвет. Дно чашки плоское, диаметр его 75 мм. Низкий бортик, расширяющийся кверху, имеет высоту около 35 мм. Диаметр по верхнему краю равен примерно 100 мм. Около таза найдено шесть бусин (табл. XLIV, 5, 7—13): а) бочковидная бусина из непрозрачной пасты (диаметр 13 мм, длина 19 мм), голубовато-серого цвета, с белыми разводами и желтыми поясками по краям; б) обломок цилиндрической бусины (диаметр 12 мм, длина обломка 15 мм) из темно-синего непрозрачного стекла, сверху покрытой серебристо-белой краской с желтыми разводами; в) округлая непрозрачная пастовая бусина (диаметр 12 мм, длина 8 мм) мозаичной пестрой расцветки; г) плоская сердцевидная пронизка из прозрачного зеленоватого стекла (длина 14 мм, ширина 21 мм, толщина 6,5 мм); д) округлая бусина из непрозрачной белой пасты (диа-

²⁰ См., например, Е. И. Леви. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 81, рис. 50, 2.

метр 8 мм, длина 5 мм); е) округло-цилиндрическая бусина тех же размеров из полупрозрачного белого стекла. У шеи костяка были найдены еще пять бусин: а) пастовая округлая (диаметр 12 мм, длина 8 мм) глазчатая бусина зеленого цвета с синими глазками, обведенными белой каймой; б) такая же бусина, несколько большего размера (диаметр 14 мм) и серо-голубого цвета; в) две округлые бусины (диаметр 11 мм, длина 8 мм) из полупрозрачного золотистого стекла; г) цилиндрическая бусина (диаметр 9,5 мм, длина 5 мм) из полупрозрачного белого стекла. Там же у шеи костяка с правой стороны найдена бронзовая пластинка с дырочкой.

Погребение, судя по бусам, скорее всего следует отнести к III—II вв. до н. э. Наиболее показательна в этом отношении плоская сердцевидная пронизка (табл. XLIV, 9), аналогии которой известны в комплексах этого времени²¹.

П о г р е б е н и е 70. Пл. III, глубина 3,3 м. Погребение совершенно разрушено. Оно было перекрыто беспорядочно набросанными каменными плитами. Под плитами были обнаружены только древесный тлен от гроба, днище родосской амфоры и обломки бронзовой пластинки. Судя по плитам, погребение было ориентировано на В. Родосская амфора датирует погребение III—I вв. до н. э.

П о г р е б е н и е 71. Пл. III, глубина 3,7 м. Могильная яма имела овальную форму, длина ее 1,8, ширина 0,65, глубина от нижней поверхности перекрывавших ее плит 0,47 м. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на В. Правая рука была протянута вдоль тела, кисть левой находилась на костях таза, голова была слегка повернута вправо. Инвентаря не обнаружено. Могильную яму, засыпанную чистым желтым песком, перекрывал тщательно уложенный плоский плитняк. Для определения времени погребения данных нет.

П о г р е б е н и е 72. Пл. III, глубина 3,1 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Погребение ребенка трех-четырёх лет было совершенно разрушено, сохранились лишь беспорядочно лежащие отдельные кости. Определить ориентировку и положение кос-

²¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабанской. МИА, № 23, 1951, рис. 14, 5; А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг. МИА, № 62, 1958, рис. 42, 2.

тяка невозможно. Могила была перекрыта каменными плитами, из которых сохранилось только три. Среди костей найдены: бронзовый детский браслет (табл. XXXIV, 6) из плоской проволоки с незамкнутыми концами (диаметр браслета 33 мм, ширина его 3 мм), две маленькие золотые сережки (табл. XXXIV, 10) в виде колечек из золотой проволоки с заходящими друг за друга концами (диаметр серег 11 мм, толщина проволоки 1 мм), кусочек бронзового украшения, может быть фибулы, совершенно окислившийся, и много разных бус (табл. XLVI). Здесь найдены бусы следующих типов: а) мелкий бисер из непрозрачной темно-синей пасты с белыми продольными полосками, форма этих бусинок различна: цилиндрическая, округлая, кольцеобразная (диаметр 3—4 мм, длина 2,5—3,5 мм) — 28 шт.; б) такой же бисер, тех же размеров и форм, но с желтыми продольными полосками — 24 шт.; в) округлые бусины из полупрозрачного серебристо-зеленого стекла (диаметр 4 мм, длина 2,5—3 мм) — 16 шт.; г) такие же бусины немного большего размера (диаметр 5—6 мм, длина 4 мм) из полупрозрачного белого стекла — 4 шт.; д) такая же бусина из полупрозрачного стекла янтарного цвета; е) бусы округлой формы из непрозрачной темно-серой пасты с белым пояском по «экватору» (диаметр около 5 мм, длина 3,5 мм) — 5 шт.; ж) округлая бусина из белой непрозрачной пасты с продольными насечками (диаметр и длина 7 мм); з) такая же бусина меньших размеров (диаметр 6 мм, длина 5 мм); и) такая же бусина из голубой пасты; к) бусы округлой формы из синей непрозрачной пасты (диаметр и длина 4,5 мм) — 2 шт.; л) плоская четырехугольная бусина (длина 9 мм, толщина 4 мм, ширина 7 мм) из синей непрозрачной пасты с тремя белыми поперечными полосками; м) округлая бусина из белой непрозрачной пасты (диаметр 11 мм, длина 10 мм); н) шарообразная глазчатая бусина из темно-синей пасты с темно-синими глазками, обведенными белой каемкой (диаметр 12 мм); о) такая же бусина меньшего размера (диаметр 7 мм); п) округлая бусина из белой пасты с синими глазками, обведенными белой и синей каемками (диаметр 15 мм, длина 12 мм); р) округлые белые пастовые бусины с коричневыми глазками (диаметр 8 мм, длина 6 мм) — 2 шт.; с) округлые бусины из светло-зеленой пасты с синими глазками, окруженными белой и си-

ней каемками (диаметр 13 мм, длина 7 и 9 мм) — 2 шт.; т) округлая бусина из непрозрачной пасты, украшенная зигзагами разных цветов (белый, желтый, голубой, красный) (диаметр 13 мм, длина 9 мм); у) гешировая бусина цилиндрической формы (диаметр 7 мм, длина 14 мм); ф) гешировая бусина бочкообразной формы (диаметр 6 мм, длина 7 мм); х) гешировые бусины цилиндрической формы, напоминающие колечки (диаметр 6—7 мм, длина 3—4 мм) — 5 шт.; ц) гешировая бусина усеченно-пирамидальной формы (ширина 9 мм, длина 6 мм); ч) такие же бусы меньшего размера (ширина 4,5 мм, длина 2 и 3 мм) — 2 шт.; ш) обломок цилиндрической бусины из какого-то хрупкого минерала (песчаника?) желтого цвета (диаметр 4 мм). Металлические украшения и бусы из этого погребения дают слишком мало точек опоры для надежной его датировки. Все же представляется наиболее вероятной датировка этого комплекса временем, близким к рубежу нашей эры, когда большинство из перечисленных типов бус было широко распространено.

П о г р е б е н и е 73. Пл. VI, глубина 2,95 м. Могильная яма имела овальную форму, ширина ее 0,6 м, длину установить было невозможно, так как уцелела только небольшая часть погребения. От костяка сохранились лишь стопа левой ноги, голень и стопа правой ноги. Погребенный лежал головой на В. В ногах стоял разбитый кувшин (табл. XXV, 1). Кувшин сделан на гончарном круге из светло-желтой глины с огромным количеством черных туфовых включений (типа синопской глины). Поверхность его ровная, ничем не покрытая. Кувшин имеет яйцевидное тулово, плоское дно, невысокое горло, расширяющееся книзу, незаметно переходящее в плечики: венчик отогнут наружу; плоская в сечении ручка прикреплена одним концом к горлу ниже венчика, другим — к плечу кувшина. Высота сосуда около 310 мм, наибольший диаметр тулова 223 мм. Кувшин был разбит в древности и скреплен свинцовыми скрепами, от которых на тулове остались круглые отверстия, но он был положен в могилу разбитым — у него не хватает части горла. Очень близкий по форме кувшин найден в фанагорийском некрополе «Е» вне погребений²².

²² М. М. Кобылина. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1948 г. МИА, № 19, 1951, рис. 5, 6.

В лучших условиях найден подобный кувшин в некрополе Ново-Филипповки, в могиле I в. н. э.²³ Вероятно, этим же временем должны мы датировать и погребение 73. Такая датировка может быть подкреплена и тем фактом, что над этим погребением была расположена могила 32, предположительно относимая нами ко II — III вв. н. э.

Погребение 74. Пл. III, глубина 2,6 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. От костяка, ориентированного головой на В, сохранились только кости ниже колен. Инвентаря не обнаружено. Данных для определения времени погребения нет.

Погребение 75. Пл. III, глубина 2,8 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк разрушен, сохранились только левая нога целиком, правая нога ниже колена и часть правой берцовой кости, левая плечевая кость и часть левых лучевой и локтевой костей. Все остальное уничтожено. Костяк лежал на спине, головой на В. Ноги его были сильно раздвинуты в коленях, пятки соединены. В районе шеи найдены две бусины из непрозрачной стеклянной пасты фиолетового цвета. Одна из них округлой формы (диаметр 6 мм, длина 4,5 мм), другая округло-цилиндрической (диаметр 5 мм, длина 3 мм). В районе левой кисти на фаланге пальца найдено бронзовое кольцо (табл. XXXV, 1). Кольцо сделано из плоской бронзовой проволоки, согнутой спиралеобразно, так что оно состоит почти из двух оборотов этой проволоки; концы не замкнуты; диаметр кольца 21 мм, ширина проволоки 3 мм. Расположение этого погребения под могилой 49 позволяет датировать его III—I вв. до н. э.

Погребение 76. Пл. III, глубина 2,63 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк хорошо сохранился (табл. VII, 1). Погребенный лежал на спине, головой на В. Кисть левой руки была подведена под кости таза, а ноги резко согнуты в коленях и položены вправо, стопы ног отсутствовали. Инвентаря не обнаружено. Время погребения

²³ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА, табл. IV, 4.

может быть определено только на основании стратиграфических наблюдений. Могила 76 повредила погребение 69, относящееся к III — II вв. до н. э., и в то же время находилась под погребением 45, датируемым I в. до н. э. — I в. н. э. Таким образом, могила 76 может быть датирована II—I вв. до н. э.

Погребение 77. Пл. III, глубина 3,75 м. Могильная яма имела овальную форму, длина ее 2,25 м, ширина 0,75 м. Внутри могилы вдоль южной стороны ямы была сооружена оградка из поставленных на ребро камней. Костяк, ориентированный головой на В, почти полностью был разрушен, сохранились только кости левой ноги. На дне ямы прослеживались остатки дерева от гроба. Вероятно, гробу же принадлежали большие железные гвозди, найденные в восточной части ямы. Там же найдены лепная чашка и глиняное пряслице.

Чашка (табл. XVII, 3) имеет прямые расширяющиеся кверху борта и плоское дно; она сформована из плохо промешанной глины, поверхность ее неровная, бугристая, желтоватого цвета; в изломе черепок темно-серый. Диаметр дна чашки 58 мм, диаметр поверху 125 мм, высота 85 мм. Пряслице (табл. XXXIII, 4) усеченно-биконической формы, диаметр его 35 мм, высота 27 мм. В западном конце могильной ямы лежал большой раздавленный лепной горшок (табл. XVII, 4). Он имеет маленькое плоское дно, узкое горлышко с отгибающимся наружу венчиком и округлое тулово. Выделан он тщательно, поверхность его ровная. Высота горшка 240 мм, наибольший диаметр тулова 192 мм, диаметр дна 95 мм, внутренний диаметр шейки 70 мм. Форма этого горшка резко отличается от формы большинства лепных горшков, найденных в танаисском некрополе и на городище. Форма эта несомненно ранняя, восходящая к V—IV вв. до н. э.²⁴, она позволяет датировать погребение 77 первыми веками существования здесь города.

²⁴ Ср., например, сосуд с Каменских кучугур: Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954, стр. 71, табл. III, 4.

2. РАСКОП V (1956—1958 гг.)²⁵

В 1956 г. был заложен еще один раскоп на территории некрополя — раскоп V (табл.

²⁵ Начальник раскопа И. С. Каменецкий.

IV). Он был заложен к востоку от городища и к северо-востоку от раскопа III, в местности, где, по свидетельству окрестных жителей, при разных хозяйственных работах

встречались человеческие кости и разные вещи. Действительно, раскопки показали, что на исследуемой территории располагался друнтовой некрополь. Первоначально здесь была заложена траншея в 3 м ширины и 32 м длины в направлении с В на З. Она копалась участками размером 3 × 4 м. Когда в западной части траншеи была обнаружена часть круговой каменной оградки (табл. XIII, 1), относящейся к погребению 68, эта часть раскопа была сильно расширена к югу и было прирезано еще девять участков того же размера с тем, чтобы выявить общий план оградки и открыть погребение в центре ее.

На раскопе было открыто в 1956 г. 21 погребение, часть из которых располагалась в культурном слое, но большинство в материке. Материк — желто-коричневый суглинок с известковыми включениями — лежит здесь на глубине 1—1,5 м от современной поверхности. Культурный слой не имеет того мусорного характера, который наблюдается на раскопе III. Это слегка гуммированный суглинок со сравнительно небольшим количеством культурных остатков. В числе последних — сильно измельченные и заизвесткованные фрагменты керамики и кости животных. Изредка встречаются отдельные кости человека от разрушенных погребений. Керамика представлена главным образом обломками остродонных амфор, среди которых преобладают фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор и амфор с двустольными ручками. Обломки более поздних красноглиняных амфор единичны. Много фрагментов краснолаковых мисок I в. до н. э. — II в. н. э., также сероглиняных лощеных сосудов, простой посуды, изготовленной на гончарном круге. Обломков лепной керамики очень немного. Из отдельных находок, сделанных в культурном слое и не связанных с определенными погребениями, можно назвать боспорскую монету, пряслица, половинку египетского скарабея из голубой пасты, бронзовые браслетик и колечко, бусины.

Погребение 21. Пл. I, глубина 0,95 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на З, с сильно согнутыми в коленях ногами и согнутыми в локтевом суставе руками, кисти рук были поднесены ко рту (табл. X, 6; XIII, 3). Инвентаря не обнаружено. Поскольку это непотревоженное погребение находилось над могилой 57, хоро-

шо датируемой I в. н. э., оно не могло быть совершено ранее этого времени.

Погребение 22. Пл. II и XIX, глубина 1,12 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ЮЗ. Около костей стоп найдена маленькая цилиндрическая голубая бусина (бисеринка) из непрозрачной пасты (диаметр 3 мм, длина 1,5 мм). Вдоль левого бока костяка (с СЗ) тянулась оградка из вертикально поставленных каменных плит (8 шт.), общей длиной 1,68 м. Достаточных данных для датировки могилы нет.

Погребение 26. Пл. II, глубина 1,65 м. Могильная яма прослеживалась лишь частично. Она имела прямоугольную форму, длина ее 1,8 м, ширина не прослежена, но составляла не менее 0,7 м. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ВЮВ, с протянутыми вдоль туловища руками, ноги были немного раздвинуты (табл. X, 8; XII, 6). Нижние ребра правой стороны, правая плечевая кость, эпифизы правых лучевой и локтевой костей, вся правая кисть, обе правые берцовые кости, правая стопа и часть левой стопы отсутствовали. Около правого коленного сустава находились целый краснолаковый горшочек, обломки краснолакового кувшинчика, фрагмент краснолаковой чашки, створка раковины мидии и фрагмент бронзового зеркала.

Краснолаковый горшочек (табл. XXII, 1) сохранился почти целым, отбиты в древности только кусочки венчика и вертикальная ручка, прикреплявшаяся к шейке и к брюшку сосуда. Горшочек сформован из мелкозернистой плотной розовой глины, имеет округлое, расширяющееся в нижней части тулово, маленькое донце и отогнутый наружу прямой венчик; по шейке снаружи проходит рельефный горизонтальный поясок. Высота сосуда 85 мм, наибольший диаметр тулова 100 мм, диаметр дна 39 мм, внутренний диаметр шейки 59 мм. Снаружи горшочек был покрыт (за исключением дна и придонной части) желтоватым ангобом. Поверх ангоба большая часть сосуда снаружи (кроме нижней части) и венчик изнутри покрыты лаком темного красно-бурого цвета, лежащим неровно, с темными потеками и пятнами. Очень близкий по форме, размерам и технике выработки сосудик был открыт в погребении 34 на раскопе III.

От краснолаковой чашки сохранилась только небольшая часть, позволяющая, однако, восстановить полный профиль сосуда (табл. XXVIII, 5). Глубокая тонкостенная чашечка была вылеплена из тонкой желто-оранжевой глины, имела низкий кольцевой поддон и очень маленький венчик в виде выступающего валика. Изнутри и по верхнему краю наружной стороны чашечка была покрыта плохим лаком бурого цвета. Чашечка еще в древности была разбита и соединена свинцовыми скрепами. В могилу был положен фрагмент, на котором сохранились два отверстия с остатками скреп. Высота чашки 65 мм, диаметр около 120 мм. Такая же, но целая чашечка сохранилась в погребении 79.

От краснолакового кувшина сохранились только обломки плечиков, почти горизонтальных, позволяющие предполагать, что тулово его было приземистым, а горлышко узким; наибольший диаметр тулова был около 130 мм. Снаружи кувшинчик был покрыт ярко-красным, но не блестящим лаком.

Зеркальце, обломки которого найдены в этом погребении (табл. XXXV, 2), было небольшое (диаметр около 55 мм), с концентрическими кругами на оборотной стороне. В составе металла заметна большая примесь олова или свинца.

Краснолаковые сосуды из погребения хорошо датируют его I в. н. э. В этом отношении показательна почти полная тождественность чашечек из этого погребения и из могилы 79, датированной I в. н. э. различными материалами, в том числе и монетой Августа.

П о г р е б е н и е 28. Пл. I, II, XVIII и XIX, глубина 1,76 м. Могильная яма имела вытянуто-овальную форму, длина ее 2,05 м, ширина 0,65 м. На стенках ямы были заметны следы орудия, которым она была выкопана. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ССВ. Кости левой ноги, локтевые кости обеих рук, кости обеих стоп и обеих кистей отсутствовали; лучевые кости и некоторые ребра смещены и лежали справа от черепа. Над костяком и под ним прослеживались остатки дерева. В районе черепа найдено несколько небольших железных обломков неопределенной формы. По-видимому, к этому погребению относится ограда из крупных и средних необработанных камней. Ограда состояла из набросанных в беспорядке камней и имела форму круга, в центре которого была расположена могильная яма. Часть ограды от-

крыта на пл. II, на глубине около 0,5 м, видно на древней дневной поверхности, с которой было начато рытье могильной ямы. Судя по сохранившейся открытой юго-западной части ограды диаметр круга составлял около 3 м. На том же уровне, непосредственно над могилкой, были набросаны камни, которые составляли наземное перекрытие уже засыпанной могилы и вместе с оградой образовывали единое погребальное сооружение. Поскольку кольцевая ограда погребения 28 частично лежала над могильными ямами погребений 26 и 29, датируемых I в. н. э., погребение 28 было совершенно не ранее этого времени. Скорее всего, погребение 28 также относится к I в. н. э. Мы видели, что могила 49 на раскопе III, обнесенная также кольцевой оградкой, датируется I в. до н. э. — I в. н. э.

П о г р е б е н и е 29. Пл. II и XIX, глубина 1,95 м. Форма могильной ямы прослеживалась лишь частично. По-видимому, она приближалась к четырехугольной, длина ее 2,05 м, ширина 1,3 м. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на ССВ, по в первоначальном положении сохранились только кости ног от таза. Выше таза все кости были перемешаны и лежали в полном беспорядке, череп оказался над тазовыми костями (табл. XII, 8). Справа от костяка на уровне таза лежала вверх дном большая лощеная миска с реберчатым краем; справа от костяка на уровне первоначального положения черепа находился большой лешой горшок с налелема. Горшок (табл. XVIII, 4) слеплен из грубой глины темно-серого цвета; поверхность его бугристая, со следами коפותи. Вверху он широкий, книзу сужается; венчик отсутствует, а верхний край загибается внутрь; дно плоское. В верхней части тулова имеются три вертикальных налепа, каждый из которых состоит из двух налепов, разделенных мятиной-перемычкой. Высота горшка 244 мм, наибольший диаметр 212 мм, диаметр дна 105 мм, внутренний диаметр верхнего отверстия 130—140 мм. Миска (табл. XVIII, 1) сделана на гончарном круге из светло-коричневой глины с белыми известковыми включениями. Как наружная, так и внутренняя поверхность ее хорошо залощена. Вертикальный бортик немного наклонен внутрь и снаружи украшен двумя вдавленными поясками. Дно почти плоское, с незначительным углублением. Диаметр миски по верхнему краю 232 мм, диаметр дна 89 мм, высота 86 мм.

В засыпи могилы найдены обломок фибулы и голубая пастовая бисерина цилиндрической формы (диаметр 3 мм, длина 1,5 мм). От бронзовой фибулы сохранились игла (длина 30 мм), пружинка из четырех витков и маленькая часть листовидной дужки с насечкой в центре (табл. XXXV, 4).

Ни один из найденных в погребении сосудов не позволяет точно определить время погребения, но оба они должны относиться к I—III вв. н. э. Более точно датировать погребение может обломок фибулы позднелатинского типа, относящейся к I в. н. э.

Погребение 30. Пл. VII, глубина 0,36 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на В. Ноги были сильно подогнуты в коленях, руки согнуты в локтях под прямым углом, левая выдвинута вперед, правая подведена к черепу (табл. X, 2). Около колен найден обломок железной пряжки, имевшей, по-видимому, форму колечка с поперечным язычком. Эта форма пряжки, распространенная на протяжении многих веков, не позволяет датировать погребение. *Terminus post quem* для могилы 30 определяет тот факт, что она вырыта в грунте над каменной оградой могилы 68. Ограда погребения 68 сложена в I в. н. э., стало быть могила 30 сооружена не ранее этого времени.

Погребение 31. Пл. V, глубина 1,21 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк детский (с молочными зубами) лежал на спине, в вытянутом положении, головой на В. Многие кости не сохранились, в том числе вся правая нога (табл. XII, 1). У шейных позвонков найдена цилиндрическая пастовая бусина, на запястье левой руки — браслет из очень мелких бусин из стекловидной массы, у правой руки — браслет из подобных же бус, но соединенных по несколько штук, и бронзовый браслет; на месте правого бедра обнаружен небольшой лепной горшочек. Горшочек (табл. XVIII, 5) имеет бочкообразное тулово, плоское дно и отогнутый наружу небольшой венчик; поверхность его неровная, покрыта копотью и нагаром. Высота горшочка 119 мм, наибольший диаметр 103 мм, диаметр дна 53 мм, внутренний диаметр шейки 63 мм. Детский бронзовый браслет имеет вид небольшого овала (размер 35×28 мм) с незамкнутыми концами, сделан из проволоки (табл. XXXV, 3).

Пастовая бусина цилиндрической формы (диаметр 7 мм, длина 20 мм), найденная у шейных позвонков, сделана из слоев разноцветной пасты (желтой, зеленой, серой), по спирали огибающих цилиндрическую поверхность бусины (табл. XLV, 2). Мелкие бусинки, из которых были сделаны браслеты на руках (табл. XLV, 1, 3), имеют округлую форму (диаметр 3 мм, длина 2 мм); они изготовлены из непрозрачной очень хрупкой пасты, рассыпающейся от прикосновения. В настоящее время они имеют грязно-серый цвет, определить их первоначальный цвет трудно, но, вероятно, бусинки были желтыми. Обычно они соединены таким образом, что три-четыре мелких бусины вместе образуют одну длинную бусину. Определить общее количество их в могиле невозможно, так как большинство их превратилось в мелкую крошку. Подобные округлые бусинки из стеклянной пасты, соединенные по несколько штук, часто встречаются в сарматских погребениях I—II вв. н. э. Следует также отметить, что совершенно такая же цилиндрическая бусина из спиральных слоев разноцветной пасты встречена в могиле 81 в 1957 г., хорошо датированной II в. н. э. Это обстоятельство позволяет отнести и погребение 31 примерно к тому же времени.

Погребение 35. Пл. V (прирезка), глубина 0,46 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк детский, лежал на спине, в вытянутом положении, головой на С. Череп смещен, кости ног ниже середины бедер разрушены. В головах найден целый сероглиняный лощеный кувшинчик, слева от таза — лепной горшок, у правой руки — обломок биконической бусины и тройная стеклянная бусина, у левой руки — плоская четырехугольная бусина.

Инвентарь этого погребения представляет значительный интерес. Дело в том, что это единственное погребение из открытых нами в танаисском некрополе²⁶, которое может быть отнесено к раннему средневековью. Особенно показательны в этом отношении сосуды. Лощеный кувшинчик (табл. XXV, 5) сформован без гончарного круга из серой глины с примесью крупных частиц шамота; он имеет приземистое, расширяющееся книзу тулово, плоское дно, цилиндрическое широ-

²⁶ О трех средневековых могилах, открытых на территории городища, мы будем говорить в следующей главе.

кое горло и овальную в сечении небольшую ручку. Поверхность его лощеная, причем хорошо видны лощеные вертикальные полосы на тулове и горле сосуда и две глубокие горизонтальные полосы на месте перехода от тулова к горлу. Высота кувшинчика 123 мм, наибольший диаметр тулова 141 мм. Совершенно такой же лощеный сосуд был найден в танаисском некрополе в 1909 г., хранится он в Эрмитаже (ТН-264)²⁷. Лепной горшок (табл. XXV, 4), найденный в этом погребении, сохранился только наполовину, но форма его совершенно ясна. Он сформован из темно-серой плохо промешанной глины с крупными включениями шамота; цвет поверхности его темно-коричневый, вся поверхность покрыта мелкими горизонтальными вдавленными полосками. Горшок имеет плоское дно и резко отгибающийся наружу небольшой венчик. Высота горшка 130 мм, наибольший диаметр тулова 144 мм.

Из бус, найденных в погребении, наиболее характерна плоская прямоугольная бусина-пропизка (размер $11 \times 9 \times 4$ мм) из слоистой желто-зеленой пасты, с красным глазком (табл. XLV, 7). Интересен и обломок, видимо, крупной биконической бусины из синей пасты, инкрустированной красными вставками (табл. XLV, 8). Третья бусина — тройная (табл. XLV, 6) из трех соединенных округлых пастовых бусин серебристо-серого цвета (общая длина ее 16 мм, диаметр 8 мм).

Оба сосуда из этого погребения принадлежат к характерным формам салтово-маяцкой керамики и твердо датируют могилу VIII—IX вв. н. э.

Погребение 38. Пл. V, глубина 1,45 м. Погребение разрушено двумя ямами с севера и с юга; прослеживалась только ширина могильной ямы — 0,75 м. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении головой на ССВ. Левая рука была вытянута вдоль туловища. От костяка сохранились только берцовые кости, кости стоп, нижняя часть левого бедра и кисть левой руки — все остальное разрушено ямой.

У правой ноги найдены обломки узкогорлого кувшина и нижняя часть маленького тонкостенного краснолакового сосуда. Оба сосуда сделаны на гончарном круге из тонкотмученной оранжевой глины, изобилующей включениями слюды. Кувшин (табл.

XXVIII, 4) имел шарообразное тулово (диаметром около 125 мм) и низкий кольцевой поддон. Узкое горлышко заканчивалось расширяющимся венчиком. На месте притрешения к горлу плоской профилированной ручки вокруг горла шел рельефный валик. Точные размеры кувшинчика установить невозможно, так как верхняя часть горлышка не соединяется с туловом, но во всяком случае его высота была не менее 175 мм. Второй сосудик — маленький закрытый сосуд с шаровидным туловом, покрытым плоским красным лаком, без поддона.

На кисти левой руки был браслет из пастовых бус. Такие же браслеты имелись на обеих ногах (табл. XXXV, 6, 7). Бусы все сделаны из очень хрупкой светло-желтой пасты, поэтому большая их часть развалилась. Всего собрано 50 целых бусин, из них 22 имеют форму плоских колечек (диаметр 5—6 мм, толщина 2 мм), восемь — округлую форму (диаметр 6 мм); 18 бусин двойных, из соединенных вместе двух округлых бусинок (общая длина 6, диаметр 4 мм); две такие же тройные бусины (длина 9 мм); кроме того, найдено много обломков, главным образом двойных бусин.

Форма кувшинчика, а также то обстоятельство, что северный конец погребения 38 перерезан могилкой 46, позволяют датировать погребение 38 I в. н. э.

Погребение 40. Пл. I (прирезка), глубина 1,45 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на В. Кости левой стопы не сохранились. Инвентаря не обнаружено. Над грудью и правой рукой лежали камни, может быть от заклада могилы. Датировать погребение невозможно.

Погребение 44. Пл. X, глубина 0,65 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на С. Правая рука была вытянута вдоль тела, кисть левой руки лежала на животе; кости ниже таза не сохранились. Инвентаря не обнаружено. Поскольку эта могила впущена в насыпь, перекрывавшую погребение 68 I в. н. э., она должна быть датирована более поздним временем.

Погребение 46. Пл. V (прирезка), глубина 1,86 м. Могильная яма хорошо прослеживалась (табл. VIII, 2); она имела сверху четырехугольную форму ($1,7 \times 0,78$ м),

²⁷ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 81, рис. 33.

внизу овально-вытянутую (1,65×0,55 м). Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. В порядке сохранились только берцовые кости обеих ног и кости левой стопы, остальные кости были сдвинуты и перемешаны, а многие отсутствовали. Около левой стопы найдены четыре железные трехгранные стрелки с черенком (табл. XXXV, 11), у берцовых костей — стеклянные красные бусы (табл. XLVII, 1). Число бусин, находившихся в погребении, определить трудно, так как большая часть их распалась в процессе разборки погребения, удалось собрать только обломки. Все бусы одностипные, сделаны из полупрозрачной стеклянной массы и покрыты сверху кирпично-красной краской. Форма бус бочкообразная, длина 5—6 мм, диаметр 5 мм. Между берцовыми костями погребенного лежали две бронзовые пронизки (табл. XXXV, 9, 10). Одна из них имеет форму колечка из свернутой спиралью проволочки (два витка), диаметр ее 9 мм; другая сделана из свернутой в трубочку металлической пластинки; диаметр этой пронизки 7 мм, длина (ширина пластинки) — 6 мм. Железные черешковые стрелы датируют погребение приблизительно I в. н. э.

Погребение 47. Пл. XIX и XX, глубина 1,14 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на З. Большая часть черепа, вся левая рука, кроме кисти, значительная часть костей ног отсутствуют. Левая нога слегка согнута в колене. Инвентаря не обнаружено. Для определения времени погребения данных нет.

Погребение 48. Пл. IX и X, глубина 0,82 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЗЮЗ. Левая рука была протянута вдоль тела, правая согнута в локте и кисть ее лежала на животе (табл. X, 1). Инвентаря не обнаружено. Время погребения — не ранее II в. н. э. — определяется тем обстоятельством, что оно было впущено в насыпь над могилой 68, датируемой I в. н. э.

Погребение 56. Пл. XIII, глубина 1,13 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Погребение младенца в амфоре. Для захоронения использовано тулово светлоглиняной амфоры с желудеобразной ножкой и двустольными ручками (табл. VII, 3; XI, 7). Амфора была обложена камнями, ориентиро-

вана горлом на СВ. Отверстие ее было заложено плиточным камнем. Скелет лежал в амфоре головой к ножке ее. В области груди найдена половина высокой краснолаковой миски с отвесным бортиком. Миска (табл. XVI, 1) очень хорошей формы, высота ее 63 мм, диаметр 125 мм; бортик высокий, отвесный, высокий кольцевой поддон; сформована она из оранжево-розовой глины с мелкими светлыми включениями; покрыта изнутри и снаружи хорошим темно-красным лаком. По форме и качеству лака чашка должна быть датирована первой половиной I в. н. э. Амфоры с двустольными ручками и желудеобразной ножкой датируются I в. до н. э. — I в. н. э. Таким образом, погребение должно быть отнесено к I в. н. э.

Погребение 57. Пл. I, глубина 1,95 м. Совершенно разрушенное детское погребение. Сохранились только отдельные кости, лежавшие в беспорядке. Погребенный был ориентирован, по-видимому, головой на Ю. Среди остатков костяка найдены: раздавленный лепной горшок, обломки нижней части небольшого красноглиняного сосудика, среди которых находились два глиняных яряслица, каменная плитка для растирания красок, краснолаковая тарелка с клеймом, обломки краснолаковой чашечки, краснолаковая ойнохоя, несколько бусин, серебряное колечко и обломок другого такого же колечка, медная подвеска и обломки железного гвоздя.

Наиболее замечательной находкой в инвентаре этого погребения является краснолаковая тарелка (табл. XXVII). Она сделана из очень тонкой мелкозернистой оранжево-розовой глины с мельчайшими блестками и покрыта вся, включая и дно, густым и ровным лаком красно-коричневого тона. Тарелка очень плоская, на низком кольцевом поддоне с низким вертикальным бортиком, украшенным с внешней стороны насечкой. Диаметр ее 182 мм, высота 30 мм. В центре тарелки маленькое клеймо ICIC и орнаментальный круг из концентрических полосок и насечки между ними. На дне процарапано граффити Ю.

Маленькая краснолаковая чашечка (табл. XXVIII, 3) была разбита еще в древности и просверлена в нескольких местах для скрепления. В могиле найдено лишь два обломка чашки, дающих, однако, полное представление о сосуде. Чашечка была сфор-

мована из хорошо отмученной глины коричнево-серого цвета и покрыта изнутри и снаружи довольно густым буроватым лаком. Стенки чашечки сложно профилированы, суживаются книзу, к маленькому донышку на маленьком кольцевом поддоне. Верхний диаметр чашечки 90 мм, высота 41 мм.

Краснолаковая ойнохоя (табл. XXII, 4) была положена в могилу поврежденной — в тулове у нее имеется круглая дырка. Ойнохоя сформована из тонкой оранжевой глины с мельчайшими блестками и покрыта оранжево-красным блестящим лаком, который теперь во многих местах утрачен. Сосуд имеет низкий кольцевой поддон, витую круглую в сечении ручку и две горизонтальные вдавленные полосы на плечиках. Высота ойнохои 145 мм, наибольший диаметр тулова 112 мм.

Лепной горшок (табл. XVIII, 3) имеет плоское дно, грушевидное тулово и широкое горло. Вылеплен он чрезвычайно грубо, так что вертикальная ось его находится под острым углом к плоскости дна. Поверхность горшка слегка залощена, особенно заметно лощение по венчику. Высота сосуда 157 мм, наибольший диаметр 129 мм.

Одно из пряслиц (табл. XXXIII, 6) имеет биконическую форму (диаметр 38 мм, длина 32 мм), другое (табл. XXXIII, 10) округлое (диаметр и длина 35 мм).

Бусы, найденные в погребении, относятся к следующим типам: а) мелкий бисер из голубой или желтой непрозрачной пасты, цилиндрической формы (длина 2 мм, диаметр 3 мм) — 11 шт.; б) плоская бусина (табл. XLV, 4) овальной формы (длина 14 мм, диаметр 12 мм) из синей непрозрачной пасты; в) черная тешировая бусина (табл. XLV, 5) в форме полушария (диаметр 12 мм, длина 6 мм).

Колечко (табл. XXXV, 8) было найдено на фаланге пальца. Оно сделано из серебряной круглой в сечении проволоки и имеет диаметр 17 мм. Подвеска (табл. XXXV, 5) состоит из двух маленьких цилиндриков, согнутых из тонкой медной пластинки, и вставленных в них медных же пластинок с петельками; размер подвески 17×12 мм.

Краснолаковая керамика датирует погребение I в. н. э.

Погребение 59. Пл. IX, глубина 1,2 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Погребение детское в тулове светлоглиняной

амфоры с желудеобразной ножкой и двуствольными ручками (табл. XII, 3). Амфора со всех сторон и сверху была обложена камнями, ориентирована горлом на В. Костяк лежал в амфоре в вытянутом положении на спине, головой к горлу амфоры. С костяком найдены: краснолаковая чашка с рельефными изображениями на высокой ножке, сероглиняный лощеный горшок, маленькая бронзовая фибула с остатками ткани (на груди) (табл. XXXVI, 5, 7) и 73 бисерины из голубой пасты (у шеи), точно такие же, как в погребении 57.

Краснолаковая чашка на ножке (табл. XXVI, 2) является прекрасным образцом малоазиатской краснолаковой керамики с рельефным орнаментом. Весь верх ее и один бок утрачены, потому невозможно указать ее точные размеры. В дошедшем до нас виде она имеет 75 мм в высоту и 110 мм в диаметре. Сформована чашка из мелкозернистой тонко отмученной глины оранжево-бежевого цвета и покрыта изнутри и снаружи оранжево-красным лаком. Тулово украшено рельефной гирляндой со спускающимися вниз петлями бантов, между которыми расположено девять рельефных фигурок стоящих фламинго. Ножка чашки тонко профилирована.

Лощеный горшочек (табл. XXV, 2) сделан на гончарном круге из мелкозернистой серой глины с многочисленными блестками. Приземистое острорезерное тулово покрыто лощением, сравнительно узкое высокое горло не залощено. Высота горшочка 79 мм, диаметр тулова 98 мм.

Весь инвентарь погребения хорошо датируется I в. н. э., к этому времени следует отнести и захоронение.

Погребение 61. Пл. V и прирезка к ней, глубина 2,22 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, длина ее 1,63 м, ширина 0,56 м, прослеживалась на глубину 0,75 м. Ориентирована яма продольными сторонами по линии ЮЗ — СВ. По краям могильной ямы сохранились концы перекрывавших ее поперек деревянных плах. Погребение полностью разрушено. В засыпи встречались кости взрослого человека и ребенка. Кроме того, в засыпи найдены обломки железных гвоздей и фрагменты краснолаковой тарелки. Тарелка (табл. XXVIII, 1) очень больших размеров (диаметр около 290 мм) сформована из светло-оранжевой тонко отмученной глины и покрыта (кроме дна) доволь-

но густым оранжево-красным лаком. Горизонтальный край тарелки заканчивается невысоким вертикальным бортиком. Такие краснолаковые тарелки были распространены в I—III вв. н. э. Ранний образец этого рода посуды встречен в погребении 100. Тарелка из могилы 61 по качеству лака должна быть отнесена ко II—III вв. н. э. Этим и определяется время погребения.

Погребение 68. Пл. XII и XVI, глубина 4,3 м. Это погребение являлось центральным погребением внутри большой каменной ограды. Над погребением была сделана насыпь, заполняющая кольцевую ограду. Высота насыпи над погребенной почвой не превышала 1,2 м; в стороны от центрального погребения насыпь немного понижалась, но очень незначительно, на 0,1—0,15 м. Слои погребенной почвы ясно были видны на разрезах через насыпь. Погребенная почва перекрывалась выбросом из могильной ямы, прослеживаемым на площадях XII, XIV, XV, XVII в виде слоя до 0,4 м толщины.

Яма могилы прямоугольная, ориентирована длинными сторонами по линии В—З, ширина ее (вверху) 2 м, длина 3,2 м. Книзу она немного сужалась и на глубине 1,8 м достигала размеров 1,9×2,9 м. На этой глубине начинались вдававшиеся внутрь могильной ямы и шедшие по двум длинным ее сторонам — южной и северной — стенки, выложенные из довольно крупных необработанных камней, щели между которыми засыпаны песком. Толщина этих стенок 0,4—0,6 м, высота около 0,8 м, длина соответствует длине могилы. Эти каменные стенки суживали могильную яму до 1 м. Стенки покоились на грунтовых приступках, оставленных вдоль длинных сторон могилы на высоте 0,4—0,5 м от дна могилы. Общая глубина могильной ямы от современной поверхности 4,3 м, от погребенной почвы — 3,1 м. Площадь дна могильной ямы равна 2,9×1 м. Дно могильной ямы было покрыто тонким слоем щебенки. Могила после сооружения была перекрыта поверх каменных стенок деревянными поперечными брусками или плахами, остатки которых в большом количестве найдены в насыпи и на дне могилы.

Могила была ограблена в древности при помощи грабительской мины, хорошо прослеживаемой в северо-западной части могильной ямы, где она нарушила ее очертания. Все погребение оказалось разрушенным. В ниж-

нем слое насыпи могилы, около ее дна, найдены следующие уцелевшие от грабежа вещи:

1. Небольшой раздавленный лощеный кувшинчик (табл. XXV, 3), сделанный на гончарном круге из мелкозернистой серой глины, поверхность его покрыта хорошим лощением; тулово приземистое, низкое, на массивном кольцевом поддоне, горло высокое, к венчику расширяющееся, ручка в сечении овальная. Высота кувшинчика 105 мм, диаметр тулова 100 мм.

2. Обломки тонкой глубокой краснолаковой чашки с вертикальным бортиком (табл. XXVIII, 2).

3. Незначительные обломки другого закрытого краснолакового сосудика.

4. Сердоликовые бусы округлой формы (диаметр 4—5 мм) — 19 шт. (табл. XLV, 9, 10).

5. Сердоликовые бусы усеченно-бипирамидальной формы (диаметр 5 мм, длина 3 мм) — 3 шт.

6. Гешпировые бусы в виде вытянутых прямоугольников (длина 7 мм, ширина 4 мм) — 2 шт.

7. Глазчатые бусы цилиндрической формы (длина 5 мм, диаметр 4 мм) из синей непрозрачной пасты с белыми глазками — 7 шт. и несколько обломков.

8. Глазчатые бусы округлой формы (диаметр 6 мм) из непрозрачной белой пасты с синими глазками — 3 шт.

9. Мелкий бисер из непрозрачной пасты черного цвета в виде колечек (диаметр 3 мм, длина 1 мм) — 12 шт.

10. Бусинка-трубочка из прозрачного стекла (длина 6 мм, диаметр 2 мм).

11. Небольшие круглые бляшки из золотого листа с двумя дырочками для нашивки (диаметр 9 мм) — 3 шт. (табл. XXXVI, 4).

12. Мельчайшие бляшки из золотого листа полусферической формы с двумя дырочками для нашивки (диаметр 3—4 мм) — 70 шт. (табл. XXXVI, 2).

13. Маленькие трубочки-прошивки из золотого листа (диаметр 2 мм, длина 5 мм) — 17 шт. (табл. XXXVI, 3).

14. Мельчайшие трубочки-прошивки из золотого листа (диаметр 1,5 мм, длина 1,5—3 мм) — 21 шт. (табл. XXXVI, 3).

15. Золотая бляшка-индикация (диаметр 18 мм) с изображением женской головы вправо (табл. XXXVI, 1).

16. Комочек ниток от золотой парчи (табл. XXXVI, 6).

17. Обломанное лезвие железного ножа (длина 92 мм) с бронзовым гвоздиком для прикрепления рукоятки (табл. XXXII, 5).

18. Обломки какого-то деревянного изделия с резными украшениями в виде листиков (табл. XXXIX, 2, 3).

19. Обрывок кожного изделия с остатками ниток (табл. XXXIX, 4). Судя по форме, этот обрывок принадлежит детской обуви.

20. Неопределенные обломки железных и бронзовых предметов.

21. Несколько обугленных зерен ячменя и мягкой пшеницы (определение А. В. Кирьянова).

Кости в могиле совершенно не сохранились.

Вокруг могилы была возведена каменная ограда (табл. XIII, 1) в виде кольца с внутренним диаметром 10—11 м. Ограда сложена из крупного необработанного камня без связующего раствора. Высота ее 0,7 м, толщина 0,8—1 м. Она была построена на уровне древней дневной поверхности, подошва ее лежит на глубине около 1,2 м от современной поверхности. Ограда сохранилась очень плохо, на большем протяжении она разрушена до основания, в ряде мест она прослеживалась лишь по сброшенным внутрь ограды камням, но в западной части кольца сохранились участки почти целые, которые и позволяют определить, какой вид ограда имела в древности. Погребение 68 находилось не точно в центре кольца, образуемого оградой, оно немного сдвинуто к югу. Пространство внутри каменного кольца было, по-видимому, совершенно искусственной насыпью, не превышавшей вышины ограды. В настоящее время слой грунта над погребенной древней поверхностью составляет вместе с позднейшими наслоениями гумуса не более 1,2 м. Около могильной ямы, особенно к северу и к востоку от нее, в профиле хорошо заметен лежащий на древней поверхности выброс из могилы. С южной и восточной стороны могилы на древней поверхности лежали развалы необработанного камня, вероятно оставшегося после сооружения продольных каменных стенок в могиле. Погребения 44 и 48, обнаруженные внутри ограды, и погребение 30, расположенное над нею, не имеют отношения к погребальному сооружению 68 — они впущены позднее сверху и лежали очень неглубоко, выше

уровня погребенной почвы. Время сооружения всего этого погребального комплекса легко определяется инвентарем могилы 68, достаточно твердо датируемым I в. н. э.

Погребение 78. Пл. I, глубина 2,75 м. Могильная яма прямоугольная, размеры ее 1,25×0,5 м, ориентирована она по линии З—В. Погребение детское, разрушено и опраблено. Сохранились в восточной части ямы только обломки черепа и серьга в виде колечка из перекрученной серебряной проволоки со сцепленными концами (табл. XXXIX, 1). Диаметр колечка 23 мм. Очень похожая по форме серьга, только из золотой проволоки, была найдена В. В. Шкорпиллом в Керчи в пробылке вместе с краснолаковым лекифом и стеклянным бальзамариумом, датируемым Б. В. Фармаковским I в. н. э.²⁸ Судя по этой аналогии, наша могила должна относиться примерно к тому же времени.

Погребение 79. Пл. II и прирезка к ней, глубина 3,01 м. Могильная яма прямоугольная, ширина ее по верху 1,2—1,4 м, по дну — около 0,5 м, длина ямы 2,5 м. Яма перекрывалась поперечно положенными деревянными плахами, опиравшимися концами на земляные приступки, оставленные в продольных стенках ямы. Костяк подростка лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ВЮВ (табл. IX, 1). Кисти рук и ступни ног утрачены. В погребении оказались следующие вещи:

1. У правого виска лежала золотая серьга в виде маленького колечка (диаметр 14 мм) с закрученными друг за друга концами.

2. Под челюстью обнаружена медная римская монета Августа, обтянутая с одной стороны тонкой золотой пластинкой (табл. XI, 1).

3. В верхней части прудной клетки найдены две крупные гешировые бусины (табл. XLV, 13), имеющие форму сплющенного у полюсов шара (диаметр 24 мм, длина 18 мм).

4. Там же найдены две бронзовые бусины (табл. XXXVIII, 2, 3). Одна из них гладкая округлой формы (диаметр 11 мм), другая усеченно-биконическая (диаметр 11 мм, длина 6 мм) с продольными глубокими бороздками.

²⁸ Б. В. Фармаковский. Заметки о времени сосуда, найденного в одной могиле с костяными тессерами. ИАК, 10, 1904, стр. 125—127, рис. 4.

5. Там же лежал небольшой прорезной бронзовый колокольчик (табл. XXXVIII, 8) (высота 42 мм, наибольший диаметр 24 мм), к которому прикипели остатки какой-то ткани.

6. Там же были найдены три дужки миниатюрных бронзовых фибул в виде маленьких листочков (табл. XXXVIII, 1, 5, 6). Длина их 15, 12 и 8 мм.

7. На левой руке был надет бронзовый браслет (табл. XXXVIII, 4). Он сделан из толстой, утончающейся к концам проволоки, концы ее заходят друг за друга и закручены вокруг браслета; половина браслета украшена дополнительно обмотанными вокруг него витками проволоки; размеры браслета 42×51 мм.

8. В районе таза были рассыпаны мельчайшие медные круглые бляшки для нашивки (диаметр 1,5—2 мм), однако собрать их не удалось, так как они рассыпались при зачистке.

9. В юго-восточном углу могилы за головой погребенного стоял маленький сероглиняный лощеный горшочек (табл. XVI, 3) совершенно того же типа, что и горшочек из погребения 59, но меньшего размера (высота 64 мм, диаметр тулова 84 мм).

10. Слева от берцовых костей покойника находился краснолаковый кувшин (табл. XVI, 5). Кувшин сделан из оранжевой мелкозернистой глины с большим количеством мелких блесков. Форма его напоминает лягушину, он имеет широкое приземистое с острым ребром тулово и довольно узкое высокое горло; плоская ручка прикреплена ниже венчика, причем перегиб ее поднят несколько выше места прикрепления; поддон очень низкий, едва заметный. Верхняя часть тулова (плечики), горло и ручка покрыты тусклым оранжево-красным лаком. По плечикам идет нанесенный темной краской орнамент в виде венка. Высота кувшинчика 180 мм, диаметр тулова 165 мм.

11. В ногах погребенного найдена маленькая светлоглиняная глубокая чашечка (табл. XVI, 2) на маленьком кольцевом поддоне, покрытая изнутри и отчасти снаружи лаком красно-бурого цвета. Диаметр ее 110 мм, высота 58 мм.

12. Там же найдено несколько мелких скрепок из медной перевитой проволоки (табл. XXXVIII, 10).

13. В юго-западном углу могилы стояла

наклонно прислоненная к стенке ямы светлоглиняная узкогорлая амфора (табл. XVI, 4) I в. н. э. с широким кольцевым поддоном (высота амфоры 61,5 см). Одна ручка у нее отсутствовала.

14. В западной части могилы при расчистке были обнаружены двучленные железные удила с тремя кольцами и медными скобочками для крепления ремней (табл. XXXI, 6). Однако состояние их оказалось настолько плохим, что они рассыпались при попытке вынуть их из грунта; удалось только зарисовать их общий вид.

15. К тому же уздечному набору принадлежат найденные здесь же семь плоских круглых бронзовых блях (табл. XXXVIII, 9) с дырками для нашивки и с петлями, прикрепленными с оборотной стороны (диаметр блях 30 мм).

16. Помимо круглых блях, к тому же уздечному набору относятся две двойные трапециевидные бронзовые бляхи (табл. XXXVIII, 13, 14), служившие, видимо, для крепления ремней (длина 32 мм, ширина 22 мм).

17. Там же была найдена небольшая круглая медная пряжка с подвижным язычком для ремня (диаметр пряжки 17 мм) (табл. XXXVIII, 12).

18. Там же обнаружен медный предмет неизвестного назначения (табл. XXXVIII, 11) в виде небольшой плоской ложечки с закраинами для насадки на рукоятку (длина 48 мм). Принадлежность этого предмета к уздечному набору возможна, но место, занимаемое им в сбруе, неясно.

19. При зачистке могилы был найден небольшой обломок маленького железного ножичка (табл. XXXVIII, 7).

В разных местах могилы встречались следы красной и голубой краски, особенно много их было в районе таза. Инвентарь погребения датирует его I в. н. э.

В 1957 г. раскоп V был значительно расширен. Здесь было вскрыто еще 108 кв. м (пл. IV, XVIII—XXV) и был исследован грунт внутри кольцевой оградки могилы 68, обнаруженной в 1956 г., и под этой оградкой. Характер культурного слоя и находок в нем тот же, что и в предшествующем году. Из отдельных находок, сделанных вне погребений, можно упомянуть несколько кремневых пожевидных пластин и бронзовую арбалетовидную фибулу (табл. XLV, 15). Открыто еще

24 погребения и несколько совершенно разобравшихся пустых могильных ям.

Погребение 80. Пл. XI (прирезка), глубина 1,18 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на З. Левая кисть покоилась на тазовых костях (табл. VII, 4). Инвентаря не обнаружено. Выше костяка прослеживались значительные остатки дерева, вероятно от перекрытия могилы, и завал камней. В засыпи могилы найден маленький медный колокольчик (табл. XXXIX, 6). Он имеет форму колпачка, в верхней части которого проделано отверстие для прикрепления язычка. Язычок колокольчика был сделан из железа, он распался во время чистки. Высота колокольчика и его наибольший диаметр равны 16 мм. Совершенно такой же колокольчик (табл. XXXIX, 5) обнаружен в погребении 84, относящемся к I в. н. э. Поскольку в могилу 80 колокольчик попал с насыпной землей, могилу эту надо датировать более поздним временем.

Погребение 81. Пл. XVIII, глубина 1 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк прудного младенца лежал на спине, головой на С (табл. VII, 6б). Сохранность костяка очень плохая — отсутствовали кости таза, берцовые кости, вся правая рука. В области пруди найдены маленькая (длина 28 мм), преkrасно сохранившаяся арбалетовидная бронзовая фибула (табл. XLVII, 3) и 11 бус из стеклянной пасты (табл. XLVII, 2). Одна из бусин — цилиндрическая (диаметр 6 мм, длина 8 мм), сделанная из слоев разноцветной пасты, огибающих бусину по спирали. Совершенно такая же бусина была встречена нами в детском погребении 31. Вторая бусина — плоская, из непрозрачной стеклянной пасты голубого цвета (длина 7 мм, ширина 9 мм, толщина 3 мм). Третья бусина — округлая, из полупрозрачного зеленого стекла (диаметр 7 мм, длина 6 мм). Еще три бусины — такой же формы и из того же материала, но маленькие (диаметр 3 мм). Из того же зеленого стекла сделаны три крупные бусины, имеющие сложную форму параллелепипеда со срезанными углами (длина 8—10 мм, поперечник 6 мм). Наконец, бусина бочковидной формы из желтой пасты (длина и диаметр 5 мм).

Сверху костяк был перекрыт большими обломками узкогорлой светлоглиняной амфоры

с профилированными ручками (табл. VII, 6а). Амфора и фибула определяют время погребения — II в. н. э.

Погребение 82. Пл. XIX и XX, глубина 1,6 м. Погребение врезалось в верхнюю часть могильной ямы 88, поэтому очертания могилы плохо прослеживались. Костяк лежал на спине, головой на ЗЮЗ. Левая нога была вытянута, правая полусогнута в колене, правая рука немного откинута от тела (табл. VIII, 4). У черепа найдено маленькое колечко (диаметр 12 мм) из тонкой медной проволоки, вероятно служившее серьгой. За головой костяка был помещен лощеный кувшинчик (табл. XXII, 3). Он имеет почти шарообразное тулово и слегка расширяющееся вверх горло; дно плоское, плавно изогнутая ручка прикреплена верхним концом к горлу под венчиком, нижним — к плечу тулова; поперечное сечение ручки дает фигуру, близкую к прямоугольнику. Сосуд вылеплен тщательно и аккуратно залощен по всей поверхности. Высота кувшинчика 133 мм, наибольший диаметр тулова 111 мм. Кувшинчик, несомненно сарматский, не может быть точно датирован, но то обстоятельство, что могила 82 врезалась в засыпь погребения 88, хорошо датированного I в. н. э., позволяет отнести время ее сооружения ко II—III вв. н. э.

Погребение 83. Пл. XX, глубина 2,25 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, размеры ее 1,9×0,9 м, ориентирована она продольными сторонами по линии СВ — ЮЗ. Погребение полностью разрушено, в засыпи найдены отдельные кости взрослого человека, обломки совершенно распавшейся железной пластинки, отдельные фрагменты серолощеного кувшина и двух краснолаковых мисочек I в. н. э., а также остатки дерева.

Погребение 84. Пл. XX—XXI, глубина 1,95 м. Могильная яма прямоугольной формы с округленными углами была ориентирована продольной осью по линии ЗСЗ — ВЮВ, размеры ее 1,85×0,8. Погребение полностью разрушено. В перерытом грунте встречены отдельные кости взрослого человека, фрагментированная краснолаковая миска, лощеный горшочек, медный колокольчик и куски древесины.

Краснолаковая миска (табл. XXII, 2), вероятно малоазийского происхождения, сформована из мелкозернистой оранжевой глины

с очень мелкими золотистыми блестками и покрыта ровным, но довольно тусклым оранжево-красным лаком. Поддон низкий, бортик вертикальный; на дне с внутренней стороны — клеймо в виде сандалии, в круге из трех рядов насечек, сделанных штампом. Диаметр миски 205 мм, высота 52 мм.

Горшочек (табл. XVIII, 2) имеет приземистое тулово без поддона и сравнительно узкое расширяющееся кверху горло. Он повторяет форму сосудов, найденных ранее в погребениях 59 и 79, но имеет несколько большие размеры. Высота его 89 мм, наибольший диаметр тулова 116 мм. Тулово его было слегка залощено, но из-за разрушения поверхностного слоя глины теперь лощение почти незаметно.

Медный колокольчик (табл. XXXIX, 5) имеет ту же форму и размеры, что и колокольчик из погребения 80, но у него сохранился язычок, свернутый из медного листа.

Указанные аналогии и характер краснолаковой тарелки позволяют отнести погребение к I в. н. э. Можно думать, что оно принадлежит к концу этого столетия, поскольку оно разрушило другую могилу, 103, которая не может быть отнесена ко времени, предшествующему I в. н. э.

Погребение 85. Пл. XVIII, глубина 2,25. Могильная яма имела неправильную форму, приближающуюся к прямоугольной, длина ее 2,1 м, ширина точно определена быть не может, так как северная часть могилы разрушена более поздним погребением 86. Примерная ширина могилы 0,6 м. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на В (табл. X, 4). Могилы 86 уничтожила правую часть костяка: полностью отсутствовали кости правой руки ниже локтя, всей правой ноги от таза, а также плюсна левой ноги. В погребении найдены следующие вещи:

1,2. В восточной части могилы за головой погребенного находились два раздавленных лепных горшка (табл. XIX, 3,4). Оба они небрежно вылеплены из грубой плохо промешанной глины, имеют бочкообразное тулово, плоское дно и расширяющееся кверху горло. Высота одного из сосудов 154 мм, наибольший диаметр тулова 124 мм, наименьший диаметр горла 68 мм. Второй горшок, большей величины, достигает 182 мм в высо-

ту, наибольший диаметр его тулова 151 мм, диаметр дна 70 мм.

3. Там же найдено глиняное пряслице (табл. XXXIII, 7) биконической формы, длина его 42 мм, диаметр 41 мм.

4. Там же обнаружена раковина беззубки с положенными в нее кусочками реальгара.

5. У левой ключицы находилась маленькая бронзовая фибула с фигурным щитком (табл. XLVII, 4). Щиток этой фибулы-брошки сделан в виде фантастического животного с рыбьим телом и хвостом, птичьей шеей и головой и с лапами хищника. Детали изображения выполнены насечкой и черной эмалью. Игла фибулы и часть приемника утрачены. Длина фибулы 26 мм, высота фигурки 16 мм.

6. Рядом с фибулой найдено маленькое колечко (табл. XLV, 12) из красной медной проволоки, спиралевидно согнутой. Один конец спирали обломан, другой оформлен в виде морды какого-то зверя с длинными ушами. Диаметр колечка 23 мм, диаметр проволоки 2 мм.

7. В области прудной клетки и около берцовых костей левой ноги найдена россыпь мелких бус. Всего собрано 20 бусин следующих типов: а) 15 округлых бусин белого полупрозрачного стекла (длина и диаметр 4—5 мм); б) четыре тройные бусины из непрозрачной желто-серой пасты (длина 7 мм, диаметр 4 мм); в) одна гешировая бусина близкой к полушарию формы (диаметр 10 мм, длина 4 мм). Похожая бусина была найдена в погребении 57 (табл. XLV, 5).

8. Около левой ноги костяка в западной части могилы, найдены фрагменты еще одного лепного горшка.

Фибула с фигурным щитком с эмалью на основании западных аналогий должна быть датирована II в. н. э.²⁹ К этому же времени, как мы видели, должны быть отнесены и тройные бусины из стеклянной пасты. Несколько более ранним временем, I в. н. э., может быть датирована гешировая бусина в форме полушария. В целом этот могильный комплекс относится скорее всего к первой половине II в. н. э., это подтверждается и тем обстоятельством, что могила нарушена погребением 86, датированным II в. н. э.

²⁹ O. Almgren. Studien über Nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923, стр. 98.

Погребение 86. Пл. XVIII, глубина 2,5 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, размеры ее 2×0,65 м. Могила разрушила северную часть погребения 85 и западную часть погребения 93. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на В (табл. VIII, 1).

Справа от черепа находился раздавленный красноглиняный кувшинчик (табл. XIX, 1). Он сформован из тонкой оранжевой глины с большим количеством мелких золотистых блесток. Кувшин имеет яйцевидное тулово на низком кольцевом поддоне и высокое цилиндрическое горло (высота горла 75 мм) с широким горизонтальным венчиком; плоская в сечении профилированная вертикальная ручка согнута почти под прямым углом, она прикреплена одним концом к плечу сосуда, другим — к горлу, значительно ниже венчика. Общая высота кувшина 190 мм, наибольший диаметр тулова 126 мм, внутренний диаметр горла 51 мм. Кувшин не покрыт краской или обмазкой.

Около лицевых костей черепа лежала прекрасно сохранившаяся маленькая бронзовая арбалетовидная фибула (длина 30 мм), (табл. XLV, 14). Под нижней челюстью обнаружено несколько бусин: а) две тройные реберчатые бусины из полупрозрачного белого стекла, сверху позолоченные (длина 7 мм, диаметр 5 мм); б) пять плоских бусин из желто-зеленого непрозрачного стекла, позолоченных; из этих бусин сохранилась только одна (длина и ширина 8 мм), остальные распались; в) обломок коричневой пастовой бусины в форме параллелепипеда (поперечник 5 мм); г) маленький (диаметр 5 мм) шарик из горного хрусталя, неоконченный обработкой и без отверстия для нитки.

Справа от стопы правой ноги находилось большое целое сероглиняное блюдо (табл. XIX, 2). Оно аккуратно выполнено из мелкозернистой глины на гончарном круте и покрыто изнутри и снаружи (кроме дна) серым лаком графитового оттенка. Дно совершенно плоское, без поддона, бортики невысокие (общая высота блюда 52 мм), слегка расширяющиеся кверху. В центре дна с внутренней стороны стоит клеймо, напоминающее клеймо в виде сандалии на краснолаковой посуде и окруженное несколькими кругами насечек, выполненных зубчатым штампом. Диаметр блюда 262 мм.

Время этого погребения определяется его инвентарем — II в. н. э.

Погребение 87. Пл. XXIV, глубина 0,95 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Погребение ребенка, очень плохо сохранившееся. Уцелели только часть черепа и кости левой ноги. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. В области несохранившейся грудной клетки найдены обломки нижней части лепного горшка и большая красная янтарная бусина (табл. XLV, 17). Бусина имеет форму неровного диска диаметром 18 мм; длина ее (толщина диска) 7 мм. Точно такая же бусина была найдена в фанаторийском некрополе «В» в 1938 г. в могиле 92 римского времени. Других данных для датировки этого погребения нет.

Погребение 88. Пл. XIX—XX, глубина 2 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, размеры ее 1,9×0,9 м. Яма ориентирована продольной осью по линии В—З. Детское погребение совершенно разрушено, в засыпи встречены только обломки черепа, молочные зубы, фрагменты железного гвоздя, две крупные округлые гешировые бусины (диаметр 14 и 15 мм, длина 9 и 14 мм) (табл. XLV, 11) и пластинчатая дужка бронзовой фибулы (длина 36 мм) (табл. XXXIX, 7). Фибула датирует могилу I в. н. э.

Погребение 89. Пл. XVIII, глубина 2,3 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, размеры ее 2×0,9 м. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на В (табл. VIII, 5). Череп, левая лопатка, ключицы, левая лучевая кость и кости левой кисти отсутствовали. В ногах погребенного стоял вверх дном раздавленный большой сероглиняный кувшин (табл. XXI, 1). Он выполнен на гончарном круте, имеет приземистое раздутое тулово без поддона и узкое, сильно расширяющееся кверху горло; верхняя часть горла снаружи украшена несколькими рельефными горизонтальными полосами. Ломающаяся под острым углом витая ручка прикреплена к плечу сосуда и к горлу примерно на середине его высоты. Верхняя часть сосуда — плечики и горло — была покрыта каким-то серым ангобом и обработана лощением: сохранились отдельные участки и полосы лощения черного цвета. Высота кувшина 214 мм, диаметр тулова 200 мм, высота горла 73 мм, наименьший диаметр 57 мм.

Точной аналогии этому кувшину мы не имеем. Но общая форма его и особенно расширяющееся кверху, покрытое горизонтальными желобками горло позволяет датировать кувшин II—III в. н. э.³⁰

Погребение 90. Пл. XXII, глубина 1,8 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, размеры ее около 1,7×0,6 м. Западный конец могилы был прорезан другой могильной ямой. Погребение разрушено, *in situ* сохранились только берцовые кости. Судя по их положению, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на В с небольшим отклонением к Ю. Из инвентаря сохранился раздавленный сероглиняный лощеный кувшинчик с обломанной ручкой (табл. XXI, 3), стоявший около левого бедра. Кувшинчик, хотя и сделан на гончарном круге, но очень небрежно и весь перекосялся на сторону. У него низкое острореберное тулово без поддона и сравнительно узкое горло. Общими очертаниями он напоминает лощеные горшочки, найденные в погребениях 59, 79, 84. Разница состоит лишь в том, что рассматриваемый сосуд имеет цилиндрическое горло, не расширяющееся кверху, и что к нему была прикреплена вертикальная ручка, утраченная еще в древности. Поверхность кувшинчика залощена. Высота его 100 мм, наибольший диаметр 105 мм. Вряд ли можно сомневаться в том, что кувшинчик одновременен указанным горшочкам, и поэтому погребение 90 скорее всего может быть отнесено к тому же времени, что и могилы 59, 79, 84, т. е. к I в. н. э.

Погребение 91. Пл. XXV—XXVI, глубина 0,7 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк подростка лежал на спине, в вытянутом положении, головой на В. Кисть правой руки находилась на костях таза. У правого плеча обнаружена распавшаяся серебряная пластинка. Для датировки погребения нет данных.

Погребение 92. Пл. IV, глубина 1,7 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк подростка лежал на спине, в вытянутом положении, головой на С. Череп, кости рук ниже локтей, стопы ног отсутствовали, кости грудной клетки лежали в беспорядке.

³⁰ Ср. горло кувшина из раскопок Тиритаки 1937 г., в котором был найден клад монет второй половины III в. н. э. (В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 99, рис. 118). Наш кувшин относится, вероятно, к несколько более раннему времени.

За головой погребенного стоял лепной глиняный горшок (табл. XXI, 5). Горшок вылеплен очень небрежно из грубой глины и покрыт снаружи кухонным нагаром. Форма горшка приближается к баночной, дно плоское, венчик слабо отогнут наружу; высота его 136 мм, диаметр 119 мм. Подобные сосуды нередко встречаются в танаисских погребениях I—III вв. н. э. (могилы 31, 57, 85, 100). К этому периоду и следует отнести погребение 92.

Погребение 93. Пл. XVIII, глубина 2,65 м. Могильная яма, имевшая, видимо, овальную форму, прослеживалась частично: в западной части она была разрушена погребением 86. Костяк подростка лежал на спине в вытянутом положении, головой на С. Череп искусственно деформирован. Кости левой ноги ниже колена и кисть левой руки отсутствовали. Среди костей грудной клетки найдена бронзовая арбалетовидная фибула, датирующая погребение II в. н. э.

Погребение 94. Пл. XXV, глубина около 1 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Кисти рук находились на костях таза. Череп разрушен, обе стопы и берцовые кости левой ноги отсутствовали. Левая часть костяка сильно осела. У кисти правой руки найдено 10 бусин из хрупкой серой непрозрачной пасты (табл. XLVIII, 1); форма бусин — округлая, диаметр 9—10 мм, длина 7—8 мм. Бусы не дают достаточных оснований для точной датировки могилы, но, по-видимому, ее надо отнести к первым векам нашей эры.

Погребение 95. Пл. IV, глубина 3,2 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, размеры ее 2,75×1,75 м, ориентирована она длинной осью по линии В—З. Вдоль длинных сторон ямы были оставлены земляные ступеньки 0,4—0,5 м шириной, на которых сохранились остатки каменной выкладки, поддерживавшей деревянное перекрытие могилы. Погребение полностью разрушено. В насыпи могилы и в перекопанном прунте над ней найдены обломки двух светлоглиняных узкогорлых амфор с широкими поддонами I в. н. э., фрагменты чернолощеной тарелки, обломки краснолаковой чашечки, фрагменты сероглиняного сосуда, железный гвоздь, куски дерева от перекрытия и небольшой серебряный флакон (табл. XL, 5). Флакон сделан из тонкого серебра, имеет шаровидное тулово и цилиндрическое горлышко, на которое на-

девается такая же цилиндрическая крышечка-колпачок. Высота флакона 43 мм, диаметр тулова 36 мм, диаметр горла 18 мм. Обломки светлоглиняных амфор с широким поддоном и краснолаковой чашечки, подобной найденным в могилах 79 и 26, позволяют отнести погребение к I в. н. э.

Погребение 96. Пл. XIII, глубина 1,25 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на СЗ. Голова и колени слегка завалены в левую сторону (табл. X, 3). Инвентаря не обнаружено. Погребение совершенно на месте разобранной ограды, окружавшей могилу 68, и таким образом должно быть датировано позже этой могилы, т. е. временем позднее I в. н. э.

Погребение 97. Пл. XIII, глубина 2,65 м. Могильная яма имела прямоугольную форму и была ориентирована продольной осью по линии В—З с небольшим отклонением восточного конца к Ю. Размеры ее 2,45 × 0,95 м. Погребение разграблено. В перерыве на грунте найдены обломки относящихся к инвентарю погребения двух сосудов: большого расписного кувшина и лепной кружки.

Лепной сосуд (табл. XXI, 4) сформован из прубой плохо промешанной глины черного цвета. Он имеет форму горшка со сравнительно узким дном на невысоком кольцевом поддоне, округлым туловом и низким отвернутым в стороны венчиком. С одной стороны к венчику и тулову приделана вертикальная ручка, немного поднимающаяся над венчиком и придающая всему сосуду характер большой кружки. Высота сосуда 126 мм, диаметр 127 мм. Второй сосуд дошел до нас в обломках и восстановлению не поддается. Он сделан на гончарном круге из оранжевой крупнозернистой глины с множеством мелких слюдяных блесток и крупными белыми известняковыми частицами. Округлое тулово покоилось на широком кольцеобразном поддоне. Диаметр сосуда был не менее 200 мм. О высоте его судить невозможно, так как от горла ничего не сохранилось. Вертикальная ручка была плоская и широкая. Наружная поверхность сосуда покрыта красной краской, по которой на плечиках белой жидкой краской нанесен рисунок в виде изгибающихся линий, вероятно лоз или стеблей растений. На переходе от тулова к горлу имелся пояс из крупных белых точек. Подобная система и техника росписи

применялась в керамических мастерских Северного Причерноморья в первых веках нашей эры³¹. Сосуд должен быть датирован скорее всего II в. н. э. Это соответствует и тому факту, что могила 97 нарушила кольцевую ограду погребения 68, сооруженную, как мы знаем, в I в. н. э.

Погребение 98. Пл. XXVI, глубина 1,45 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на С. Кисть правой руки находилась на костях таза. Кости ног ниже колен отсутствовали. Между бедренными костями найдены остатки медных пластинок, являвшихся, вероятно, обкладкой кожаного пояса (табл. X, 2). Сохранились отверстия и маленькие медные заклепки, которыми пластинки были прикреплены к коже пояса. На одном из обломков имеется сарматский тамгообразный знак, линии которого выполнены пунктиром — посредством расположенных рядом мелких сквозных отверстий. Точной аналогии этому знаку среди тамгообразных знаков Северного Причерноморья нам неизвестно, но знаки близких очертаний были достаточно широко распространены главным образом во II—III вв. н. э.³² Это позволяет датировать тем же временем и все погребение 98.

Погребение 99. Пл. XXIII, глубина 1,65 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, размеры ее 2,35 × 0,8 м. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками головой на СВ. Череп, левая бедренная кость, правая нога ниже колена и кисть правой руки отсутствовали. Инвентаря не обнаружено. Для определения времени погребения данных нет.

Погребение 100. Пл. XXII, глубина 2,7 м. Могильная яма со скругленными углами имела прямоугольную форму, размеры ее 2,2 × 1 м. Вдоль длинных сторон могильной ямы на высоту 0,9 м от дна ее тянулись две земляные ступеньки шириной 0,1—0,2 м, на которых лежало деревянное перекрытие могилы. Куски дерева от этого перекрытия встречены в засыпи могилы. Благодаря ступенькам ширина могилы по дну не превыша-

³¹ Т. Н. Книпович. *Художественная керамика в городах Северного Причерноморья*. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 390.

³² Э. И. Соломоник. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*, Киев, 1959.

ла 0,75 м. Продольная ось могилы ориентирована по линии В—З с небольшим отклонением восточного конца к С. Погребение совершенно разрушено и ограблено, остатки погребального инвентаря найдены в перерытом прунте могилы:

1. Фрагментированный лепной горшочек (табл. XXI, 2), вылепленный из плохо промешанной грубой глины с большим количеством черных туфовых частиц. Поверхностный слой глины — светло-оранжевый, в изломе — серый. Горшочек плоскодонный, со слабо отгибающимся венчиком; высота его 92 мм, диаметр 80 мм,

2. Обломки краснолакового круглого блюда с горизонтально отвернутым краем и горизонтальными сегментовидными ручками (табл. XXXIX, 10). Блюдо сформовано из очень мелкозернистой глины бежевого цвета и покрыто ярким оранжево-красным лаком. Общий диаметр блюда около 260 мм. Оно имеет довольно высокий кольцевой поддон, горизонтальный край завершается низеньким вертикальным бортиком. В центре внутренней поверхности блюда есть круг образованный несколькими рядами насечек, выполненных штампом. Насечки имеются и на горизонтальной плоскости края блюда. Ручки украшены рельефом, схематически передающим бюст лучезарного Гелиоса и еще какие-то фигуры.

3. Фрагменты краснолакового кубка (табл. XXIX, 4) с маленькой петельчатой ручкой или с двумя ручками. Глина мелкозернистая, желтая, лак — оранжевого тона ровный, но довольно тусклый.

4. Кусочек реалгары.

В засыпи могилы встречены также обломки амфор (светлоглиняной узкогорлой и буроглиняной), отщепы кремня и маленький обломок кремневого наконечника стрелы (табл. XXXIX, 8). Для датировки погребения имеют значение обломки краснолакового блюда с горизонтальными ручками. Блюда этого типа были распространены в I—III вв. н. э.³³ Найденное нами блюдо должно быть отнесено к начальному периоду бытования этой формы и скорее всего может быть датировано I в. н. э.

Погребение 101. Пл. XXIII, глубина

³³ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 305, рис. 5, 4, тип. 18-М.

1,8 м. Могильная яма имела прямоугольную форму. Ширина ее 0,8 м, длину определить не удалось, так как западная часть ее уничтожена другой могилой, полностью опустошенной грабителями. Костяк лежал на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на В. Кости ног и рук ниже локтей отсутствовали — они срезаны позднейшей могилой. Около шеи костяка обнаружена брошка-фибула и россыпь мелких бус.

Брошка состояла из овальной вставки полупрозрачного зеленоватого стекла, заключенной в бронзовую обоймочку, которая, однако, совсем распалась. Примерные размеры брошки 18×11 мм. Бусы трех типов (табл. XLVII, 5, 6): а) бисер в виде обрезков небольших трубочек из стеклянной пасты фиолетово-розового цвета (длина 2—4 мм, диаметр 3 мм) — 15 шт.; б) такой же бисер, но совсем мелкий, белого цвета (диаметр 2 мм, длина 1—3 мм) — 108 шт.; в) 88 дисковидных бусин из сине-лиловой стеклянной пасты (длина 2 мм, диаметр 5 мм); в результате ирризации бусы приобрели желтый цвет, их первоначальный вид восстановился лишь после расчистки.

В нижней части грудной клетки найдена вторая брошка-фибула в виде коробочки (табл. XXXIX, 9). Коробочка имеет овальную форму (длина 27 мм, ширина 18 мм), дно ее образует медная овальная пластинка, к которой с обратной стороны приделана игла фибулы на пружинке и приемник для иглы. Боковые стороны коробочки составляет бронзовая пластинка высотой 6 мм. Верхняя крышка коробочки — овальный кусочек стекла от какого-то сосуда. В этой брошке-коробочке, видимо, хранились румяна, судя по остаткам красного порошка внутри брошки.

Между правой рукой и грудной клеткой погребенного находился серебряный флакон с шарообразным туловом и цилиндрической шейкой (табл. XL, 6), подобный флакону, найденному в могиле 95, но большей величины. Высота флакона 64 мм, диаметр тулова 43 мм. На плечиках тулова и на крышке флакона с двух сторон припаяны серебряные петельки, через которые пропускался шнурок для подвешивания. На крышке флакона в особой обоймочке была укреплена круглая вставка из какого-то твердого черного минерала. Кроме того, в засыпи могилы найдены обломки железных гвоздей и каких-то бронзовых предметов, не поддающихся определе-

нию. Флакон позволяет отнести это погребение, по аналогии с могилой 95, к I в. н. э.

Погребение 102. Пл. XIII, глубина 1,55 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, размеры ее 0,85×0,35 м (табл. XII, 4). Над погребением прослеживались остатки деревянного перекрытия могилы. Скелет грудного младенца лежал на спине в деревянной долбленной колоде (табл. IX, 2; XII, 5) головой на СВ. За головой ребенка находился лепной горшочек, два железных гвоздя и скопление какого-то белого вещества, напоминающего белила. Горшочек (табл. XIX, 5) имеет шаровидное тулово и сильно расширяющееся кверху горлышко, высота его 73 мм, диаметр 72 мм. На груди костяка находилась брошка (табл. XLVIII, 6). Она состоит из бронзовой основы овальной формы (размеры ее 25×21 мм), на которую с наружной стороны натянута золотая пластинка, украшенная выпуклыми точками, а с обратной стороны припаяна серебряная фибула с двумя иглами и медный приемник для игл. В середине золотой пластинки сделано круглое гнездо, удерживающее вставку из синей стеклянной пасты.

Судя по конструкции застежки с двумя иглами и четырехвитковой пружиной, брошку нужно датировать I в. н. э.³⁴ На эту же дату указывают и аналогии к лепному шарообразному сосуду.

Погребение 103. Пл. XX, глубина 1,55 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, длина ее около 1,9 м, ширина 0,7 м. Костяк лежал на спине в вытянутом положении с протянутыми вдоль туловища руками (табл. X, 7) головой на В. Ноги ниже колен и вся западная часть могилы уничтожены погребением 84. При погребенном найдены следующие вещи:

1. У левого плеча стоял фрагментированный краснолаковый кувшин (табл. XXIX, 3). Он сформован из мелкозернистой красной глины с редкими очень мелкими блестящими слюдами. Тулово его покоится на маленьком кольцевом поддоне и имеет резко выраженное горизонтальное ребро при переходе от нижней части к плечикам. Плечики от горла отделены рельефным напесным валиком. Тонкое горло завершается широким нависающим снаружи венчиком. Вертикальная ручка, плоская в сечении и профилированная двумя ва-

ликами, прикреплена одним концом к горлу ниже венчика, другим к плечу сосуда. Кувшин был покрыт плотным оранжево-красным лаком, который, однако, сохранился в очень немногих местах. Высота кувшинчика 156 мм, диаметр тулова 125 мм.

2. У правого плеча найдено несколько бусин (табл. XLVIII, 8); а) два больших отрезка бледно-розовых кораллов без обработки, только просверленные (размеры 23×12, 19×4 мм); б) две маленькие двойные желтые пастовые бусины (длина 6 мм, диаметр 3 мм) и ещё половина такой бусины; в) небольшая цилиндрическая бусина (диаметр и длина 5 мм) из зеленовато-чёрной пасты; г) округлая бусина из красного сердолика (длина 6 мм, диаметр 8 мм); д) гешировая бусина в виде двойного топорика (длина «топорика» 11 мм, ширина 4 мм); е) большая бочкообразная бусина из красивого слоистого опикса (длина 24 мм, ширина 10 мм).

3. Там же найдена веретенообразная подвеска из светло-зеленой непрозрачной пасты (табл. XLVIII, 8), длина ее 20 мм, наибольшая толщина 7 мм.

4. Там же найдено простое маленькое колечко из медной проволоки, может быть серьга; диаметр колечка 13 мм.

5. На груди погребенного находилась маленькая бронзовая фибула (длина 22 мм), к дужке которой был прикреплен гладкий круглый бронзовый щиток диаметром 33 мм (табл. XXXVII, 4).

6. Между грудной кеткой костяка и его правой рукой лежало небольшое бронзовое зеркало (диаметр 50 мм) с прямоугольным ушком и выпуклостью на обратной стороне (табл. XXXVII, 1).

7. На пальцах левой руки были два простых бронзовых и один железный перстень, все с вставками из чечевицеобразных полупрозрачных стеклышек бледного зеленовато-голубого цвета. Бронзовые перстни сохранились (табл. XLV, 16), а железный распался.

8. На пальцах правой руки были три таких же железных перстня; два из них распались, один сохранился, но плохо. На стеклянных вставках распавшихся перстней имеются резные изображения: на одной — рука, сжатая в кулак и держащая колосья мака (табл. XL, 4), на другой — фантастическое животное с рыбьим телом и хвостом, лошадиной шеей и рогатой головой, а позади него — шестиконечная звездочка (табл. XL, 3).

³⁴ Сравни, например, фибулу позднелатенского типа с двумя иглами из погребения 79.

Инвентарь этой могилы позволяет датировать ее в пределах I—III вв. н. э.³⁵, однако то обстоятельство, что могила 103 разрушена погребением 84, хорошо датированным I в. н. э., позволяет нам отнести ее к самому началу указанного периода.

Исследование некрополя на раскопе V было завершено в 1958 г., когда было произведено исследование двух площадей, оставшихся недокопанными в предыдущем году. При этом исследовании была обнаружена еще одна могила.

Погребение 104. Пл. XXIV, глубина 1,15 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Погребение совершенно разрушено; сохранились только берцовые кости, судя по

³⁵ Показательно в этом отношении зеркало (см. Т. Н. Княпович. Танаис, стр. 55—57).

положению которых можно думать, что костяк был ориентирован головой на СВ. Около костей и под ними найдены глиняное пряслице (табл. XXXIII, 9), обломок бронзовой серьги и россыпь бус следующих типов (табл. XLVIII, 3—5): а) пастовые цилиндрические светло-серые (диаметр 6—7 мм, длина 8—10 мм) — 3 шт.; б) округлые пастовые темно-серые (диаметр и длина 6 мм) — 2 шт.; в) такие же цилиндрической формы (диаметр и длина 5—6 мм) — 2 шт. и мелкие обломки; г) такая же двойная (длина 9 мм) — 1 шт.; д) такая же грушевидная (длина 10 мм, наибольший диаметр 8 мм); е) коралловая веточка, просверленная (длина 13 мм). Точно датировать могилу бусы не могут, но она несомненно относится к первым векам нашей эры.

3. РАСКОП VIII (1958 г.)³⁶

В 1958 г. изучение грунтового некрополя было перенесено в район к северу и северо-западу от городища, где были разбиты два разведочных раскопа — VIII и X.

Раскоп VIII был заложен к северу от основного четырехугольника городища, сразу за северным рвом; вдоль проходящей здесь полевой дороги. Раскоп имел вид траншеи, вытянутой с востока на запад, длиной 20 м и шириной 4 м (табл. V). Он был разбит на пять квадратов размером 4×4 м каждый. Вместе с небольшими прирезками общая площадь раскопа достигла 88,5 кв. м.

Как и предполагалось, этот район оказался занятым грунтовым некрополем, но был очень слабо насыщен могилами: на вскрытой площади обнаружены всего четыре погребения, все разграбленные. Зато для характеристики могильных сооружений участок представляет значительный интерес: здесь впервые обнаружены подбойные могилы, ранее при наших работах в танаисском некрополе не встречавшиеся. Культурный слой на участке достигает 1,2—1,5 м. Это гуммированный суглинок, содержащий довольно много мелких фрагментов керамики. Среди находок в культурном слое преобладают обломки светлоглиняных амфор I—II вв. н. э. и амфор с двустольными ручками I в. н. э., много фрагментов краснолаковой и лепной керамики. Реже попадаются обломки эллинистических амфор и

чернолаковой посуды. Костей домашних животных совсем мало. Иногда встречаются человеческие кости из разрушенных погребений. Из отдельных находок следует упомянуть бронзовую фибулу с подвижным приемником (табл. XXXVII, 6) и медную монету царя Риметалка (131—153 гг. н. э.). Под культурным слоем лежит материк — светлая желтая глина, в которой выкопаны подбойные могилы.

Погребение 105. Пл. I, глубина 3,5 м. Подбойная могила, вырытая в глинистом материке. Впускная яма имела в плане четырехугольную форму со скругленными углами, длина ее 1,75, ширина около 1 м, глубина от уровня материка 2,2 м. Продольная ось ямы ориентирована по линии С — Ю. Подбой сделан в длинной восточной стенке ямы, его длина немного меньше длины ямы — около 1,6 м, ширина 0,65 м; высоту подбоя определить невозможно, так как его свод обвалился. На стенках подбоя заметны следы инструмента, которым копалась могила; ширина его рабочей части 66 мм. На дне подбоя и впускной ямы лежат большие каменные плиты (размеры их 0,9×0,4 м; 0,7×0,5 м и т. п.) из заклада подбоя.

Могила полностью разграблена. Судя по найденным человеческим зубам и обломкам костей таза и черепа, захоронен был ребенок.

³⁶ Начальник раскопа А. К. Коровина.

нок. Но положение костяка определить невозможно. Из инвентаря уцелели только две пастовые бусины, четыре золотые бляшки и остатки какого-то совершенно распавшегося серебряного предмета.

Одна из найденных бусин (табл. XLVIII, 2) крупная, биконическая, желтого цвета (диаметр 13 мм, длина 9 мм), другая — маленькая цилиндрическая желто-зеленая бисеринка (длина и диаметр 3 мм). Золотые бляшки отштампованы из тонкой золотой фольги, диаметр их 7 мм, каждая из них имеет по две дырочки для нашивания (табл. XXXVII, 2).

В засыпи могилы 105 встречено очень много керамических обломков от светлоглиняных узкогорлых амфор I в. н. э., амфор с двустольными ручками, краснолаковой и лепной посуды. Эти находки позволяют датировать сооружение могилы I в. н. э.

Погребение 106. Пл. II и прирезка к ней, глубина 1,15 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ССВ. Правая рука была вытянута вдоль тела, левая полусогнута в локте и кисть руки лежала на костях таза. Череп повернут к правой ключице. Пальцы ног отсутствовали. Инвентаря не обнаружено.

Поскольку могила вырыта в культурном слое, содержащем остатки II в. н. э., погребение не могло быть совершено ранее этого времени.

Погребение 107. Пл. IV, глубина 2,7 м. Подбойная могила, вырытая в глинистом материке (табл. XIII, 6). Впускная яма имела в плане овальные очертания. По верху длина

ее составляла около 2 м, ширина 1,2 м. Книзу яма сужалась и по дну имела размеры 1,7 × 0,95 м. Глубина ямы от уровня материка 1,3 м, от современной поверхности — 2,55 м. Продольная ось ямы ориентирована по линии В — З. Подбой сделан в длинной северной стенке ямы, его длина 1,35, ширина 0,8, высота 0,42 м. Пол подбоя опущен на 0,15 м ниже дна впускной ямы. Судя по размерам подбоя, могила была предназначена для захоронения ребенка, но никаких остатков костяка или погребального инвентаря не сохранилось.

Погребение 108. Пл. V, глубина 1,4 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Погребение совершенно разрушено. Из костей сохранились только куски черепной коробки, позвонки, один зуб и фаланга пальца. Судя по расположению костей черепа, погребенный был ориентирован головой на С. Из инвентаря уцелели два фрагментированных глиняных горшочка, бронзовая круглая пластинка с дырочкой и маленькая бронзовая воронка в обломках, диаметром 20 мм.

Оба горшочка вылеплены аккуратно из серой глины. Один из них (табл. XX, 3) имеет почти шаровидное тулово диаметром 82 мм и слегка расширяющуюся кверху низкую шейку; высота его 84 мм. Другой горшочек (табл. XX, 2) имеет плоское дно, округлое приземистое тулово и такую же шейку, как и предыдущий; высота его 83 мм, наибольший диаметр 94 мм. Бронзовая пластинка представляет собой скорее всего совершенно стертую и продырявленную боспорскую монету II в. н. э., диаметр ее 21 мм. По этой пластинке можно все погребение отнести к III в. н. э. Этой дате хорошо соответствует и форма обоих сосудов.

4. РАСКОП X (1958 г.)³⁷

Раскоп X был разбит к северо-западу от гродища на небольшой возвышенности, южный край которой разрушен современным глиняным карьером: отсюда местные жители берут глину для строительных нужд. В обресе карьера можно было проследить очертания нескольких могильных ям, а внизу под обрезом встречались человеческие кости и обломки керамики из разрушенных погребений. Здесь на возвышенности, вплотную к обресту

карьера, был разбит раскоп общей площадью 92 кв. м (табл. VI).

В отличие от раскопа VIII на этом участке почва оказалась густо насыщенной погребениями и очень сильно изрытой и в древнее и в новейшее время. Очень многие могилы оказались разграбленными: при раскопках было открыто больше совершенно пустых могильных ям, чем нетронуемых погребений. В культурном слое постоянно встречались отдельные человеческие кости и остатки инвентаря из перекопанных и разрушенных могил.

³⁷ Начальник раскопа А. К. Коровина.

В верхних штыках встречалось большое количество необработанного камня, расколагавшегося длинными грядами в виде больших кругов (табл. XIII, 2). Видимо, это остатки кольцевых опрад над погребениями, подобные тем, которые встречались нам на раскопках III и V. Но крайняя разрушенность и непрерывность самих опрад и могил не позволили определить, к каким именно погребениям эти ограды относятся. Раскопки везде проведены были до материка, светлой желтой глины, залегающей здесь на глубине 1,2—1,5 м от современной поверхности.

Погребение 109. Пл. II, глубина 0,9 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на С. Большая часть погребения разрушена карьером. Сохранились только правая лопатка, кости правой руки, часть таза и правая бедренная кость. Инвентаря не обнаружено. Датировать погребение невозможно.

Погребение 110. Пл. I и прирезка к ней, глубина 2,35 м. Могильная яма четырехугольная, с округленными углами, длина ее 2,4, ширина по верху 1,25 м. Яма вырыта в материке, ориентирована продольной осью по линии ВСВ — ЗЮЗ. Вдоль длинных сторон ямы на высоте 0,65 м от ее дна тянулись земляные ступеньки шириной 0,3 и 0,25 м, сужавшие дно могилы до 0,7 м (табл. XII, 7). На этих ступеньках сохранились остатки досок, перекрывавших могилу поперек. Оказалось возможным определить ширину досок — 0,1—0,12 м и их толщину — 0,015 м. Поверх досок лежал слой травы или камки, от которой сохранился белый тлен. Следы дерева, лежавшего в продольном направлении (остатки гроба), обнаружены и на дне могилы. Могила совершенно разграблена и погребение разрушено. Кроме того, юго-западная часть могилы нарушена врезавшейся в нее могильной ямой. Положение костяка определить невозможно, от него сохранились лишь череп, одна бедренная кость и нижняя челюсть, лежавшие не *in situ* в засыпи, много выше дна могилы. К инвентарю погребения, вероятно, принадлежат фрагментированная краснолаковая чашечка и мелкие пастовые бусы, также находившиеся в засыпи.

Краснолаковая чашечка (табл. XXIX, 1) сформована из мелкозернистой глины бежевого цвета. Выделка ее очень грубая, особенно небрежно сделан массивный и неровный

поддон. Чашечка покрыта прямо по глине без ангоба красно-бурым лаком без блеска. Изнутри покрытие ровное, снаружи лаком покрыта только верхняя часть чашечки. Диаметр сосуда 128 мм, высота 63 мм. Несмотря на грубость изготовления этой чашечки, форма ее позволяет видеть в ней изделие сравнительно раннее, вероятно I в. н. э. Может быть, она вышла из боспорских керамических мастерских. Эта дата является единственным критерием для определения времени могилы.

Бус найдено 26 (табл. XLVIII, 7), они принадлежат двум типам: пять бусин — плоские маленькие колечки зеленоватого цвета диаметром 4 мм и толщиной 2 мм, 21 бусина — маленькие, округлые, с диаметром 2 мм, разного цвета: синие, коричневые, черные.

Погребение 111. Пл. I, глубина 1,7 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк маленького ребенка лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ВСВ. Сохранность костей очень плохая, кости ног за исключением левой бедренной кости отсутствовали. В ногах умершего стояла фрагментированная краснолаковая чашечка (табл. XXIX, 2). Чашечка эта неглубокая, с горизонтально отогнутым наружу бортиком. Но бортик был еще в древности со всех сторон тщательно обколот. Диаметр сохранившейся внутренней части чашки 128 мм. Каков был первоначальный диаметр с бортиком, сказать трудно. Чашечка сделана тщательно из тонкой оранжевой глины и покрыта оранжево-красным лаком. На дне с внутренней стороны имеется клеймо в виде сандалин. Чашечки этого типа были широко распространены в I—II вв. н. э. Найденная нами чашечка, судя по качеству лака, скорее всего принадлежит к II в. н. э.

Погребение 112. Пл. II, глубина 1,15 м. Форма могилы не прослеживалась. Костяк почти полностью уничтожен карьером, сохранились только кости ног ниже колен. Судя по этим костям, покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой на Ю. Инвентаря не обнаружено. Определить время погребения невозможно.

Погребение 113. Пл. II, глубина 1,5 м. Могила имела неправильную форму, приближавшуюся к овалу, ширина ее 0,6 м, длину определить было невозможно, так как южная часть могилы уничтожена карьером.

Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ССЗ. Однако в первоначальном положении сохранились только череп, лопатки и кости левой руки (табл. XIII, 5), остальные кости смещены и перемешаны, кости ног ниже колен совсем отсутствовали. Около левого виска стоял большой лепной сероглиняный кувшин с отбитой ручкой (табл. XX, 5). Он очень аккуратно сформован из прубой плохо промытой глины. Форма тулова — бочкообразная, венчик на узкой шейке сильно отогнут наружу; небольшая овальная в сечении ручка была прикреплена одним концом к венчику сосуда, другим — к плечу. Высота кувшина 240 мм, наибольший диаметр тулова 169 мм, внутренний диаметр шейки 68 мм. В районе таза найдены обломки железного ножа и железного кольца диаметром 25 мм. Судя по форме кувшина, погребение должно относиться ко II — III вв. н. э.

Погребение 114. Пл. II и прирезка к ней, глубина 1,55 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Кости погребенного были смещены и лежали в полном беспорядке, определить первоначальное положение их нельзя. Инвентаря не обнаружено. Время погребения определить нельзя.

Погребение 115. Пл. VII и прирезка к ней, глубина 1,25 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на Ю. Инвентаря не обнаружено. Время погребения определить нельзя.

Погребение 116. Пл. IV, глубина 1,9 м. Подбойная могила вырыта в глинистом материке. Впускная яма имела четырехугольную форму, длина ее 1,9 м, ширину определить не удалось, так как грунт над подбоем еще в древности осыпался и по структуре не отличался от грунта засыпи ямы. Продольная ось ямы ориентирована по линии ВСВ—ЗЮЗ. Глубина впускной ямы от современной поверхности 1,75 м. Подбой сделан в длинной северной стенке ямы, длина его 1,85, ширина 0,95 м, высоту определить невозможно. Подбой опущен на 0,1—0,15 м ниже уровня дна впускной ямы. В подбое лежал на спине костяк, ориентированный головой на ВСВ. Ноги были вытянуты, правая немного согнута в колене, руки несколько отброшены в стороны (табл. VIII, 6). У левой берцовой кости лежал целый крас-

нолаковый двуручный сосуд, между коленями обнаружены остатки какого-то кожного предмета.

Краснолаковый сосуд (табл. XXIX, 5) сформован из оранжево-розовой мелкозернистой глины с мелкими известняковыми включениями. Округлое тулово сосуда покоится на низком узком кольцевом поддоне. Широкое горло сосуда оформлено низким вертикальным, немного отогнутым наружу венчиком. Две вертикальные петельчатые маленькие ручки прикреплены к верхней части тулова. Высота сосуда 128 мм, наибольший диаметр тулова 146 мм, внутренний диаметр горла 98 мм, диаметр поддона 62 мм. Сосуд снаружи (а венчик и изнутри) покрыт плоским жидким оранжево-красным лаком со слабым блеском. По самой широкой части тулова идет орнамент из двух врезанных горизонтальных линий и оттисков треугольного штампа между ними. Очень близкий по форме и орнаментации фрагментированный сосуд, но покрытый гораздо более густым и плотным лаком, был найден при раскопках городища Танаиса в помещении Г раскопа II, погибшем в середине III в. н. э. Сосуды этого типа изготавливались с конца I до III в. н. э.³⁸ Это определяет и время могилы 116 — II—III вв. н. э.

Погребение 117. Пл. II, глубина 1,3 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк младенца совершенно истлел, можно только определить общие очертания его и ориентировку головой на СВ. За головой костяка стояла небольшая (диаметр 80 мм) сероглиняная лепная плоскодонная мисочка и миниатюрный лепной горшочек (высота 49 мм, наибольший диаметр 43 мм) (табл. XX, 4). В области шеи найдены рассыпанные пастовые бусы (табл. XLVIII, 9). Одна из бусин — большая, светло-серая, шаровидной формы, диаметр ее 13 мм, вторая — цилиндрическая, светло-голубая, с широким отверстием (диаметр 6 мм, длина 3 мм), третья — бочковидная (диаметр 6 мм, длина 6 мм), темно-синяя; 21 бусина — бесцветная, полупрозрачная, бочковидной формы

³⁸ Т. Кнпорович. Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus Griechenstädten aus der Nordküste des Schwarzen Meeres. Materialien zur römisch-germanischen Keramik, IV, 1929, табл. III, 36; Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 304, 305, тип 16-М.

(диаметр и длина 4 мм). Могила должна быть датирована по инвентарю II—III в. н. э.

Погребение 118. Пл. V и прирезка к ней, глубина 0,3 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на ССВ. Но в первоначальном положении сохранились только кости таза и правой ноги, остальные кости смещены, кости рук и черепа отсутствовали. Инвентаря не обнаружено. Время захоронения определить невозможно.

Погребение 119. Пл. VII, глубина 0,9 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк младенца, почти совершенно расплавшийся, был ориентирован головой на С. За головой погребенного лежала светлоглиняная амфора с высоким и узким горлом (табл. XIII, 4). Амфора датирует погребение III в. н. э. Погребение это располагалось над могилой 122, относящейся ко II в. н. э.

Погребение 120. Пл. VII, глубина 1,3 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Костяк ребенка лежал на спине в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ВСВ. Сохранность костей плохая, кости ног ниже колен и кости рук за исключением кисти правой руки, отсутствовали. Инвентаря не обнаружено. Определить дату погребения невозможно.

Погребение 121. Пл. VII, глубина 1,1 м. Форма могилы не прослеживалась. Костяк ребенка лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ВСВ. Сохранность костей плохая, кости таза, ног и левой руки отсутствовали. На запястье правой руки находился браслет из бронзовой проволоки, треугольной в сечении. Браслет (табл. XXXVII, 5) состоит из двух витков проволоки, закрученной спиралью. Диаметр браслета 42 мм, толщина проволоки 3 мм. В области шеи и пояса костяка обнаружена россыпь пастовых бус (табл. XLIX). Всего собрано 195 пастовых бусин следующих типов: а) большая бусина близкой к цилиндрической формы с надельным валиком, идущим вокруг цилиндра; бусина и валик серо-синего цвета, с белыми полосками (диаметр 14 мм, длина 13 мм); б) округлая большая бусина светло-зеленого цвета с бело-синими глазками (диаметр 11 мм, длина 8 мм); в) бусина той же формы белого цвета (диаметр 9 мм,

длина 7 мм); г) бусины темно-синего цвета, иногда с фиолетовым или зеленоватым отливом, округлой формы, иногда приближающейся к цилиндрической, иногда к биконической, отверстие широкое (диаметр 5—6 мм, длина 3—5 мм) — 61 шт.; д) бусина такой же формы, но прозрачная, золоченая изнутри (диаметр 6 мм, длина 4 мм); е) мелкие голубые бусы округлой формы (диаметр и длина 4—5 мм) — 4 шт.; ж) бусы такой же формы и величины, но белые — 4 шт.; з) бусина той же формы и величины, но желто-серая; и) мелкий светло-зеленый цилиндрический бисер (диаметр и длина 3 мм) — 4 шт.; к) черный цилиндрический резаный бисер (диаметр 3 мм, длина от 1 до 2 мм) — 44 шт.; л) такая же черная бисерина, но большего размера (диаметр 5 мм, длина 3 мм); м) две цилиндрические светло-серые бусины (диаметр 3—4 мм, длина 7 мм); н) бочковидные полупрозрачные бусины янтарного цвета (длина 7—8 мм, диаметр 5 мм) — 9 шт., одна из них распилена поперек; о) бусы из такой же полупрозрачной стеклянной пасты янтарного цвета, но биконической формы (диаметр 5—6 мм, длина 4 мм) — 13 шт.; п) бусины серые, с перламутровым отливом, цилиндрические, с многими бугорками на поверхности (длина 3 мм, диаметр 4 мм) — 48 шт. Кроме этих пастовых бусин, найдена еще одна янтарная округлая бусина диаметром 11 мм, длиной 8 мм. Этот набор бус позволяет отнести погребение к I в. н. э.³⁹

Погребение 122. Пл. VII, глубина 2,5 м. Могильная яма имела овальную форму, длина ее 2,25 м, ширина 0,85 м. В юго-западной части могилы находилось несколько крупных камней. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, с протянутыми руками, причем кисти рук покоились на костях таза, головой на ВСВ (табл. VII, 5).

Около головы погребенного лежал на боку небольшой целый красноглиняный кувшинчик (табл. XX, 6). Кувшинчик имеет яйцевидное тулово на низком кольцевом поддоне, цилиндрическое горлышко с нешироким венчиком и плоскую, профилированную снаружи желобками вертикальную ручку, прикрепленную к горлу ниже венчика и к плечу сосуда. Наружная поверхность кувшинчика

³⁹ Ср., например, А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг. МИА, № 62, 1958, рис. 6.

покрыта желтоватым ангобом. Высота сосуда 135 мм, наибольший диаметр тулова 100 мм, внутренний диаметр горла 37 мм.

У шейных позвонков костяка лежала бронзовая арбалетовидная фибула (длина 54 мм) с утраченным приемником (табл. XXXVII, 7), около левого коленного сустава — небольшой прямоугольный точильный камень с дыркой для подвешивания. Справа от правой ступни покойного была положена большая краснолаковая тарелка, найденная в обломках. Тарелка (табл. XX, 1) вылеплена из очень мелкозернистой глины бежевого цвета без всяких включений и покрыта ангобом цвета глины. Тарелка низкая (высота 57 мм),

очень широкая (диаметр 270 мм), на низком кольцевом поддоне. Над верхней горизонтальной кольцевой плоскостью, украшенной насечкой, возвышается небольшой вертикальный бортик. Дно тарелки изнутри также украшено орнаментом в виде насечек, расположенных по кругу. К бортику прилеплены две горизонтальные ручки (уцелела только одна). Тарелка покрыта изнутри и частично снаружи неровным оранжево-красным лаком.

В нескольких местах могилы найдены также остатки каких-то совершенно распавшихся железных предметов. Весь инвентарь погребения датирует его II в. н. э.

ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА

Кроме описанных могил, раскопанных в грунтовой некрополе Танаиса, Нижне-Донской экспедицией в 1955—1959 гг. было исследовано еще несколько погребений, оказавшихся на территории самого городища.

В 1955—1957 гг. экспедиция вела раскопки участка оборонительной стены и примыкающего к ней жилого квартала в северо-восточном углу городища, вблизи от северо-восточной угловой башни (раскоп II)¹. Площадь раскопа была разбита так, что захватила не только район прилегающих к стене городских построек и самую крепостную стену, но и небольшой участок незастроенного пространства снаружи городской стены к востоку от нее. В этом-то пустом пространстве между оборонительной стеной и оборонительным рвом, ограждавшим город с востока, в 1955 и 1957 гг. обнаружено своеобразное детское кладбище — 10 погребений младенцев, по большей части в амфорах. Захоронения совсем маленьких детей все были совершены рядом с городской стеной, иногда в нескольких десятках сантиметров от нее. Глубина погребений различна — от 0,6 до 2,2 м от современной поверхности. Вот описание этих погребений.

Погребение 1 (123). Костяк младенца лежал в тулове амфоры на левом боку в скорченном положении, головой на С. Амфора красноглиняная, с яйцевидным туловом и округло-цилиндрической ножкой; верхняя ее часть — горло и ручки — отбита, но по сохранившейся нижней части одной из ручек видно, что ручки в сечении были овальными, слабо профилированными по внешней стороне. Амфоры этого типа датируются III в. н. э., что и определяет время погребения.

¹ Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1955 г. КСИИМК, 74, 1959, стр. 76 и сл.; его же. Раскопки Танаиса в 1956 г. КСИИМК, 77, 1959, стр. 63 и сл.

Погребение 2 (124). Костяк младенца лежал в грунте на левом боку в скорченном положении, головой на С. Сверху погребение было перекрыто обломком стенки большой красноглиняной амфоры.

Погребение 3 (125). Костяк младенца лежал в грунте на спине, в вытянутом положении, головой на С. Сверху погребение было перекрыто обломком стенки красноглиняной амфоры.

Погребение 4 (126). Костяк младенца лежал в грунте на спине, в вытянутом положении, головой на В.

Погребение 5 (127). Костяк младенца лежал в грунте на левом боку, в скорченном положении, головой на ЮЗ.

Погребение 6 (128). Погребение разрушено, определить положение младенческого костяка, лежавшего в грунте, невозможно; видимо, погребение было перекрыто обломком стенки амфоры.

Погребение 7 (129). Костяк младенца лежал в тулове красноглиняной амфоры на левом боку, в скорченном положении, головой на В.

Погребение 8 (130). Костяк младенца лежал в грунте на спине, в вытянутом положении, головой на СВ, часть погребения разрушена ямой более позднего времени.

Погребение 9 (131). Погребение разрушено. Определить положение младенческого костяка, лежавшего в грунте, невозможно. Видимо, погребение было перекрыто обломками стенок амфор.

Погребение 10 (132). Костяк младенца лежал в тулове красноглиняной амфоры на спине, в вытянутом положении, головой на В.

Проследить очертания могильных ям, в которых были произведены эти захоронения, ни разу не удалось. Во всех погребениях отсутствовал какой-либо инвентарь. Единств-

венным признаком, по которому можно датировать эти погребения, являются обломки амфор, их сопровождавшие. Но так как среди этих обломков обычно отсутствовали профилированные части, точно определить время их весьма затруднительно. Мы видели, что погребение 1 (123) должно быть отнесено к III в. н. э., вернее ко времени, предшествовавшему разрушению города неприятелем в середине этого столетия. О погребении 10 (132) можно с уверенностью сказать, что оно принадлежит IV в. н. э., поскольку амфора, в которой совершенно захоронение, имеет характерную для этого времени форму тулова с округлым дном и перехватом посредине. Фрагменты амфор в других погребениях позволяют датировать их только суммарно II—IV вв. н. э.

Еще два погребения были открыты в верхних слоях на раскопке IV в юго-западном углу городища. Раскоп этот был разбит в 1956 г. с целью изучения западной оборонительной стены и прилегающих к ней строительных комплексов. Особенно интенсивно раскопки на этом участке велись в 1957 г.² Открытые здесь два погребения никак не связаны со строительными остатками античного Танаиса. Оба они относятся к тому времени, когда всякая жизнь на городище уже прекратилась и оказалось возможным производить на нем захоронения окружающего населения.

П о г р е б е н и е 1 (133). Открыто в 1956 г. на пл. XI в западной части раскопа. Труп взрослого человека был похоронен, видимо, в простой земляной яме, очертания которой проследить не удалось. Глубина погребения от современной поверхности 1,25 м, костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. Сохранность костей плохая, инвентаря при погребенном не оказалось. Погребение залегало над остатками жилого комплекса, хорошо датированного I в. н. э. Этот комплекс был разрушен при восстановлении и расширении западной оборонительной стены города, видимо, во II в. н. э.³ Совершенно очевидно, что погребение 1 принадлежит времени более позднему.

П о г р е б е н и е 2 (134). Открыто там же в 1957 г. Оно залегало недалеко от предыдущего на глубине 1,85 м от современной поверхности в мусорном городском слое. Форма

могильной ямы не прослеживалась. Костяк взрослого человека лежал на спине, в вытянутом положении, головой на С. Справа от головы погребенного стоял сероглиняный лощеный сосуд с приземистым туловом, цилиндрическим горлом и небольшой вертикальной ручкой (табл. XXXI, 5). Сосуд этот, близкий по форме и выделке к кувшинчику, найденному в погребении 35 на раскопке V, принадлежит к кругу салтово-маяцкой керамики и должен быть датирован VIII—IX в. н. э. Таким образом, не остается сомнения, что это погребение было совершено в раннесредневековое время, когда Танаис уже не существовал. Это заставляет предполагать, что и погребение 1 (133), аналогичное по обряду, также относится к раннесредневековому времени.

Наконец в 1959 г. на раскопке IX в пределах так называемого «западного крыла» городища около остатков оборонительной стены было найдено еще одно погребение.

П о г р е б е н и е 1 (135). От костяка сохранилась незначительная часть: ключицы, плечевая кость правой руки, обломки костей левой руки, таза и грудной клетки. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на Ю. Форму могильной ямы проследить не удалось, глубина залегания костей от современной поверхности 1,35 м. Справа от костяка найдены остатки какого-то железного предмета, совершенно неопределимые, у левого плеча — фрагментированный лепной кувшин.

Кувшин (табл. XXXI, 6) имеет низкое широкое тулово, плоское дно и широкое цилиндрическое горло с едва заметным валиком по краю. Овальная в сечении ручка прикреплена верхним концом к венчику сосуда, а нижним к плечу тулова. Высота кувшина 129 мм, наибольший диаметр тулова 117 мм, диаметр дна 68 мм. Сосуд сделан из грубой плохо промытой глины, имеющей в изломе почти черный, а по поверхности серо-желтый цвет. Наружная поверхность кувшина покрыта орнаментом из маленьких кружочков, вдавленных в сырую глину концом соломинки или тростинки и расположенных рядами. Два таких ряда охватывают нижнюю часть горла; от этого орнаментального пояса по тулову сосуда спускаются ко дну восемь орнаментальных полос, каждая из которых состоит из двух параллельных рядов вдавленных кружков. Форма кувшина, его отделка и орнамент позволяют датировать его VII—VIII вв. н. э.

² КСИИМК, 77, 1959, стр. 66 и сл.

³ Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1, стр. 124.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ

Мы подробно рассмотрели все погребения, открытые в Танаисе в 1955—1959 гг. Попытаемся теперь проследить особенности погребального обряда и его развитие на протяжении почти семи веков существования Танаиса. Среди рассмотренных нами 127 погребений, раскопанных в танаисском некрополе и на территории городища, прежде всего следует выделить группу могил, которые никак не могут быть датированы либо из-за отсутствия в них инвентаря, либо вследствие крайне разрушенного их состояния. Таких погребений насчитывается 24 (№ 4—6, 7, 11, 17, 22, 27, 40, 47, 53, 54, 64, 71, 74, 91, 99, 107, 109, 112, 114, 115, 118, 120). Учитывая общий характер танаисского некрополя, можно смело сказать, что подавляющее большинство этих недатированных могил принадлежит античному времени, хотя, конечно, не исключена возможность принадлежности некоторых из них и раннему средневековью, поскольку единичные средневековые могилы в районе Танаиса все же встречаются. О возможности предположительно датировать некоторые из перечисленных погребений мы еще будем говорить.

Остальные 103 погребения, как мы видели, могут быть на основании анализа инвентаря и стратиграфических наблюдений с большей или меньшей уверенностью отнесены к определенным хронологическим периодам, обычно с точностью до одного-двух столетий.

Прежде всего следует выделить группу погребений, датируемых первыми веками существования Танаиса, III—I вв. до н. э., т. е. временем, предшествующим племоновскому разорению города. Эта группа включает

в себя 17 могил: одно трупосожжение (№ 13) и 16 трупоположений (№ 9, 14, 15, 18, 19, 20, 58, 60, 63, 66, 67, 69, 70, 75, 76, 77). Все они открыты на раскопе III к востоку от городища (табл. I). К северу и западу от городища ранних погребений пока не встречено. По видимому, и при прежних раскопках некрополя Танаиса более ранние комплексы все были открыты в восточной его стороне. По крайней мере все заведомо известные нам погребения эллинистического времени (трупосожжения в урнах, погребения с обломками мегарских чаш) раскопаны Н. И. Веселовским, который проводил работы только к востоку от городища. Однако делать из этого факта какие-либо определенные выводы о топографии танаисского некрополя пока преждевременно. Участки некрополя к северу и к западу от городища раскопаны еще слишком недостаточно, чтобы можно было утверждать полное отсутствие там погребений III—I вв. до н. э. Оговорка эта тем более необходима, что, как выяснилось в результате раскопок последних лет, Танаис эллинистического времени имел значительную протяженность именно в западном направлении¹. Большой интерес представляет единственное обнаруженное при наших раскопках трупосожжение 13. Из прежних исследователей наличие трупосожжений в некрополе Танаиса отмечал только Н. И. Веселовский. Может быть, другие раскопщики просто не обращали внимания на эту форму погребений. Веселовским при раскопках было встречено 11 трупосожжений, все они были в урнах,

¹ Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1, стр. 120, 121.

иногда рядом с урной обнаруживалось и место сожжения². Погребение 13 имеет несколько иной вид. Прах сожженного покойника не был здесь заключен в урну, а был оставлен в яме на месте сожжения вместе с обгоревшим инвентарем и засыпан землей. Это погребение является, по-видимому, самым ранним из всех до сих пор открытых погребений танаисского грунтового некрополя. Принадлежащая этому погребению разбитая чернолаковая пелика (табл. XXIV, 1) хорошо датируется второй половиной III в. до н. э. Обряд трупосожжения в танаисском некрополе применялся главным образом в эллинистическое время: все урны, найденные Н. И. Веселовским, Т. Н. Книпович датирует не позже чем II в. до н. э.³ Особенно интересно трупосожжение в урне № 3 1908 г., содержащее богатый набор золотых вещей — медальоны, бляшки, перстни, серьги и пр. Этот комплекс подробно разобран Книпович, датирующей его II в. до н. э.⁴ Однако утверждать, что все трупосожжения, открытые Веселовским, не моложе этой даты, мы все же не можем. В одной из обнаруженных им урн была встречена бронзовая фибула⁵; между тем все фибулы, найденные в Танаисе при прежних раскопках и подробно разобранные Книпович, должны быть датированы не ранее, чем концом I в. до н. э., а в подавляющем большинстве своем уже I—II вв. н. э.⁶ В другой урне среди инвентаря встречен железный перстень со вставкой⁷; несколько таких железных и бронзовых перстней со стеклянными вставками обнаружено нами при раскопках 1957 г. в погребении 103 (табл. XLV, 16), датируемом I в. н. э. Таким образом, оба эти погребения должны быть отнесены уже к началу нашей эры. Видимо, обряд трупосожжения применялся в Танаисе, наряду с трупоположением по крайней мере до I в. н. э., хотя и довольно редко. Любопытно в этом отношении могила, открытая Веселовским в 1908 г.⁸ В простой прунтовой яме, обложенной с одной стороны тесаными камнями, были обнаружены два

лежащих параллельно друг другу головами к востоку детских костика, а между ними — погребальная урна с четырьмя ручками. И в этой могиле среди других вещей оказалась медная фибула, что заставляет предположить датировать могилу I—II вв. н. э. Может быть, помещение в могилу рядом с трупами умерших пустой погребальной урны являлось данью традиции трупосожжения, уже утратившей свое реальное содержание.

Открытое нами погребение 13 интересно еще и с другой стороны: оно, пожалуй, единственное из всех открытых до сих пор погребений некрополя Танаиса, которое можно с некоторой уверенностью приписать гречанке. Т. Н. Книпович совершенно справедливо отмечала, что в танаисском некрополе не чувствуется различий между погребениями, «которые мы могли бы отнести за счет этнического происхождения. Нет ни одной могилы, в инвентаре которой отразилась бы ее принадлежность греку»⁹. Это положение в целом остается в силе и после наших раскопок, которые подтвердили представление о весьма значительной смешанности греческих и негреческих черт в похоронном обряде и инвентаре всех могил, сколько-нибудь полно сохранившихся. Трупосожжение 13 является единственным исключением из этого правила. Как самая форма погребения, редкая в танаисском некрополе, так и инвентарь его, могут указывать, как нам кажется, на то, что погребенная здесь женщина была гречанкой. Чернолаковая пелика (табл. XXIV, 1), набор мелких золотых украшений (табл. XXXIV, 1—4), сравнительная скромность в подборе пастовых бус (табл. XLII, 1, 2), наличие зеркала и пряслица — все это не противоречит такому предположению. Особенно же показательно наличие в погребении двух веретенообразных глиняных флаконов (табл. XXIII, 1, 2) несомненно туалетного назначения. В других погребениях танаисского некрополя подобные туалетные сосуды, столь характерные для греческих могил, никогда не встречались, так же как совершенно не встречались в более поздних могилах и стеклянные бальзамарии, составлявшие столь же необходимую принадлежность греческих погребений первых веков нашей эры. На этой особенности танаисского грунтового некрополя нам еще придется останавливаться, сейчас же

² ОАК, 1908, стр. 123, 124, 128; 1909, стр. 140.

³ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 38, 39.

⁴ Там же, стр. 61—63.

⁵ Погребение 2, 1909; ОАК, 1909, стр. 140.

⁶ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 60.

⁷ Погребение 21, 1908; ОАК, 1908, стр. 128.

⁸ ОАК, 1908, стр. 123. Схематический чертеж погребения есть в рукописном отчете Веселовского (Архив ИА, д. 1908, № 60, л. 7).

⁹ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 45.

важно отметить, что единственное погребение, являющееся исключением из этого общего правила, стоит в самом начале хронологического ряда танаисских могил.

Кроме трупосожжения 13, ни одно другое погребение не может быть твердо датировано III в. до н. э. Некоторые могилы, может быть, и принадлежат этому столетию, но точная датировка их невозможна, поскольку их приходится датировать либо на основании материалов, которые сами не поддаются точному хронологическому определению, либо исходя из стратиграфических данных. Так, могила 69 может быть датирована III—II вв. н. э. бурами, могила 77 — лепными сосудами, могила 14 — тем обстоятельством, что она нарушена погребением 15, в свою очередь относящимся ко II в. до н. э. Погребения 60 и 70 содержали родосские амфоры и поэтому могут быть суммарно датированы III—I вв. до н. э. Более определенно могут быть отнесены ко II в. до н. э. могилы 15, 20, 66 и 67, датируемые инвентарем. Определенно I в. до н. э. принадлежит погребение 9. Остальные погребения нашей первой группы датируются суммарно III—I (№ 18, 63, 75) или II—I вв. до н. э. (№ 19, 58, 76) главным образом на том основании, что они располагались под хорошо датированными погребениями I в. до н. э. — I в. н. э.

Большинство погребений, отнесенных нами к первому периоду существования Танаиса (III—I вв. до н. э.), разрушено либо грабителями, либо более поздними захоронениями (№ 19, 20, 25, 58, 60, 63, 70, 75, 77). Тем не менее оказалось возможным все же довольно полно проследить погребальный обряд.

Все захоронения этого времени произведены в простых земляных ямах, вырытых в материковом грунте. Могильные ямы имеют обычно в плане прямоугольную или реже овальную форму, впрочем разница здесь не слишком велика, так как у прямоугольных могил обычно несколько округлены углы и нередко трудно определить, к какому из этих двух типов следует отнести ту или иную могилу. Примечательна большая глубина захоронений: все они произведены в материке на глубине не менее 2 м от современной поверхности почвы. Максимальная глубина достигает 3,75 м (№ 77). Только более позднее погребение 9 лежит сравнительно высоко, на глубине 1,2 м.

Чрезвычайно строго выдерживается в этих

ранних погребениях ориентировка покойников головой на восток, иногда с более или менее заметным отклонением к северу. Даже редких отступлений от этой ориентировки, вообще обычной для танаисского некрополя, в этой группе могил не наблюдается. Этим группа ранних погребений отличается от более поздних групп, где, как увидим ниже, такие отступления все же бывают. Труп обычно клался на спину, с вытянутыми вдоль тела руками и вытянутыми ногами. Исключения составляют погребения 75 и 76, где погребенные были положены также на спине, но, по-видимому, с согнутыми ногами. После разложения трупа кости ноги в могиле 75 распались в разные стороны, а в могиле 76 завалились в одну сторону, вправо.

Могильные ямы сверху иногда перекрывались положенными плашмя известняковыми плитами (№ 14, 66, 70), или такие плиты ставились вертикально вдоль одной из длинных сторон могилы (№ 19, 58, 63, 77). В погребении 15 имеются оба этих конструктивных элемента. При прежних раскопках танаисского некрополя «каменные перекрышки» некоторых могил отмечались только в отчете М. П. Леонтьева¹⁰, другие исследователи вообще не обращали внимания на способ перекрытия могил. Камни, помещенные вдоль одной из сторон могилы, никем из раскопщиков не отмечались. Лишь в уже упоминавшейся могиле 1, раскопанной Н. И. Веселовским в 1908 г. и содержащей два детских костяка и погребальную урну, была обнаружена каменная выкладка вдоль южной стороны могильной ямы. Но эта выкладка сделана из обработанных камней, в то время как во всех открытых нами погребениях ограждающие камни — это плиты, совершенно не обработанные.

В ряде погребений прослежены остатки деревянных гробов (№ 60, 63, 70, 77), но форму их восстановить не удалось, так как дерево сохраняется обыкновенно лишь в виде тлена на дне могилы под костяком. Можно думать, что в других могилах также были деревянные гробы. Впрочем, в детском погребении 67 гроб, видимо, был заменен очень своеобразной деревянной конструкцией вроде скамеечки, защищавшей при совершении захоронения лицо и голову погребаемого ре-

¹⁰ Архив ИА, ф. 9, д. 25, л. 84, № 2, 3, 12; л. 85, № 15.

бенка от сбрасываемой в могильную яму земли (табл. IX, 4).

Полностью и даже только частично разграбленные погребения, естественно, не могут дать нам материал для суждения о качественном и количественном составе погребального инвентаря, поскольку невозможно определить, какая часть инвентаря утрачена в таких могилах. Но погребения, дошедшие до нас относительно целыми, дают все же основания для некоторых наблюдений в этом отношении. Самым богатым из ранних погребений (не считая трупосожжения 13) является могила 15, принадлежавшая несомненно представительнице средней зажиточной группы танаисских горожан. Обращает на себя внимание присутствие в этом погребении серебряной серьги, характерной для сарматского мира (табл. XXXIV, 5), и огромного количества бус (табл. XLII, 3; XLIII, 1, 2), украшавших не только шею покойницы, но и ее запястья и щиколотки. Обилие в могилах различных бус из стеклянной пасты, гагата, сердолика, янтаря — вообще очень характерное явление для танаисского некрополя, связанное несомненно со вкусами местной меото-сарматской среды. Примечательно также обратившее на себя внимание Т. Н. Книпович¹¹ постоянное сочетание в одном ожерелье бус из различных материалов, различных форм и расцветок, тоже, конечно, связанное с «варварскими» вкусами насельников Нижнего Подонья. В погребении 15 эти черты выражены очень ярко. В то же время в этой могиле найдены и привозные вещи, характерные для античной культуры: чернолаковая чашка (табл. XXIV, 2), застежка со щитком, украшенным рельефной розеткой (табл. XXXIV, 7).

Другие погребения дают гораздо более скудный инвентарь: два сосуда (№ 66, 77), сосуд и бусы (№ 69), только бусы (№ 9) и т. п. В детской могиле 67 была только одна мегарская чашка (табл. XXVI, 1), правда очень хорошая. Достаточно хорошо сохранившиеся погребения 10, 14, 18, 76 совсем не имели погребального инвентаря.

К рассмотренной группе погребений III—I вв. до н. э. примыкает еще несколько могил, которые не могут быть с уверенностью отнесены ни к этой группе, ни к следующей группе I в. н. э. Они датируются погребаль-

ным инвентарем суммарно I в. до н. э. — I в. н. э. Это погребения 10, 25, 45, 49, 72. Мы находим в них те же черты погребального обряда, что и в могилах рассмотренной группы: захоронения в простых грунтовых ямах, иногда перекрытых (№ 72) или огражденных с одного бока (№ 10, 49) каменными плитами, ориентировка погребенного головой на восток или северо-восток, применение деревянных пробов (№ 45, 49). Наличие деревянных гробов в танаисских грунтовых могилах было известно и раньше¹², но устройство гробов прослежено ни разу не было. При наших раскопках удалось установить, что в некоторых могилах, в том числе в погребении 45 и, может быть, в могиле 49, были использованы в качестве гробов колоды, выдолбленные из целого ствола дерева. Могила 49 интересна и еще в одном отношении. Вокруг нее была выложена из отдельных крупных необработанных камней кольцевая ограда диаметром около 2,5 м (табл. XI, 1). Видимо, подобная ограда была обнаружена Н. И. Веселовским вокруг могилы 1 раскопок 1909 г.¹³

Большая группа могил должна быть датирована I в. н. э. и, может быть, самым началом II в. Таких погребений насчитывается 30 (№ 8, 16, 23, 24, 26, 28, 29, 34, 38, 46, 55—57, 59, 68, 73, 78, 79, 83, 84, 88, 90, 95, 100, 101—103, 105, 110, 121). Они вскрыты на всех раскапывавшихся участках некрополя, к востоку, северу, северо-западу от городища. Эта группа могил находится в особенно плохом положении в отношении сохранности: почти все погребения разрушены и разграблены. По существу только один хорошо сохранившийся могильный комплекс оказался нетронутым (№ 79), остальные уцелевшие от разграбления могилы — это либо детские погребения в амфорах (№ 56, 59), либо совсем бедные могилы, скудный инвентарь которых позволяет лишь условно, в виде предположения, отнести их к этой группе (№ 16, 24, 28). Это тем более досадно, что именно в этой группе было значительное количество богатых гробниц, что доказывается как самим устройством погребальных сооружений, так и уцелевшими остатками погребального инвентаря.

Наиболее распространенной формой захоронения в I в. н. э., как и раньше, было

¹¹ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 44.

¹² Там же, стр. 38.

¹³ ОАК, 1909, стр. 140.

труположение в простой земляной яме четырехугольной или овальной формы. Глубина могил очень различна, но обычно она все же не менее 1,2 м, а в ряде случаев превышает 2,5 и даже 3 м (№ 23, 25, 73, 78). В более позднее время, во II—III вв. н. э., могилы не спускаются на такую значительную глубину. Это обстоятельство позволяет предположить, что некоторые захоронения, совершенные на большой глубине, для датировки которых у нас нет никаких данных (№ 74, 71, 64), должны быть отнесены не позже чем к I в. н. э. В отношении погребения 71 это предположение подтверждается еще и тем, что эта могила была перекрыта каменными плитами, что в более позднее время не наблюдается. Из погребений I в. н. э. только два (№ 24, 34) находились на незначительной глубине, менее 1 м от современной поверхности почвы. Может быть, такое отступление от правил объясняется тем, что обе эти могилы младенческие.

В I в. н. э. продолжает применяться отмеченный для более раннего времени прием ограждения могильной ямы с одной стороны поставленными на ребро каменными плитами (№ 16, 34); в упомянутой уже детской могиле 34 такие ограждения были устроены вдоль обеих длинных сторон могильной ямы, в детском погребении 24 устроено ограждение с одной стороны могилы не из камней, а из крупных обломков амфорных стенок. В более позднее время сооружение подобных ограждений с одной стороны могилы уже не применялось. Это обстоятельство позволяет предполагать, что обладающие такими ограждениями могилы 11 и 22, для датировки которых у нас нет данных, должны принадлежать времени не позднее чем I в. н. э.

Над погребением 28, предположительно датированным I в. н. э., так же как и над раскопной уже могилой 49, была выложена кольцевая ограда из отдельных необработанных крупных камней. Над могилой 28, кроме того, имелась наброска из камней. Остатки круговых оград из беспорядочно наваленных камней встречались еще несколько раз при раскопках участков некрополя V и X (табл. XIII, 2), но из-за очень сильной перерытости этих участков и плохой сохранности самих оградок было невозможно определить, к какому из погребений эти ограды относились.

Кроме простых грунтовых ям, для погре-

бения умерших в I в. н. э. применялись и могилы несколько более сложного устройства. Это также прямоугольные грунтовые ямы, обычно большого размера и значительной глубины, вдоль длинных стенок которых в нижней их части были оставлены земляные ступеньки, служившие опорой для деревянных плах, перекрывавших могилы (табл. XII, 7). К погребениям этого типа относятся могилы 79, 95, 100, 110 и самая большая и, вероятно, самая богатая из всех раскопанных нами, но, к сожалению, совершенно разграбленная гробница 68. В двух случаях (№ 68 и 95) деревянное перекрытие могилы лежало не прямо на земляных ступеньках, а на невысоких каменных кладках из необработанного камня, покоившихся на этих ступеньках. Во всех пяти могилах было применено перекрытие из поперечно положенных досок или плах, в одном случае (№ 110) оказалось возможным даже определить их ширину и толщину (длина их всегда немного меньше ширины могильной ямы) и заметить лежащий поверх досок слой травы или камки. Перекрытия могил деревянными плахами неоднократно прослеживались и при первых раскопках танаисского некрополя А. Авдеевым¹⁴. При наших раскопках не было встречено ни одной могилы с боковыми ступеньками, которая была бы перекрыта каменными плитами, но в более ранних раскопках такие могилы встречались¹⁵; судя по очень суммарно описанному их инвентарю, все они должны быть отнесены к I в. н. э.

И в могилах с боковыми ступеньками, и в простых грунтовых ямах покойник всегда помещался на спине, в вытянутом положении. Нет ни одного отступления от этого правила. По-прежнему преобладает восточная и северо-восточная ориентировка погребений, но в отличие от предыдущего периода теперь иногда встречается ориентировка и юго-восточная и даже южная (№ 8, 57). А. Авдеевым при раскопках в 1853 г. были обнаружены среди погребений с обычной ориентировкой головой на восток две могилы с западной и юго-западной ориентировкой покойников. Судя по описанию в отчете погребального инвентаря, обе эти могилы должны быть датированы I в. н. э.¹⁶ В нескольких погребениях были обнаружены остатки деревянных гробов в

¹⁴ Архив ИА, ф. 9, д. 25, л. 83, № 1, 2, 3.

¹⁵ Там же, л. 84, № 6, 11, 15.

¹⁶ Там же, л. 85, № 14, 15.

виде продольно лежавших кусочков дерева или древесного тлена (№ 28, 55, 83, 84, 110). В двух случаях (№ 23, 102) удалось совершенно отчетливо проследить, что в качестве гроба была употреблена большая колода, как и в погребении 45.

Одно погребение (№ 105), относящееся к рассматриваемому периоду, было совершено в подбойной могиле. Одна подбойная могила, также датируемая I в. н. э., была раскопана А. Авдеевым. При наших раскопках были обнаружены еще две подбойные могилы. Одна из них (№ 116) датируется II—III вв. н. э., для определения времени другой (№ 107) данных нет.

Наконец, следует отметить, что в I в. до н. э. появляются первые (по крайней мере более ранних мы пока не знаем) захоронения младенцев в амфорах. В раскопанной нами группе могил имеется два таких погребения — 56 и 59 (табл. XI, 7; XII, 3). В обоих случаях для погребения были использованы широко распространенные в Танаисе светлоглиняные амфоры с желудеобразной ножкой и двустольными ручками, датируемые обычно I в. до н. э. — I в. н. э. Внутри тулова амфоры, горло и ручки которой отбивались, кроме трушника младенца, клали и сопровождающие его вещи. Этот инвентарь и позволяет нам датировать оба погребения I в. н. э. Снаружи амфора обкладывалась камнями.

Разграбление почти всех могил I в. н. э. в древности лишает нас возможности составить полное представление об инвентаре погребений этого времени. Все же на основании уцелевших вещей можно заключить о значительном богатстве некрополя этой эпохи. Самый факт ограбления всех погребений свидетельствует об относительном их богатстве. Среди раскопанных погребений I в. н. э., в отличие от более ранних, не оказалось ни одного погребения без инвентаря. Несмотря на ограбление, в каждой из могил сохранились отдельные сосуды, украшения, стрелы и пр. Даже по этим жалким остаткам погребального инвентаря можно с уверенностью судить о значительном наполнении могил вещами.

По-видимому, самым богатым из погребений этой группы было погребение 68. Несмотря на полное ограбление могилы, в ней уцелело все же много мелких золотых украшений, бус, обломков других предметов, свидетель-

ствующих об очень разнообразном и богатом инвентаре. Примечательны и размеры могильной ямы (3,2 × 2 × 4,3 м) и возведение вокруг нее монументальной каменной оградой (табл. XIII, 1). Вероятно, эта ограда является модификацией тех кольцевых оградок, которые наблюдались вокруг других, более бедных погребений. Вокруг богатой могилы 68 эта ограда была выведена в форме каменной круговой стенки, которую затем засыпали землей. Это позволяет предположить, что над теми погребениями, вокруг которых были сооружены оградки, также были возведены небольшие земляные насыпи, однако такие незначительные, что следы их совершенно изгладились.

Наибольший интерес вызывает единственное дошедшее до нас целым относительно богатое погребение 79. По составу инвентаря оно во многом очень примечательно. Прежде всего, это единственное погребение, в котором найдена монета (табл. XI, 1), причем она была положена в рот погребенному (найден под нижней челюстью), т. е. несомненно являлась «оболом Харона». В некрополе Танаиса монеты при умершем встречаются крайне редко. За все время раскопок только один раз в погребении 27 1909 г. попала монета. К сожалению, в отчете Веселовского погребение это не описано, место монеты в погребении не указано и сама монета не определена, упомянуто только, что она была медная¹⁷. Казалось бы, находка монеты во рту покойника могла указывать на принадлежность погребенного к греческому населению Танаиса, но ряд других данных противоречит такому предположению. В могиле наряду с краснолаковыми сосудами (табл. XVI, 2, 5) найдены типичный сарматский лощеный горшочек (табл. XVI, 3), бронзовый прорезной колокольчик (табл. XXXVIII, 8) и другие вещи, характерные для меото-сарматского культурного круга. Особенно же показательны наличие в этом погребении удила (табл. XXXII, 6) и бляшек (табл. XXXXVIII, 9, 13, 14) от конской узды, чем могила 79, кстати сказать, отличается от всех других погребений танаисского некрополя. Таким образом, в этом погребении очень ярко сказались уже отмеченные черты слияния различных по происхождению культурных представлений. Наряду с веща-

¹⁷ Архив ИА, д. 1909, № 41, л. 168.

ми, выделяющими это погребение среди остальных могил танаисского некрополя, найдены и предметы, чрезвычайно характерные для этого некрополя вообще, — гешировые бусы, железный ножичек, серьги в виде проволочного колечка, нашивные бляшки. Могила 79, вероятно, принадлежала представителю тех же захиточных слоев танаисского населения, что и могила 68, хотя последняя несомненно была более богата. Судя по остаткам инвентаря, можно думать, что все остальные могилы с перекрытием, походящим на земляных или каменных ступеньках (№ 95, 100, 110), так же как и единственная подбойная могила этого времени (№ 105), принадлежали к этой группе богатых погребений.

Более бедные полностью сохранившиеся погребения содержат только один-два сосуда и бусы.

В погребальном инвентаре I в. н. э. преобладают различные украшения — бусы, фибулы или брошки, кольца, браслеты, серьги. Из оружия встречаются только железные трехперые наконечники стрел и лишь один раз был найден обломок меча (№ 23). Иногда в могилы бывают положены бронзовые маленькие зеркала с боковой ручкой (№ 26, 103), колокольчики (№ 79, 84), серебряные туалетные флаконы (№ 95, 101). Керамика в погребения клады самая разнообразная — от амфор (№ 79, 95) до специально вылепленных миниатюрных сосудиков (№ 117).

Резко отличаются от рассмотренных погребений могилы следующей хронологической группы. Они датируются содержащимся в них инвентарем II—III вв. н. э., но так как Танаис был полностью разрушен в 40-х годах III в. и затем на протяжении более ста лет жизнь в нем не возобновлялась, все погребения этой группы следует относить ко II в. и к первой половине III в. н. э. Таких могил открыто нашими раскопками на всех участках некрополя 20 (№ 32, 41, 42, 31, 61, 81, 82, 85, 86, 89, 93, 97, 98, 108, 111, 116, 117, 119, 122, 123). Все они, за исключением двух, представляют собой простые земляные ямы, прямоугольные или овальные, в которых сохранилось труположение. Могила 116 — подбойная, устроена точно так же, как и подбойная могила 105, принадлежащая к предыдущей группе. Устройство могил с боковыми ступеньками в этот период не применялось. Остатки деревянного перекрытия

могилы прослежены только в одном случае (№ 61). Ни разу не наблюдалось применение для перекрытия могильной ямы или для ограждения ее каменных плит. Глубина захоронения сравнительно небольшая — обычно от 1 до 2 м от современной поверхности, захоронения на глубине более 2 м в этой группе составляют исключение. Погребенный всегда лежал на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и вытянутыми ногами. Восточная и северо-восточная ориентировка погребенных, безраздельно господствовавшая в более ранних группах могил, сохраняется и теперь (девять погребений), но наряду с ней появляется ориентировка прямо на север (восемь погребений), ранее никогда не наблюдавшаяся. В одном случае (№ 82) применена необычная ориентировка — головой на запад-юго-запад. Это погребение отличается от других еще тем, что в нем наблюдается отклонение от обычного положения костяка: правая нога полусогнута, правая рука немного отброшена в сторону. Захоронение детей производилось, как и раньше, иногда просто в грунтовых ямах (№ 31, 81, 111, 117, 119, 122), иногда в амфорах (№ 41, 123). Один раз детское погребение в грунтовой яме было сверху перекрыто крупными обломками амфорных стенок (№ 81).

Инвентарь всех погребений этой группы гораздо беднее инвентаря могил I в. н. э. В соответствии с этим погребения II — III вв. н. э. почти не подвергались разграблению. Хотя ряд могил рассматриваемой группы дошел до нас в полуразрушенном состоянии (№ 85, 98, 108), но это явилось следствием более поздних захоронений на том же участке или рытья каких-то ям, а не действий грабителей. Только в одном случае (№ 61) можно предположить, что могила ограблена.

Состав погребального инвентаря в рассматриваемых погребениях очень однообразен: один-два сосуда, бусы на шее и иногда браслеты из бус, редко какое-нибудь металлическое украшение — фибула, колечко или бронзовый браслет. Погребения с ориентацией покойника головой на север, кажется, несколько беднее тех, в которых костяк лежит головой на восток. В них никогда не встречаются бронзовые браслеты или кольца, отсутствует краснолаковая керамика и посуда представлена главным образом лепными горшками. Но и в могилах с восточной или северо-восточной ориентировкой инвентарь

очень скромны. Наиболее богатым погребением в этой группе является могила 85, в которой при погребенном оказались три лепных горшка, глиняное пряслице, бусы, медное колечко и прекрасная фигурная фибула с эмалью. Могила 85 повреждена более поздним погребением, и часть погребального инвентаря могла не сохраниться, но уцелела несомненно большая часть его.

Объяснить такое резкое обеднение некрополя II—III вв. н. э. по сравнению с могильником предыдущего столетия очень трудно. Раскопки городища показывают, что Танаис во II и первой половине III в. н. э. переживал значительный экономический подъем, с чем не вяжется бедность некрополя. Может быть, богатый некрополь этого времени нужно искать в другом месте, может быть, в обеднении состава инвентаря погребений сыграли роль какие-то изменения в религиозных представлениях — на все эти вопросы имеющийся пока в нашем распоряжении небольшой материал еще не дает ответа.

Погребений, твердо относящихся к последнему периоду жизни античного Танаиса, ко второй половине IV в. н. э., мы почти совсем не знаем. Только одна грунтовая могила, № 39, может быть датирована этим временем на том основании, что обнаруженные в ней медные серьги (табл. XXXIV, 9) находят хорошие аналогии в комплексах IV—V вв. н. э. Другие встреченные в этом погребении предметы — бусина, пряслице — не дают основания для датировки. Захоронение это совершено в простой яме в обычном вытянутом положении, головой на северо-восток. Еще два разрушенных погребения, инвентарь которых не сохранился, № 36 и 37, могут быть предположительно отнесены к тому же IV в. на основании стратиграфических данных: они залегли на глубине 0,8—0,85 м от современной поверхности, выше неповрежденной

могила III в. н. э. Но, конечно, не исключена возможность отнесения этих двух погребений и к еще более позднему, средневековому времени. Несомненно IV в. принадлежит одно из младенческих захоронений около городской стены (№ 132), совершенное в круглодонной позднеантичной амфоре. Таким образом, можно утверждать, что обычай хоронить маленьких детей в амфорах, прослеживаемый в Танаисе с I в. н. э., существовал здесь до конца античной эпохи.

Имеется группа могил, содержащих совсем незначительные предметы или совершенно лишенных инвентаря, для датировки которых мы имеем только в качестве *terminus post quem* I в. н. э. (№ 3, 12, 21, 30, 33, 44, 48, 80, 87, 92, 94, 104, 106, 113 и большинство детских погребений у городской оборонительной стены № 124—131). Очень вероятно, что часть из них могла принадлежать IV в. н. э., но определить это точно мы не можем, тем более, что среди них возможны и средневековые захоронения. Одна из могил этой группы № 30, с железной пряжкой, выделяется среди других, во-первых, тем, что умерший лежал в ней на боку, в скорченном положении, а во-вторых, тем, что погребение это совершенно на минимальной глубине — всего 0,35 м от современной поверхности. Впрочем, для этой группы вообще характерно неглубокое захоронение умерших, многие могилы имели менее 1 м глубины (№ 3, 21, 33, 44, 48).

Наконец следует упомянуть четыре ранне-средневековых погребения (№ 35, 133—135), только одно из которых открыто на территории некрополя, остальные же находились в культурном слое городища. Размещение этих могил ясно показывает, что в то время, когда были совершены захоронения, в VII—IX вв., Танаис уже не существовал и территория городища использовалась для погребения жителей окрестных поселений или кочевий.

ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЙ

Рассматривая в предыдущих разделах нашей работы могильные комплексы, мы ограничились в отношении инвентаря погребений лишь перечислением и описанием найденных вещей, только в редких случаях привлекая

аналогии им, когда это было необходимо для датировки погребений. Попытаемся теперь дать общий обзор могильного инвентаря по категориям вещей, находимых в погребениях танаисского грунтового некрополя.

1. КЕРАМИКА

Амфоры

Число амфор, найденных в погребениях, невелико, но подбор их представляет известный интерес, так как в нем довольно точно отражается состав амфорных остатков, встречающихся на городище. В погребениях эллинистического времени иногда помещались родосские амфоры. Отпечаток ножки такой амфоры прослежен при расчистке погребения 60, в могиле 70 сохранилось днище родосской амфоры. Но, конечно, наиболее интересна находка раздавленной, однако целиком собирающейся родосской амфоры с клеймами на обеих ручках. Амфора эта вместе с другой, синопской, найдена в составе инвентаря совершенно разрушенной могилы, не получившей особого номера, на раскопе III. Обе амфоры стояли вертикально в западном конце могилы, несомненно в ногах погребенного. Родосская амфора по форме горла и ручек может быть датирована III—II вв. до н. э.¹, но удлиненные пропорции тулова и сравнительно покатые плечики амфоры позволяют датировать ее более точно — II в. до н. э. Этой дате хорошо отвечает и шрифт клейма на ее ручках. На одной из ручек оттиснуто трехстрочное прямоугольное клеймо

(табл. XV, 1), читающееся справа налево:

['επ' ἱερέως]

Ἀριστείδα.

Ἀρταμίτιου.

Первая строка не оттиснулась на ручке, но все клеймо легко может быть восстановлено по совершенно аналогичному клейму, вероятно исполенному тем же штемпелем, опубликованному В. В. Шкорпилем². Имя эпонима Аристиды хорошо известно в родосской керамической эпиграфике. Клейма с этим именем были встречены в так называемом пергамском комплексе, датированном 220—180 гг. до н. э.³ В то же время это имя попадает и в клеймах особой, выделенной нами «курсивной группы», относящихся в основном уже к следующему периоду — 180—150 гг. до н. э.⁴ Гиллер фон Гертрингер, исходя из разницы шрифтов в разных клеймах с именем Аристиды, считал возможным различать на Родосе

² В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах. ИАК, 11, 1904, стр. 93, № 395^B.

³ Die Inschriften von Pergamon, II, Berlin, 1895, стр. 446, № 878—886; Fr. Bleckmann. De inscriptionibus quae leguntur in vasculis Rhodii. Goetttingen, 1907, стр. 34, 35, 39, 40.

⁴ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 143—144.

¹ Cp. V. Grace. The eponyms named an Rhodian amphora stamps. «Hesperia», XXII, 2, 1953, табл. 42, II.

двух эпонимов этого имени⁵, однако в этом нет никакой необходимости, поскольку и шриффт курсивных клейм и шриффт иных клейм Аристиды (в том числе и издаваемого танаисского клейма) не противоречат отнесению их всех к началу II в. до н. э. В. Грейс относит интересующего нас эпонима Аристиды к III группе своей хронологической классификации родосских амфорных клейм, т. е. примерно к тому же времени пергамского комплекса⁶. Видимо, деятельность эпонима Аристиды протекала в конце 80-х годов этого столетия. Такая датировка подтверждается и тем, что среди клейм этого эпонима имеются такие, в которых рядом с легендой помещено изображение головы Гелиоса в виде лучезарного диска⁷. Это изображение должно, по мнению Б. Н. Гракова, в большинстве случаев относиться к периоду, непосредственно следующему за временем пергамского комплекса. Таким образом мы получаем очень точную датировку клейма Аристиды и нашей амфоры. На второй ручке амфоры имеется тоже прямоугольное клеймо с именем эргастериарха. Оно оттиснулось также лишь частично и, кроме того, сбито, но несмотря на это его можно уверенно прочесть: в двух строчках слева направо написано имя Με[ν]ε-κρ[ά]τ[η]ς. Слева от надписи изображена виноградная гроздь (табл. XV, 2). Подобные клейма известны среди находок в Северном Причерноморье⁸.

Находка родосской амфоры с обоими уцелевшими клеймами интересна в том отношении, что несмотря на огромное число родосских клейм, известных исследователям, мы имеем очень незначительное число сосудов, сохранивших оба клейма и дающих возможность сопоставить эпонимное клеймо с фабрикантским. Это обстоятельство крайне затрудняет хронологическую классификацию фабрикантских клейм, и всякое свидетельство одновременности какого-либо клейма эргастериарха с каким-нибудь эпонимным клеймом является весьма ценным. Наличие фабрикантского клейма Менекрата на амфоре с до-

вольно точно датированным клеймом эпонима Аристиды позволяет хронологически определить деятельность этого эргастериарха⁹.

Как уже говорилось выше, описанная родосская амфора из разрушенной могилы II в. до н. э. найдена вместе с совершенно целой синопской амфорой. Форма последней (табл. XV, 3) точно совпадает с формой синопской амфоры, найденной в одном из погребений Елизаветинского могильника на Кубани и изданной И. Б. Зеест; очень характерны округлое тулово и сравнительно широкое горло. Елизаветинская амфора также не имеет клейма, она датируется совместными находками, как и две другие подобные амфоры, из того же могильника, II в. до н. э.¹⁰ Дата эта хорошо согласуется с нашей датировкой вышеописанной родосской амфоры.

Другая синопская амфора найдена в разрушенном погребении 20. Венчик и одна из ручек у нее утрачены. По форме эта амфора несколько отличается от предыдущей. Она имеет конусовидное тулово и довольно резко выраженный перелом от нижней части тулова к плечикам (табл. XIV, 2). Ближайшей аналогией ей является амфора из Зеленского кургана, имеющая клейма астинома и гончара на обеих ручках¹¹. На сохранившейся ручке нашей амфоры из могилы 20 клейма нет; имелось ли клеймо на утраченной ручке, сказать невозможно. Тем не менее почти полное тождество формы танаисской амфоры и амфоры из Зеленского кургана позволяет уверенно относить их к одному времени. Клейма астинома Посидея сына Гефестодора и керамевса Гикесия сына Дионисия Б. Н. Граков относит к III группе своей хронологической классификации синопских клейм, т. е. к 220—183 гг. до н. э.¹² Вероятнее всего наши амфоры должны быть датированы началом II в. до н. э. Амфора, найденная в погребении 19 (табл. XIV, 1) тоже должна быть отнесена к числу синопских, хотя она также не имеет

⁹ Наша амфора — вторая целая родосская амфора из Танаиса; первая была найдена П. М. Леонтьевым в одном из курганов танаисского некрополя (Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 34, рис. 2).

¹⁰ И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, стр. 109, рис. 4, 6.

¹¹ В. В. Шкорпил. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана. ИАК, 51, 1914, стр. 125, № 22.

¹² Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 134—135.

⁵ Hiller v. Gaertringer, RE, Rhodos.

⁶ V. Grace. Timbres amphoriques trouvés à Délos. BCH. LXXVI, 1952, стр. 525—528.

⁷ Inschriften von Pergamon, II, стр. 446, № 878; Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Лг., 1917, стр. 4, № 68.

⁸ В. В. Шкорпил. Указ. соч., стр. 123, № 5236; Е. М. Придик. Указ. соч., стр. 30, № 733.

клейм на ручках. Форма ее повторяет форму синопских амфор II в. с округлым туловом, но выполнено оно грубее, чем только что описанные синопские амфоры. Совершенно аналогичные ей по форме целые амфоры нам неизвестны. Глина ее очень близка глине заведомо синопских амфор, в ней также много черных туфовых включений. Судя по общей форме и пропорциям, эта амфора должна относиться ко II или I в. до н. э.

В погребении 45 рядом с костяком была обнаружена лежавшая целая амфора с двухствольными ручками (табл. XV, 4). Обломки амфор этого типа очень часто встречаются при раскопках Танаиса. Амфоры эти несомненно подражают по форме косским, но состав глины, из которой они сформованы, резко отличает их от косской керамической тары. Глина их обычно довольно плотная, светло-желтая, имеющая иногда оранжевый, иногда зеленоватый оттенок, содержит много мелких черных включений. Форма этих амфор чрезвычайно характерна: веретенообразное, сильно вытянутое тулово, заканчивающееся острым желудеобразным доньшком; очень высокое цилиндрическое горло, немного вздутое в месте прикрепления ручек и резко отделяющееся от плечиков; валикообразный массивный венчик; очень длинные двухствольные ручки, прикрепляющиеся одним концом к горлу немного ниже венчика, другим — к плечикам амфоры, они имеют острый перегиб. Детали формы довольно значительно варьируются, но общие очертания ее остаются неизменными.

Фрагменты этих амфор обильно представлены в культурных слоях всех античных городов и поселений Северного Причерноморья, в частности в поселениях Восточного Приазовья¹³, но наша амфора, насколько нам известно, является первой целой амфорой этого типа, найденной в раскопках (целая такая амфора, но неизвестного происхождения находится в экспозиции Одесского археологического музея). Датируются эти амфоры по условиям находок I в. до н. э. — I в. н. э. И. Б. Зеест предположительно приписывает им южнопонтийское происхождение¹⁴.

¹³ Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 87, 88, рис. 22, 7; стр. 89—90, рис. 24.

¹⁴ И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, стр. 114, рис. 6.

Несколькими находками представлены в раскопках танаисского некрополя светлоглиняные узкогорлые амфоры первых веков нашей эры. В погребении 79 раскопок 1956 г. оказалась амфора, принадлежащая к раннему варианту этого типа (табл. XVI, 4). Она имеет гладкое тулово вытянуто-яйцевидной формы с тонким небольшим плоским доньшком на невысоком кольцевом поддоне, напоминающим поддон кувшина; узкое и высокое горло несколько расширяется в месте прикрепления ручек, венчик массивный, трапециевидный в сечении; ручки профилированы двумя продольными валиками с желобком между ними. Одна из ручек амфоры утрачена. Этот вариант узкогорлых амфор датируется I в. н. э., такая датировка лишней раз подтверждается нашей находкой, точно хронологически определяемой монетой Августа, положенной в ту же могилу. Обломки двух таких же амфор были найдены среди инвентаря совершенно разрушенного погребения 95.

Более поздний вариант узкогорлых светлоглиняных амфор представлен экземпляром, найденным в детском погребении 119 (табл. XIII, 4). Амфора эта имеет высокое цилиндрической формы горло, с толстыми стенками, сильно выступающий массивный венчик, сложно профилированные продольными бороздками ручки, прикрепленные к горлу значительно ниже венчика, относительно короткое тулово с заметной поперечной ребристостью и небольшую кольцеобразную ножку. Подобные амфоры довольно часто встречаются в разных пунктах Северного Причерноморья, в том числе в Приазовье, на Боспоре, в Херсонесе¹⁵. Они твердо датируются III в. н. э.¹⁶

Приведенные данные показывают, что обычай ставить амфоры в погребения существовал в Танаисе по меньшей мере в течение пяти столетий, со II в. до н. э. по III в. н. э. Почти во всех случаях, когда удавалось про-

¹⁵ Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 90, рис. 24; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 170, рис. 64; Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.). МИА, № 34, 1953, стр. 185, рис. 32.

¹⁶ А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 170, рис. 55, 8; И. Б. Зеест. К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора. МИА, № 33, 1952, стр. 76, табл. I, 4.

следить положение амфоры в могиле, она оказывалась поставленной вертикально в ногах погребенного (№ 19, 20, 60, 79); в погребении 45 амфора с двустольными ручками оказалась лежащей рядом с гробом покойника, но можно думать, что она случайно упала, настоящее же ее место также было у ног покойника. Только в младенческом погребении 119 амфора была поставлена за головой погребенного. Нет никакого сомнения в том, что в амфорах этих содержалось питье или пища для умершего, но какое именно было это содержимое, мы определить не можем. Помещение в могиле амфор с отбитыми ручками (№ 19, 79) было связано, надо думать, со стремлением сохранить в хозяйстве целые сосуды и поставить в могилу умершему то, что в обыденной жизни уже не имело значительной цены. С этим явлением мы столкнемся при рассмотрении и других типов керамики в составе погребального инвентаря.

Чтобы закончить наш обзор амфор грунтовых погребений, остановимся еще на использовании амфор в качестве конструктивного материала при устройстве погребений. Обычно амфоры использовались при захоронении детей грудного возраста. В таких случаях амфоры могли использоваться двояко: либо трушник ребенка клали в тулово амфоры, у которой предварительно отбивали ручки и горло (№ 41, 56, 59, 123, 129, 132), либо тело клали в земляную яму и лишь сверху пере-

крывали крупными обломками стенок амфор (№ 81, 124, 125, 128, 131). В одном случае (№ 24) из крупных обломков амфорных стенок было устроено ограждение с одной стороны грунтовой могилы. Фрагменты амфор в этом погребении заменили собой более обычные каменные плиты.

Для устройства детских погребений использовались амфоры тех форм, которые употреблялись в это время в быту, и скорее всего те сосуды, которые уже были непригодны для хозяйственного использования. Отсутствие в амфорах, употребленных для устройства детских погребений, профилированных частей, делает часто невозможным точное их определение, но во всяком случае можно сказать, что мы находим почти все наиболее распространенные в Танаисе первых веков нашей эры типы амфор: светлоглиняные с двустольными ручками I в. до н. э.—I в. н. э. (№ 24, 56, 59), светлоглиняные узкогорлые II—III в. н. э. (№ 81), красноглиняные широкогорлые III и IV вв. н. э. (№ 41, 123—125, 129, 132). Последние амфоры, считающиеся обычно боспорскими, ни разу не были найдены в погребениях в качестве могильного инвентаря, но они хорошо известны в раскопках танаисского городища. Формы их довольно разнообразны, но обломки стенок, обнаруженные в детских погребениях, не позволяют, как правило, ближе определить типы и варианты этих амфор и их датировку.

Лепные сосуды

Переходя к характеристике бытовой керамики, находимой в погребениях танаисского грунтового некрополя, следует прежде всего отметить, что наиболее постоянным видом посуды, встречающейся в могилах, является лепная керамика. Лепные, изготовленные без применения гончарного круга сосуды кухонного назначения присутствуют в погребениях всех периодов существования танаисского некрополя. В могилах первых веков нашей эры с ними соперничают в количестве краснолаковые сосуды. Значительно реже попадаются простые сосуды, сделанные на гончарном круге, и лишь единицами более дорогие типы керамики — сосуды расписные или с рельефным орнаментом.

Лепная керамика представлена главным образом горшками, из других форм изредка встречаются миски, кувшины, кружки.

Наиболее ранним из лепных сосудов является большой горшок из погребения 77 (табл. XVII, 4). Форма его совершенно необычна для лепной керамики Танаиса и всего Нижнего Подонья. Некоторую аналогию этому сосуду представляет горшок с Каменского городища на Днестре, отличающийся от нашего сосуда наличием орнамента из врезных линий на тулове¹⁷. Архаизирующая форма этого горшка заставляет предполагать, что погребение 77 является одним из самых ранних в танаисском некрополе и относится еще к III в. до н. э. Интересно отметить, что на Елизаветовском городище, давшем довольно большой подбор форм лепных сосудов V—III вв. до н. э., горшки, подобные сосуду из

¹⁷ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954, стр. 71, табл. III, 4.

могилы 77, не были встречены¹⁸. Наш горшок резко отличается от всей остальной лепной керамики Танаиса и Нижнего Подонья скифо-сарматского времени также более аккуратной выделкой и лучшим составом глины, тщательно перемешанной. Все эти особенности позволяют думать, что сосуд этот являлся не местным изделием, а был привезен в Танаис откуда-то извне, откуда именно — определить не беремся.

Наиболее близким к рассмотренному сосуду и по времени и по форме является маленький горшочек из могилы 66, датируемой II в до н. э. (табл. XXIII, 6). И по форме и по орнаментации (погтовой орнамент) он продолжает традиции выделки лепных горшков, проявившиеся в керамике Елизаветовского городища (I тип по Т. Н. Клипович¹⁹). Впрочем, сосуды такой формы и с такой орнаментацией довольно широко распространены в последних столетиях до нашей эры по всему Северному Причерноморью²⁰.

К тому же времени, что и описанные горшки, к III—II вв. до н. э., принадлежат еще две лепные чашечки. Одна из них найдена в погребении 77 (табл. XVII, 3), другая — в детской могиле 69 (табл. XXIII, 5). Обе они имеют плоское дно и почти прямые, расширяющиеся кверху стенки; разница заключается только в высоте стенок. Обе чашки вылеплены из грубой, плохо перемешанной глины, характерной для всей лепной керамики Танаиса. Глина эта всегда дает в изломе рваные очертания, имеет в изломе темно-серый или черный цвет, изобилует включениями толченого известняка, мелких камешков и иногда содержит небольшую примесь шамота.

В погребениях I в. н. э. появляются сосуды, наиболее характерные для лепной керамики Танаиса первых веков нашей эры. Это горшки, имеющие широкое горло со слабо отогнутым венчиком, плоское дно, диаметр кото-

рого немного меньше диаметра горла, и бочкообразное тулово со слабо выраженной округлостью боков и очень покатыми плечиками. Незначительно отличаясь друг от друга некоторыми деталями (ширина дна, округленность боков), все эти сосуды объединяются в одну группу не только общей формой, но и общей техникой изготовления. Все они вылеплены чрезвычайно небрежно, вследствие чего дно и стенки у них неровные, верхний край сосудов не горизонтален, выпуклость тулова с разных сторон имеет совершенно различные очертания, орнамента на горшках никогда не бывает. Снаружи горшки покрыты обычно кухонным нагаром. Два таких сосуда встречены в погребениях I в. н. э. (№ 57 — табл. XVIII, 3 и № 100 — табл. XXI, 2), остальные в могилах II и первой половины III в. н. э. (№ 31, 85, 92 — табл. XVIII, 5; XIX, 3, 4; XXI, 5) причем, в могиле 85 было три таких сосуда; один целый горшок этого типа был найден при раскопках на участке III вне погребений (табл. XXX, 3), он происходит из какой-то разрушенной могилы. В детской могиле 117 за головой погребенного был обнаружен миниатюрный лепной горшочек, повторяющий общие формы описанных кухонных горшков (табл. XX, 4). Высота его (около 5 см) и диаметр (4 см) не позволяют видеть в нем сосуд хозяйственного назначения. Он, очевидно, либо служил игрушкой, либо был изготовлен для того, чтобы положить его в могилу маленького ребенка.

Описанный тип танаисских лепных горшков первых веков нашей эры рассмотрен Т. Н. Клипович²¹, находящей для этой посуды прототипы в керамике Елизаветовского городища и считающей танаисские сосуды результатом дальнейшего развития местной «варварской» керамики, деградировавшей под влиянием конкуренции импортной посуды. Следует, однако, заметить, что совершенно идентичные или чрезвычайно близкие формы лепной кухонной посуды были распространены не только в Нижнем Подонье, но и на гораздо более обширных территориях сарматского мира в течение всей первой половины I тысячелетия н. э., в частности в Поволжье, Прикубанье и в Крыму²².

¹⁸ Т. Н. Клипович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 161 и сл.

¹⁹ Т. Н. Клипович. Опыт характеристики..., стр. 161, рис. 45.

²⁰ См., например, И. Т. Кругликова. Фангорийская керамика из грубой глины. МИА, № 19, 1951, рис. 2, 4; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре, стр. 73, табл. IV, 4.

²¹ Т. Н. Клипович. Танаис, стр. 78, рис. 33.

²² См., например, И. В. Сидыни. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени

Интересен большой лепной горшок из погребения 29 I в. н. э. (табл. XVIII, 4). Обломки сосудов этого типа часто встречаются на городище Танаиса и на других нижнедонских городищах скифо-сарматского времени²³, но целых сосудов до сих пор, насколько нам известно, не попадалось. Близкие по оформлению верхнего края сосуды встречаются в Прикубанье, где они датируются последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры²⁴. У кубанских сосудов встречаются такие же орнаментальные налпы в верхней части сосуда, как и у нашего горшка из могилы 29. Основываясь на прикубанских аналогах, форму этих сосудов в Подонье восстанавливали как балочную²⁵. Наш сосуд показывает, что нижнедонские горшки имели более сложные очертания, в отличие от прикубанских, значительно сужаясь книзу.

Редкую форму имеет маленький лепной сосудик из погребения 34 (табл. XXIV, 4). Это горшочек грубой выделки баночной формы с очень толстым дном. Верхний, слегка загибающийся внутрь край, оформлен слабо выраженным валиком. Аналогии этому сосуду среди керамики сарматского времени нам неизвестны. Краснолаковый горшочек, найденный в той же могиле, позволяет датировать его I в. н. э.

Маленький шаровидный лепной сосудик со сравнительно узкой шейкой и отогнутым венчиком (табл. XIX, 5), найденный в детском погребении 102, датируемом I в. н. э., имеет очень точные аналогии среди сарматских древностей Нижнего Поволжья. Сосуды такой формы встречены в курганных погребениях у с. Потемкина (курган 3, погребение 4), в I Бережновском могильнике

(курган 14, погребение 4) и в кургане северо-восточной группы у ст. Сайхин (курган 1, погребение 2), в последнем случае вместе с мечом с кольцевым навершием, что позволяет датировать эту находку I в. н. э.²⁶ В тех же поволжских древностях находят себе аналогии два других шаровидных сосудика, найденных в могиле 108, II—III вв. н. э. (табл. XX, 2, 3). Они отличаются от горшочка из погребения 102 несколько большей величиной и тем, что имеют не отогнутый в стороны, а почти вертикальный венчик. Подобные горшочки найдены в том же северо-восточном курганном могильнике у ст. Сайхин (курган 4) и в кургане у с. Скатовка (курган 21, погребение 5) в могилах поздне-сарматского времени²⁷.

Кроме горшков, в погребениях I—III вв. н. э. встречаются еще лепные кувшины²⁸. Так же как и горшки, они вылеплены небрежно и часто покрыты снаружи кухонным нагаром и копотью. Один из них, найденный в погребении 24 (табл. XVII, 1), был поставлен в могилу с отбитой ручкой. Сравнение его с кувшином из могильника у с. Ново-Филипповки²⁹ позволяет отнести его к I в. н. э. Остальные кувшины должны быть датированы более поздним временем. В погребениях 12 и 113 обнаружены лепные кувшины одного типа, имеющие высокое бочкообразное тулово, плоское дно, отогнутый наружу венчик и вертикальную ручку, соединяющую венчик с плечиком сосуда (табл. XVII, 5; XX, 5). Кувшины различаются между собой в деталях, но несомненно представляют единый тип сосуда. Точной аналогии этим кувшинам нам найти не удалось, но близкую к ним форму имеет один из сосудов, найденный при раскопках И. В. Синецких в I Бережновском могильнике³⁰. Сосуд, этот несомненно, более позд-

«Труды Саратовского областного музея краеведения», I, 1956, рис. 22, 35, 39; Е. Г. Кастанаян. Художественные элементы в лепной керамике Боспора. АГСП, I, стр. 398, рис. 40; И. Т. Кругликова. Погребение IV—V вв. н. э. в деревне Айвазовское. СА, 1957, № 2, стр. 251, рис. 1, 4 и др.

²³ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики..., стр. 164, рис. 47; Д. В. Шелов. Сухо-Чалтырское городище. ВДИ, 1953, № 2, стр. 191, рис. 3, 2; С. Н. Братченко. Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону. СА, 1957, № 2, стр. 195, рис. 7, 2.

²⁴ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, рис. 5, 4; 15, 5.

²⁵ Д. В. Шелов. Сухо-Чалтырское городище, стр. 191; С. Н. Братченко. Указ. соч., стр. 194.

²⁶ И. В. Синецких. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953). МИА, № 60, 1959, рис. 8, 2; 19, 3; 48, 10.

²⁷ Там же, рис. 49, 2; 57, 5.

²⁸ Мы считаем более правильным называть кувшинами лепные сосуды со сравнительно узким горлом и одной вертикальной ручкой, хотя в нашей археологической литературе их обычно именуют тоже горшками.

²⁹ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА, табл. III, 1.

³⁰ И. В. Синецких. Археологические исследования Заволжского отряда, рис. 34, 2.

ний, чем наши кувшины, представляет дальнейшее развитие того же типа. Бережновский сосуд датируется Синицыным на основании сравнения найденного с ним поясного набора с соответствующими находками из Борисовского могильника VI в. н. э.³¹ Эта аналогия, казалось, могла бы заставить и нас датировать танаисские кувшины более поздним временем. Однако, во-первых, как уже говорилось, бережновский сосуд производит впечатление значительно более позднего по сравнению с танаисскими; во-вторых, керамические формы, представленные танаисскими и даже бережновским кувшинами в самом Борисовском могильнике уже полностью отсутствуют, а встречающаяся в нем керамика имеет несомненно более поздние черты; в-третьих, бронзовые браслеты, обнаруженные в танаисском погребении 12 и находящие себе аналогии среди браслетов Неаполя и других крымских памятников, не позволяют относить указанные танаисские сосуды к эпохе раннего средневековья. Скорее всего оба рассматриваемых кувшина должны быть датированы III в. н. э., хотя не исключена возможность отнесения их к последнему периоду существования Танаиса, т. е. ко второй половине IV в.

В отличие от всех описанных сосудов, не имевших никакой обработки внешней поверхности, два сосуда из погребений 42 и 82 относятся к категории лепной лощеной керамики. Лощение сосудов было очень распространено в Танаисе; этот способ обработки поверхности применялся обычно к керамике, сделанной на гончарном круге, о чем мы будем дальше говорить подробнее. Лощили иногда и лепные сосуды. Покрыта лощением вся поверхность и двух наших сосудов. Оба они являются кувшинчиками с широким горлом и вертикальной ручкой (табл. XVII, 2; XXII, 3), но форма их различна. Следует наконец отметить еще один лепной сосуд из погребения 97 II в. н. э. Он имеет форму обычного для первых веков нашей эры широкого плоскодонного горшка, но с одной стороны его к венчику и к самой широкой части тулова прикреплена очень грубая петельчатая ручка, так что сосуд приобрел форму большой кружки (табл. XXI, 4). Совершенно такой же сосуд был найден при

охранных раскопках некрополя Тиритаки в 1933 г.³²

Этим исчерпывается весь материал лепной керамики из наших раскопок некрополя. Мы не рассматриваем здесь лепных сосудов из раннесредневековых погребений, поскольку они выходят за хронологические рамки настоящей работы. Как видим, состав этой группы керамики довольно однообразен: материалы из прежних раскопок танаисского некрополя немного добавляют к рассмотренному перечню сосудов. В фондах Государственного Эрмитажа хранится несколько лепных сосудов из раскопок Н. И. Веселовского в 1908 и 1909 г.: горшки того же типа, что и в наших погребениях II—III вв. н. э., чашечка на трех ножках³³ и цилиндрическая курильница с круглым отверстием в стенке.

В общем следует признать, что некропольские материалы далеко не полно отражают обилие и разнообразие лепной керамики, употреблявшейся в Танаисе во все времена его существования.

Раскопки городища Нижне-Донской экспедицией дали обильный по числу фрагментов и очень интересный по подбору форм материал лепной керамики. Преобладающей формой и здесь остаются кухонные горшки и кувшины, но наряду с ними в большом количестве встречаются фрагменты и других сосудов: больших плоскодонных корчаг, чашек на высоких ножках, ойнохой, курильниц, светильников, различных сосудов специального назначения³⁴.

В отличие от других античных городов Северного Причерноморья Танаис содержит в своих слоях такое большое количество фрагментов лепных сосудов, что эта категория керамики составляет по численности вторую группу после остроногих амфор. Это несомненно связано с общим характером культуры Танаиса, в которой элементы негреческие, варварские, занимают гораздо более значительное место, чем в культуре любого другого северо-понтийского античного центра.

³² В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 218, рис. 84.

³³ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 78—79, рис. 33, 34.

³⁴ Т. М. Арсеньева. Местная керамика из Танаиса. СА, 1958, № 3, стр. 207 и сл.

³¹ Там же, стр. 203.

Простая кружальная керамика

Простые сосуды, сделанные на гончарном кругу, встречаются в танаисском некрополе значительно реже лепных. В погребениях III—I вв. до н. э. керамика этого типа совсем не попадалась. При раскопках Н. И. Веселовского было найдено несколько простых красноглиняных кувшинов, вероятно боспорского производства, датируемых первыми веками нашей эры³⁵. В наших раскопках этот тип сосудов представлен находками из могил 86 и 122 (табл. XIX, 1; XX, 6). В обоих погребениях найдены кувшины с яйцевидным немного укороченным туловом на низком кольцевом поддоне, цилиндрическим горлом и плоской ручкой, прикрепленной ниже венчика сосуда; оба кувшина сформованы из красной глины с мелкими золотистыми блестками. Разница заключается лишь в размерах сосудов и в мелких деталях; боспорское происхождение этих кувшинов бесспорно. Совершенно такие же кувшины нередко встречаются среди керамики I—III вв. н. э. из разных боспорских городов³⁶. Близкий по форме сосуд обнаружен при наших раскопках на городище Танаиса в 1955 г. в комплексе подвала Г, относящегося к середине III в. н. э. Наши сосуды из погребений хорошо датируются сопоставляющим их инвентарем II в. н. э. В могиле 86 вместе с кувшином было найдено еще сероглиняное блюдо, сделанное на гончарном круге и покрытое сверху серым ангобом. На дне блюда имеется клеймо, являющееся подражением клеймам в виде сандалии, обычным для краснолаковой керамики (табл. XIX, 2).

Другой тип кувшина представляет собой сосуд из погребения 73 (табл. XXV, 1). Он также имеет яйцевидное тулово, но горло его не цилиндрическое, а расширяющееся книзу и постепенно переходящее в покатые плечики. Этот тип кувшина тоже хорошо известен среди боспорской керамики³⁷, но наш сосуд

³⁵ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 76, р. 30—31.

³⁶ В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. МИА, № 4, 1941, стр. 62, рис. 91; М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 78, рис. 113; И. Б. Зеев. Пантикапейская керамика сарматского времени. МИА, № 56, 1957, стр. 155, рис. 6, 10, 11.

³⁷ М. М. Кобылина. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1948 г. МИА, № 19, 1951, рис. 5, 6; Н. В. Анфимов. Меотские поселения восточного Приазовья. КСИМК, XXXIV, 1950, стр. 88, рис. 22, 2.

сделан из явно не боспорской глины, светло-желтой, с большим количеством черных туфовых включений. Все аналогии заставляют датировать его I в. н. э. Этот кувшин был положен в могилу разбитым — у него не хватает верхней части горлышка.

Кроме описанных сосудов, найденных в погребениях, при раскопках некрополя были встречены еще два фрагментированных, но полностью восстанавливаемых простых кружальных сосудика, находившихся в культурном слое вне погребений и происходивших из разрушенных могил. Один из этих сосудов — красноглиняная мисочка на низеньком кольцевом поддоне (табл. XXX, 1). Мисочка была в древности разбита и скреплена свинцовыми скрепами: сохранились отверстия для скреп. Фрагменты таких мисок обычны для эллинистических слоев всех боспорских городищ³⁸. Точно датировать нашу мисочку мы не можем, но скорее всего она относится ко II—I вв. до н. э. Более интересна другая находка, сделанная также вне погребения при работах на раскопе X. Это небольшой кувшинчик с расширяющимся кверху горлом и ручкой, прикрепленной одним концом в месте соединения горла и тулова, а другим — к нижней наиболее широкой части сосуда (табл. XXX, 6). Точно такой же кувшинчик, возможно даже вышедший из той же мастерской, был найден в одной из могил античного некрополя у деревни Кыз-аул в восточном Крыму³⁹. В. Ф. Гайдукевич датирует могилы этого некрополя I—II вв. н. э.⁴⁰ Надо думать, что и наш и кыз-аульский кувшинчик относятся к самому концу этого периода, поскольку очень близкие формы керамики были засвидетельствованы в комплексах, уже безусловно относящихся к III в. н. э. Так, кувшин, имеющий в основном ту же форму и такую же выделку, но отличающийся тем, что тулово его и, главное, горло имеют поперечную реберчатость, был найден в Танаисе при раскопках помещения А на IV раскопе в 1957 г.; помещение это погибло в середине

³⁸ И. Т. Кругликова. Ремесленное производство простой керамики в Пантикее в VI—III вв. до н. э. МИА, № 56, 1957, стр. 118.

³⁹ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 211, рис. 80-Б.

⁴⁰ Там же, стр. 209.

III в. н. э. Аналогичный кувшин с еще более ярко выраженной реберчатостью был найден в 1937 г. при раскопках Тиритаки с кладом боспорских статоров середины и третьей четверти III в. н. э.⁴¹ Кувшинчики из танаисского и кыз-аульского некрополей несомненно принадлежат к более ранней стадии развития этой формы, но вряд ли их можно датировать временем ранее II в. н. э.

Просмотр даже этого крайне незначительного в количественном отношении материала показывает, что простая кружальная посуда, употреблявшаяся в Танаисе, имела распространенные на Боспоре, и в большинстве случаев сами сосуды имели боспорское происхождение. Совсем другое впечатление получаем мы при разборе другой группы кружальной керамики — лощеных сосудов.

В быту танаисцев посуда с лощеной поверхностью использовалась очень широко. Т. Н. Книпович считала даже, что среди всех керамических материалов лощеная керамика «безусловно и далеко превосходит все остальные группы, кроме, может быть, амфор», и объясняла это тем, что лощеная керамика в Танаисе была призвана заменить собой, с одной стороны, античную привозную керамику, с другой — лепные сосуды⁴². Это представление об исключительной роли лощеной керамики в Танаисе, основанное только на знакомстве с небольшим числом сосудов из прежних раскопок некрополя и со случайным подъемным материалом с поверхности городища, является сильно преувеличенным. Теперь, после проведения систематических раскопок, давших огромный керамичный материал, можно решительно утверждать, что лощеная керамика не занимала в Танаисе того исключительного положения, которое приписывала ей Т. Н. Книпович. Керамика эта по количеству фрагментов, найденных на городище, далеко уступает не только амфорам и простым кружальным сосудам без покрытия, но и лепным горшкам и даже краснолаковой посуде. И все же лощеная керамика занимает большое место среди керамических остатков в культурных слоях Танаиса, место, значительно большее, чем то, которое может быть отведено ей в материалах других античных

городов Северного Причерноморья. Отражением роли лощеной керамики в быту населения Танаиса являются и находки лощеной посуды в ряде погребений танаисского некрополя. Мы уже упоминали о двух лепных сосудах, украшенных лощением. Этот способ обработки поверхности в Танаисе сравнительно редко применялся к лепной керамике; чаще встречаются лощеные сосуды, изготовленные на гончарном круге. Их мы здесь и рассмотрим.

В детской могиле 49 (I в. до н. э. — I в. н. э.) найден небольшой сероглиняный лощеный кувшинчик (табл. XXIV, 3), поставленный в могилу, как и многие другие сосуды танаисского некрополя, уже фрагментированным: у него отбита ручка и часть венчика. Ближайшую аналогию этому сосуду мы находим среди керамики Нижнего Поволжья, в частности в I Бережновском могильнике, где подобный лощеный сосудик встречен, как и в нашем погребении, вместе с железными черепшковыми стрелами⁴³.

В трех погребениях найдены маленькие однотипные лощеные горшочки, имеющие приземистое острореврое тулово, плоское дно и немного расширяющееся кверху горлышко (табл. XVI, 3; XVIII, 2; XXV, 2). Все три могилы, в которых они встречены (№ 59, 79 и 84), датируются I в. н. э. Сосудики этой формы нередко встречаются в сарматских погребениях Поволжья, иногда они имеют на плечике небольшую петельчатую ручку⁴⁴.

Ближайший по форме сосуд был найден и в танаисской могиле 90; он имеет тулово тех же очертаний, но горло у него цилиндрическое, и у него была вертикальная ручка, отбитая еще в древности (табл. XXI, 3). Может быть, с этой же формой генетически связан и лощеный кувшинчик из могилы 68, также I в. н. э. (табл. XXV, 3). По своим пропорциям и размерам он очень близок к описанным горшочкам; основное отличие его, кроме наличия ручки, состоит в том, что дно у него покоится на массивном кольцевом поддоне. Хотя близкие по форме кувшинчики и можно найти в сарматских древностях Поволжья⁴⁵, все же нам представляется

⁴³ И. В. Сяницын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 83, рис. 18, 12.

⁴⁴ Там же, рис. 1, 10, 11.

⁴⁵ И. В. Сяницын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 83, рис. 18, 5.

⁴¹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 99, рис. 118.

⁴² Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 81—82.

возможным видеть в этом сосуде результат воздействия античных керамических форм: сарматский в основе лощеный сосуд с типичным приземистым туловом поставлен здесь на кольцевой поддон по образцу античных кувшинов. Интересен большой лощеный кувшин из погребения 89 с витой ручкой и ребристым горлом (табл. XXI, 1). Прямые аналогии этому сосуду нам неизвестны, но общие пропорции тулова и горла, отсутствие поддона, характер выработки позволяют и его связывать с тем же кругом поволожско-сарматской керамики. Близкие формы кувшинов можно отыскать также среди меото-сарматской керамики Прикубанья⁴⁶.

Из других форм лощеной керамики только в погребении 29 найдена лощеная миска с вертикальным профилированным желобком бортиком (табл. XVIII, 1). Такие миски представляют одну из самых распространенных групп лощеной посуды, они особенно часто встречаются в Подонье, в частности в Танаисе, на Кобяковском городище и на других поселениях Нижнего Дона первых веков нашей эры⁴⁷, а также в Прикубанье⁴⁸; датируются они обычно I—II вв. н. э. Вторая разновидность этих сероглиняных лощеных мисок, без желобчатой обработки бортика, но с утолщенным краем, в наших погребениях не представлена. Однако прекрасный образец этого сорта мисок найден случайно вне погребений на раскопе V (табл. XXX, 4).

Как видим, все аналогии танаисским лощеным сосудам ведут нас не на Боспор, к которому нам все время приходилось обращаться при рассмотрении простой кружалной керамики, а в Нижнее Поволжье и на

⁴⁶ Ср., например, кувшин, изданный Н. В. Анфимовым (Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, рис. 16, 4).

⁴⁷ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 81; С. Н. Братченко. Указ. соч., стр. 193, рис. 5, 5, 6; Т. М. Арсеньева. Указ. соч., стр. 211, рис. 4, 6.

⁴⁸ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской, стр. 194, рис. 16, 5, 6.

Северный Кавказ, т. е. в области наиболее яркого развития сарматской культуры, с которой и следует в основном связывать эту группу танаисского керамического материала.

Наблюдая размещение в могилах рассмотренных выше сосудов бытового назначения — простых кружалных, лепных или лощеных, — можно заметить, что чаще всего сосуды эти располагались около головы или в ногах погребения. Только в единичных случаях можно отметить иное положение сосуда — около плеча (№ 49) или бедра (№ 31, 34, 90). Как правило, в ногах погребенного ставились сравнительно крупные сосуды (№ 33, 77, 85, 89), которые, вероятно, выполняли те же функции, что и амфоры, стоявшие в ногах в других погребениях. У головы или за головой ставились различные сосуды, иногда довольно миниатюрные (№ 12, 24, 29, 42, 66, 77, 79, 82, 85, 86, 92, 102, 113, 117, 122). В тех случаях, когда в погребение помещали два и больше сосудов, один большой (или амфору) ставили в ногах, другие — за головой или в иных местах могилы (№ 77, 79, 85). Вероятно, сосуды в большинстве случаев ставились не пустыми, а с едой. В некоторых случаях при раскопках сосуды были найдены в положении, исключавшем возможность их практического использования: они лежали на боку или даже вверх дном (№ 29, 89 и др.). Но, возможно это результат позднейшей перекопки могил: в тех же погребениях оказываются потревоженными и костяки. Обращают на себя внимание многочисленные случаи обнаружения в могилах сосудов, поврежденных еще в древности, ставших непригодными для хозяйственного использования. Аналогичное явление, связанное со стремлением удешевить похоронный обряд, известен и в других некрополях Северного Причерноморья⁴⁹.

⁴⁹ С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи. МИА, № 69, 1959, стр. 143—144.

Расписные и рельефные сосуды

При раскопках танаисских погребений встречено очень немного сосудов, которые могут быть отнесены к категории художественной керамики — чернолаковой, расписной или украшенной рельефами. Отчасти это

объясняется общей бедностью танаисского грунтового некрополя, отчасти ограблением всех сколько-нибудь богатых могил.

Большой интерес представляет собой чернолаковая ваза, найденная в обломках при

трупосожжении 13 (табл. XXIV, 1). Этот сосуд типа пелики с приземистым каннелированным туловом на массивной подставке и широким горлом. Плечики пелики украшены орнаментом в виде волны, исполненным белой накладной краской и резьбой; на горле — гирлянда из листиков, выполненная той же белой накладкой краской и разведенной глиной. Очень похожая на нашу пелику была найдена в пантикапейском некрополе в 1909 г.⁵⁰; разница только в профилировке венчика и в том, что на плечиках пантикапейской пелики орнамент изображает не волну, а плющевую гирлянду. Еще одна такая ваза обнаружена при раскопках в Керчи в 1834 г. (хранится в Государственном Эрмитаже). Характерно и совпадение условий находок: обе пантикапейские пелики найдены разбитыми в погребениях с трупосожжением. Еще более близкое сходство с нашей пеликой обнаруживают два эрмитажных сосуда, изданных Т. Н. Книпович (П. 1838. 32 и ПАН 282)⁵¹, причем по пропорциям и форме танаисская пелика ближе ко второй, более поздней эрмитажной вазе, которую Книпович точно не датирует. Однако все же очень большая близость ее к первой вазе, датируемой началом III в. до н. э., позволяет отнести ее, а вместе с ней и танаисскую находку, еще к середине или второй половине III в. до н. э.

Вместе с чернолаковой пеликой в трупосожжении 13 найдены два веретенообразных флакона, выделанных из красной глины и украшенных поясками из накладной белой краски (табл. XXIII, 1, 2).

В погребении 15 найдена разбитая чернолаковая чашка (табл. XXIV, 2). Она была расколота в древности пополам, владелец ее проделал вдоль излома с обеих сторон несколько отверстий для скрепления половинок свинцовыми скрепами. Однако чашка почему-то скреплена не была, и половинки ее были положены в могилу порознь. В могилу 66 была положена половина разбитого чернолакового килика с вертикальным бортиком, (табл. XXIII, 4). Оба чернолаковых сосуда принадлежат к очень распространенным фор-

мам поздней чернолаковой керамики и датируются II в. до н. э.

Мы видим, что чернолаковые сосуды, найденные в погребениях танаисского некрополя, единичны и все относятся ко второй половине III и II вв. до н. э. При прежних раскопках и разведках в районе Недвиговского городища встречались обломки канфаров того же времени, покрытых тусклым коричневым лаком⁵². Некоторое количество чернолаковых фрагментов было получено в результате наших раскопок на городище в 1955—1959 гг. Они представляют сосуды разных форм, но также почти все принадлежат позднейшим типам чернолаковой посуды. Только один совершенно незначительный обломок, найденный на городище, мог принадлежать чернолаковой чашечке IV в. до н. э.

К тому же времени, что и чернолаковая керамика, принадлежит большинство сосудов с рельефными украшениями, найденных в Танаисе. При раскопках Н. И. Веселовского в 1909 г. было найдено несколько фрагментированных сероглиняных «мегарских» чашек, которые были затем изданы и разобраны Т. Н. Книпович⁵³. Во время наших работ на городище также была собрана небольшая коллекция фрагментов этих чашек. Большинство из них принадлежит сосудам, которым на основании анализа глины и орнаментов можно довольно уверенно приписать боспорское происхождение. Резко отличается от них единственная «мегарская» чаша, найденная в погребении 66. Она принадлежит к лучшим образцам изделий этого рода. На дне ее снаружи имеется 16-лепестковая розетка, вокруг которой лучеобразно расположены чередующиеся листья аканфа и лотоса. Выше идет пояс, заполненный изображением лозы аканфа, а еще выше пояс овалов (табл. XXVI, 1). Аналогичные чашки Ф. Курби считает делосскими⁵⁴. Они нередко встречаются в античных городах Северного Причерноморья, причем в ряде случаев хорошо датированы комплексами II в. до н. э.⁵⁵

⁵² Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 67.

⁵³ Там же, стр. 67—68, рис. 24.

⁵⁴ F. Courby. Les vases grecques à reliefs. Paris, 1922, табл. XII и XIII, особенно XII, 10.

⁵⁵ R. Zahn. Hellenistische Reliefgefäße aus Südrussland. AA, XXIII, 1908, стр. 50, рис. 5; ИАК, 8, 1908, стр. 46, рис. 44; «Ольвия», I, Киев, 1940, табл. XXV, 5; В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. МИА, № 4, 1941,

⁵⁰ В. В. Шкорпиц. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. ИАК, 47, 1913, стр. 15—16, рис. 6.

⁵¹ Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. СА, XI, 1949, стр. 273, рис. 1, 2.

Гораздо более оригинален второй рельефный сосуд, найденный в танаисском некрополе, в детской могиле 59. Это глубокая чашечка на высокой ножке, чрезвычайно тонко и даже изысканно моделированной. Наружная поверхность чашечки украшена рельефными изображениями гирлянд с бантами и стоящих птиц, скорее всего фламинго (табл. XXVI, 2). Судя по составу и характеру красного лака, покрывающего чашку, этот сосуд следует отнести к изделиям малоазиатских керамических мастерских, но он несомненно является подражанием италийским образцам — среди краснолаковой италийской керамики подобные формы были распространены довольно широко⁵⁶. Нет никакого сомнения в том, что форма этих чашек воспроизводит форму металлических сосудов; профилировка ножки

стр. 120, рис. 14; Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. АРСИ, стр. 371, рис. 156; Е. И. Леви. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 81, рис. 50, 2; K. Michalowski. Mirmeki. Warszawa, 1958, стр. 70, рис. 84.

⁵⁶ См., например, F. Oswald and T. D. Pryce. An introduction to the study of terra sigillata. London, 1920, табл. II. Гораздо реже подобные чашки встречаются среди изделий других районов Средиземноморья (F. Courby. Указ. соч., табл. XIV, 2).

нашей чашки особенно ясно это демонстрирует. Ряд аналогий нашей чашке мы находим среди металлических сосудов знаменитого Гильдесгеймскогоклада. При этом сходство наблюдается не только в общей форме изделия, но и в некоторых деталях — в профилировке ножек чаш, в изображении гирлянд со свисающими бантами и пр.⁵⁷

В керамике наиболее близок нашей чашке рельефный краснолаковый сосуд, найденный в слое I в. н. э. в колодце у подножия ареопага в Афинах⁵⁸; на этом сосуде также имеется рельефное изображение гирлянд со свисающими бантами. На основании всех аналогий можно бесспорно датировать нашу чашку I в. н. э.

Говоря о художественных сосудах из раскопок танаисского некрополя, следует упомянуть еще кувшин II в. н. э. из могилы 97; на плечиках его сохранилась роспись в виде изгибающихся линий. Сосуд найден в обломках и восстановлению не поддается.

⁵⁷ E. Pernice und F. Winter. Der Hildesheimer Silberfund. Berlin, 1901, табл. XI, XIII, XVI, XXI.

⁵⁸ H. A. Thompson. The excavation an the Athenian agora, 1940—1946. «Hesperia», XVI, 1947, № 3, стр. 212.

Краснолаковая керамика

Краснолаковая посуда является одной из самых распространенных групп керамики в Танаисе в первые века нашей эры. Уже Т. Н. Книпович отметила распространение в Танаисе многих форм краснолаковой керамики с I в. до н. э. до IV в. н. э.⁵⁹ Однако в ее распоряжении был все же очень ограниченный материал. Так, на таблицах краснолаковой посуды, помещенных в книге «Танаис», представлены только миски и блюда — самые распространенные формы этого вида керамики. Последние раскопки в Танаисе значительно обогатили этот ассортимент керамических форм: были найдены фрагменты краснолаковых кувшинов, ойнохой, кубков, горшочков, амфорок и т. д. Находки из некрополя далеко не полно отражают это богатство форм, но и они, как увидим, дали ряд очень интересных экземпляров краснолаковой керамики, главным образом I в. н. э.

⁵⁹ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 68 и сл. рис. 25 и 26.

Наиболее интересен маленький комплекс краснолаковых сосудов, происходящий из разрушенного детского погребения 57. На первом месте стоит, конечно, краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком, покрытая превосходным красным лаком (табл. XXVII). Слоистая оранжево-красная глина с большим количеством блесток слюды и качество лака позволяют относить эту тарелку к той группе керамики, которую Т. Н. Книпович вслед за Р. Цаном считает самосской⁶⁰. Детали профилировки бортика тарелки и штампованный орнамент на дне ее также находят себе аналогии в самосской группе краснолаковой посуды⁶¹. Греческие клейма на тарелках этой

⁶⁰ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, стр. 293.

⁶¹ T. Knipowitsch. Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus den Griechenstädten an der Nordküste des Schwarzen Meeres. «Materialien zur römisch-germanischen Keramik», IV, 1929, табл. I, d; IV, 1-6.

группы обычны, но клеймо ICIC, наличествующее на танаисском сосуде, насколько нам известно, до сих пор не встречалось. В этом отношении наша тарелка представляет значительный интерес. Любопытно также одно техническое наблюдение, которое можно сделать в отношении тарелки из погребения 57: на ней очень хорошо виден способ покрытия лаком — ее дважды окунали в лак; сначала тарелку, держа за один край, опустили в лак до половины, затем таким же способом покрыли лаком другую половину; в результате на поверхности тарелки хорошо заметна полоса, проходящая по диаметру, дважды покрытая лаком. Ойнохоя, найденная в том же погребении (табл. XXII, 4), изготовлена из другой глины и покрыта красным лаком совсем другого качества. Краснолаковые сосуды такой же точно формы нам неизвестны. Судя по составу глины и цвету лака, ойнохоя сделана скорее всего в малоазиатских керамических мастерских, вообще поставлявших в Северное Причерноморье подавляющую часть всей краснолаковой керамики⁶². Близкое к рассматриваемому сосуду горло краснолаковой ойнохоя было найдено при наших раскопках на участке III некрополя в культурном слое вне погребений.

Третий краснолаковый сосудик из погребения 57 представлен только двумя обломками. Это была маленькая чашечка со сложно профилированными стенками (табл. XXVIII, 3). Она была разбита еще в древности и скреплена свиновыми скобами. Уцелевшие фрагменты дают представление о форме чашечки, но доньшко, на котором подобные сосудики имеют клеймо, к сожалению, утрачено. Поэтому мы не можем точно определить место производства чашечки, но скорее всего она сделана в итальянских мастерских. Близкая, но несколько более сложная форма чашек итальянского происхождения датируется А. Оксе временем Тиберия⁶³. Очень похожие по форме сосудики во множестве выпускались из мастерских на территории Галлии в I и II вв. н. э.⁶⁴ Находка

⁶² Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика, стр. 324 и сл.

⁶³ А. Окс. Terra sigillata aus dem Kerameikos. Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, LII, 1927, стр. 215, рис. 2, 17.

⁶⁴ F. Oswald and T. D. Pruse. Указ. соч., табл. XLIX.

в Танаисе фрагмента краснолаковой чашки, выпешней из западносредиземноморских мастерских интересна уже потому, что продукция этих западных центров производства почти совсем не представлена среди северочерноморских и особенно боспорных находок⁶⁵.

Весь комплекс краснолаковых сосудов из могилы 57 является, таким образом, очень своеобразным и в известной мере исключительным, поскольку остальные находки краснолаковых сосудов дают гораздо более обычные для Северного Причерноморья типы преимущественно малоазиатской керамики. К тому же времени, которому принадлежит описанный керамический комплекс, к первой половине I в. н. э., следует отнести и краснолаковую чашку из детского погребения 56 (табл. XVI, 1). В этом погребении в тулове светлоглиняной амфоры оказалась вместе с младенческим костяком лишь одна вещь — половина краснолаковой чашки с высоким вертикальным бортиком, покрытой хорошим густым красным лаком. Чашки такой формы Т. Н. Книпович датирует второй третью I в. н. э.⁶⁶ З. Лёшке сопоставляет такую же чашечку из Чандарли с арретинской керамикой⁶⁷, что также ведет нас в середину I в. н. э.

В погребении 79, инвентарь которого дошел до нас полностью, было найдено два краснолаковых сосуда: кувшин и чашечка. Кувшин (табл. XVI, 5) с приземистым острорезберным туловом и прямым горлом был украшен по плечикам изображением веточек, исполненным белой накладной краской. Очень близкий по форме кувшин, но более грубо исполненный и без рисунка на плечиках, был обнаружен при раскопках некрополя Кобякова городища в 1957 г. в погребении I—II вв. н. э.⁶⁸ Наш кувшин хорошо датируется первой половиной I в. н. э. монетой Августа из того же погребения. К кувшину из могилы 79 по форме и пропорциям близок краснолаковый кувшин, найденный в погребении 103 (табл. XXIX, 3). Од-

⁶⁵ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 68; ее же. Краснолаковая керамика..., стр. 324.

⁶⁶ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика..., стр. 298—299, рис. 2, 5, тип 8-М.

⁶⁷ S. Loeschke. Sigillata-Töpfereien in Tschandarli. Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, XXXVII, 1912, стр. 369, 370, тип. 15.

⁶⁸ С. И. Капошина. Отчет за 1957 г. Архив ИА, стр. 17, 44, табл. XXVII, 3.

нако он имеет более грубую выделку и менее четкие формы; тулово его одутловатое, венчик профилирован гораздо грубее; следов росписи на плечиках сосуда, поверхность которого, впрочем, сохранилась довольно плохо, не обнаружено. Обращает на себя внимание рельефный валик, подчеркивающий основание горла кувшинчика. Такие валики применялись в керамике этого типа еще в конце I в. до н. э.⁶⁹ Наш кувшинчик датируется I в. н. э. стратиграфией погребений на этом участке некрополя.

Что касается краснолаковой чашечки из погребения 79 (табл. XVI, 2), то в ней поражает противоречие между изяществом, законченностью формы сосуда, тонкостью выработки его, с одной стороны, и очень низким качеством лака — с другой. Лак оранжево-бурый, жидкий, положен очень неровно, пятнами; снаружи он покрывает только верхнюю часть стенок; на стенках снаружи ясно видны следы пальцев, державших сосуд во время покрытия его лаком. Однако датировка чашечки первой половиной I в. н. э. не подлежит сомнению, поскольку она определяется всем инвентарем могилы 79. Фрагмент совершенно такой же чашечки, так же выделанной, но несколько большего размера найден в погребении 26 (табл. XXVIII, 5). Обломки подобных чашечек неоднократно встречались и при раскопках на разных участках танаисского городища. Совсем иной характер имеет чашечка из могилы 110 (табл. XXIX, 1). Повторяя ту же форму открытых округлых чашек на кольцевом поддоне, она имеет совсем другую выработку. Стенки у нее толстые, поддон массивный, неравномерной толщины; лак красно-бурый, довольно ровный, но тусклый. Особенности выделки этого сосуда позволяют предположительно отнести его к изделиям боспорских керамических мастерских. При раскопках Танаиса в культурном слое было найдено некоторое количество фрагментов краснолаковой керамики, которые, пользуясь указанными Т. Н. Книпович критериями⁷⁰, можно считать боспорскими. Это главным образом обломки кувшинов или других закрытых сосудов. Из сосудов, найденных в некрополе,

только рассматриваемая чашечка может быть отнесена к этой категории посуды.

Чтобы закончить рассмотрение краснолаковых чашечек из некрополя, следует упомянуть о фрагменте чашки со сложно профилированным вертикальным бортиком из могилы 68 I в. н. э. (табл. XXVIII, 2). Еще один фрагмент такой же чашки был найден в культурном слое на раскопе III. Лак обоих обломков густой, темно-красный, глина напоминает самосскую. Похожий профиль бортика имеют широкие краснолаковые тарелки I в. н. э.⁷¹

В погребениях 26 и 34 I в. н. э. встречаются маленькие одноручные сосудики (табл. XXII, 1; XXIII, 3) типа кружечки на маленьком плоском поддоне (у сосуда из могилы 26 ручка отбита). Характерные особенности выделки их и качество лака совершенно точно соответствуют выделке и качеству лака рассмотренных чашечек из могил 26 и 79. Этот тип малоазийских краснолаковых сосудов был широко распространен в Северном Причерноморье, что доказывается как неоднократными находками самих кружечек⁷², так и тем обстоятельством, что посуда такого же типа производилась в I—III вв. н. э. в самом Северном Причерноморье⁷³. Более того, в далеком Поволжье мы находим сосуды, являющиеся подражанием этим кружечкам, примитивно выполненные из красной или серой глины, иногда лощеные⁷⁴. Фрагмент простого красноглиняного грубо изготовленного сосуда, воспроизводящего эту форму, найден вне погребений на раскопе V (табл. XXX, 2).

Кувшинчик, находившийся в могиле 38, дошел до нас в обломках (табл. XXVIII, 4). Поверхность его сильно испорчена, так что на ней не сохранилось остатков красного лака, но не подлежит сомнению, что этот

⁶⁹ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика..., стр. 298, рис. 2, 2.

⁷⁰ Т. Книпович. Указ. соч., стр. 41, тип 38, группа Е, табл. III, 38; Г. Д. Белов. Археологические раскопки в Херсонесе в 1949 г. ВДИ, 1950, № 2, стр. 230, рис. 4; Л. Д. Дмитриев. Основные итоги Измаильской археологической экспедиции 1949—1950 гг. АП, V, 1955, табл. I, 9.

⁷¹ Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», I, 1955, стр. 290, рис. 25.

⁷² И. В. Сидицын. Археологические исследования Заволжского отряда, рис. 23, 15; 36, 7.

⁶⁹ См., например, В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 200, рис. 73, 1.

⁷⁰ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика, стр. 321—322.

сосуд также относится к краснолаковой керамике.

Фрагменты краснолаковых блюд встречаются в нескольких погребениях танаисского некрополя. В могиле 100 найдены обломки блюда с горизонтально отвернутым краем и горизонтальными сегментовидными ручками, украшенными рельефом (табл. XXXIX, 10). Фрагменты подобных блюд нередко встречаются при раскопках в Северном Причерноморье. Т. Н. Книпович считает их подражаниями металлическим блюдам и связывает их происхождение с керамическими мастерскими Пергама. Датируются эти блюда ею суммарно I—III вв. н. э.⁷⁵ Блюдо из могилы 100 и по профилировке венчика, и по характеру лака, и особенно по четкости рисунка на ручках может быть признано ранним изделием в этой группе и скорее всего должно быть датировано I в. н. э. Особенно интересны изображения на ручках блюда, поскольку в большинстве случаев рельефы на ручках этих блюд представляют собой совершенно не поддающийся истолкованию набор каких-то расплывающихся черточек и разводов — результат схематизации первоначальных изображений. На ручках блюда из могилы 100 отчетливо видна лучезарная головка Гелиоса; неясные фигуры по сторонам головы, может быть, являются схематизацией первоначального изображения коней солнечного бога. Что подобные мотивы были не чужды краснолаковой керамике первых веков нашей эры, показывают обломки блюд, найденные в Херсонесе в 1900 г., с рельефными изображениями Гелиоса на колеснице⁷⁶.

Более поздний вариант той же керамической формы представляют собой тарелки, найденные в танаисских могилах 61 и 122 (табл. XX, 1; XXVIII, 1). И по качеству лака и по деталям профилировки они несомненно относятся к более позднему времени, чем блюдо из погребения 100, и должны датироваться, по-видимому, II в. н. э. Для тарелки из могилы 122 эта дата подтверждается совместными находками, в том числе арбалетовидной фибулой. Обломки тарелок и блюд близкого типа неоднократно встреча-

лись и при раскопках танаисского городища, в частности краснолаковая сегментовидная ручка с изображениями двух антропоморфных фигур была найдена в комплексе уже упоминавшегося подвала Г, погибшего в 40-х годах III в. н. э.

Вероятно, близкую форму имела и краснолаковая чашечка, обнаруженная в детском погребении 111 (табл. XXIX, 2). Она также имела горизонтальный бортик, однако он был отбит до того, как чашечка была положена в могилу. В середине чашечки имеется клеймо в виде сандалии, обычное на краснолаковых чашках и тарелках I—II вв. н. э. Судя по качеству лака, чашечка из могилы 111 должна принадлежать II в. н. э.

Несколько более ранним временем может быть датирована краснолаковая миска из могилы 84 (табл. XXII, 2), она имеет вертикальный бортик и низкий поддон, в центре ее также оттиснуто клеймо в виде сандалии и круг из трех рядов насечек, сделанных штампом. Этот тип мисок был очень распространен в Северном Причерноморье⁷⁷.

В могиле 116 найден краснолаковый сосуд типа кубка, с округлым туловом и двумя петельчатыми ручками (табл. XXIX, 5). Тулово его украшено двумя рядами отпечатков маленького треугольного штампа. Подобные сосуды датируются Т. Н. Книпович концом I—III вв. н. э.⁷⁸ Очень близкий нашему сосуд происходит из могилы 3 Кыз-аульско-го некрополя 1930 г.⁷⁹

Таковы краснолаковые сосуды, найденные в танаисских могилах. В некоторых погребениях были обнаружены отдельные фрагменты краснолаковых сосудов: кувшинов, чашек, тарелок, кубков. Значительное число обломков краснолаковой керамики I—IV вв. н. э. было встречено также в культурном слое некрополя вне погребений. Упомянем только почти целый амфоровидный краснолаковый сосуд (табл. XXX, 5), происходящий из какого-то разрушенного погребения и найденный при работах на раскопе III.

Краснолаковые сосуды, как мы видим, довольно часто, чаще всех других категорий

⁷⁷ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика..., тип 11-М.

⁷⁸ Т. Книпович. Указ. соч., тип 36, табл. III, 36; Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика..., тип. 16-М, стр. 304—305, рис. 5, 1.

⁷⁹ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 191, рис. 61.

⁷⁵ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика..., стр. 305—306, рис. 5, 4, тип 18-М.

⁷⁶ К. К. Косяшко-Валюжич. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году. ИАК, 2, 1902, стр. 22, рис. 21.

керамики, встречаются в танаисских могилах первых веков нашей эры. Но следует заметить, что в большинстве случаев краснолаковая керамика представлена отнюдь не лучшими образцами. Обычно в могилы клались плохонькие чашки, миски, кубки, которые безусловно не могли иметь большой цены. Когда в погребении встречается более дорогой сосуд, он оказывается разбитым еще в древности. Это относится не только к краснолаковой, но и к другим категориям дорогой привозной керамики. Любопытно при этом отметить, что в могилы помещали сосуды не только поврежденные, но все же годные для

использования, как, например, кувшины с отбитыми ручками, но и совсем непригодные для употребления: ойнохоа с дыркой в тулове, половинка краснолаковой чашки, обломок блюда и т. д. Совершенно ясно, что в такие сосуды ничего нельзя было налить или положить и что они сопровождали умершего пустыми. В отличие от простых крупных сосудов хозяйственного назначения, ставившихся обычно в ноги, реже за головой, краснолаковая и другая тонкая керамика не имеет определенного места в погребении. Эти сосуды клали и у груди, и у ног, и у плеча, и у бедра погребенного.

2. ОРУЖИЕ И ОРУДИЯ

Кроме сосудов, в погребениях танаисского некрополя сравнительно часто встречаются различные металлические изделия. Это главным образом украшения и предметы туалетного назначения. Они бывают сделаны из бронзы или меди, золота, серебра, железа. Гораздо реже попадаются в могилах железные предметы вооружения или орудия.

Т. Н. Книпович считает, что оружие часто встречается в мужских погребениях танаисского грунтового некрополя⁸⁰. Просмотр всего материала из Танаиса, имеющегося в Государственном Эрмитаже и в Историческом музее, а также всех архивных данных о раскопках некрополя не подтверждает этого. Только железные наконечники стрел встречаются в могилах довольно часто, что же касается остальных видов вооружения, то во всех погребениях, открытых прежними раскопками (этих погребений было около 200) найдено всего два меча и один наконечник копья (все при раскопках Н. И. Веселовского). При наших исследованиях лишь один раз встретился обломок железного длинного прямого меча сарматского типа (погребение 23, табл. XXXII, 7).

Стрелы, находимые в танаисских могилах (табл. XXXIV, 12; XXXV, 11), все принадлежат к одному типу: это железные трехперые черешковые стрелы небольшого размера, характерные для сарматского мира. Такие стрелы бытовали в Нижнем Поволжье с начала III в. до н. э., но особое распространение получили в I—II вв. н. э.⁸¹

Такие стрелы, найденные в Северном Причерноморье, датируются I в. до н. э. — I в. н. э.⁸² Они были встречены в четырех танаисских могилах, раскопанных в 1853 г. (могилы 11, 14, 15, 18 западных насыпей), причем А. Авдееву удалось не только проследить остатки дерева от древков, но и сделать наблюдения, что древки были выкрашены в красный цвет. Четыре стрелы были найдены при раскопках, проведенных В. Г. Тизенгаузеном, и две — при раскопках П. И. Хицунова. Во время раскопок 1955—1958 гг. железные черешковые стрелы были обнаружены в инвентаре трех погребений — 45, 46 и 49; всего их найдено 24. Наиболее интересна находка наконечников стрел в могиле 45; 11 из них лежали вместе около правого колена погребенного и были направлены остриями к ногам покойника. Можно предполагать, что стрелы находились в колчане, подвешенном к правому боку. В отчетах А. Авдеева упоминается, что найденные им в погребениях стрелы также находились у ног погребенных⁸³. Аналогичное положение стрел в могиле наблюдается и в некоторых сарматских погребениях Нижнего Повол-

жья. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 76.

⁸² М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА, стр. 223, 226, табл. V, 7; М. И. Вязьмитина; Вивчення сарматів на території УРСР. «Археологія», VIII, 1953, стр. 68, рис. 6, 3; ср. И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, № 57, 1956, рис. 4, 19^a и 19^b.

⁸³ Архив ИА, ф. 9, д. 25, лл. 84—85.

⁸⁰ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 66.

⁸¹ В. П. Шелов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 432; И. В. Сини-

жья⁸⁴, где, однако, колчан чаще помещался у левого плеча погребенного⁸⁵; может быть, следом такого расположения стрел является находка наконечников их среди обломков разрушенного черепа в нашем погребении 49.

Чаще, чем оружие, встречаются в погребениях Танаиса железные ножи. Обломки их найдены в могилах 8, 15, 68, 79 и 113. Наиболее ранний из них, из погребения 15 (табл. XXXII, 2), имеет несколько закругленную спинку, характерную для ножей III—II вв. до н. э.⁸⁶ У остальных ножей прямые заостряющиеся лезвия (табл. XXXII, 1, 5). Рукоятки не сохранились ни разу, на ноже из могилы 68 уцелела только медная заклепка, которой рукоять скреплялась с лезвием. При прежних раскопках, если судить по отчетам, ножи встречались в могилах редко — они упомянуты в описаниях могил только дважды: у А. Авдеева (№ 11) и у Н. И. Веселовского (№ 34—1909 г.). Ножи во всех случаях, когда состояние могил позволяет проследить их положение, оказываются около бедра или тазовых костей погребенного с правой стороны. С обычаем класть в могилу железный нож связано и наличие в некоторых могилах точильных брусков. В упомя-

нутом погребении № 34 1909 г. брусок и нож найдены вместе в районе поясницы. Еще один точильный брусок был обнаружен в могиле 32 1908 г. и один в нашем погребении 122. Все эти точильные бруски прямоугольные, с дырочкой для подвешивания на конце.

Из других находок, связанных с орудиями труда, часто встречаются в погребениях глиняные пряслица. Они найдены в восьми погребениях (№ 12, 13, 15, 39, 77, 57, 85, 104), причем в могиле 57 оказалось два пряслица. Кроме того, несколько пряслиц обнаружено при раскопках некрополя вне погребений. Формы и размеры найденных в танаисском некрополе пряслиц очень различны (табл. XXXIII), чаще других встречаются пряслица усеченно-биконической формы. В одном случае (погребение 12) пряслице сделано из обломка стенки амфоры (табл. XXXIII, 1). Определенного места в могиле пряслица не занимают — они встречаются и за головой, и в ногах костяка, и у плеча, и у тазовых костей.

Следует упомянуть еще железные кованые гвозди, довольно часто встречающиеся в погребениях (№ 77, 88, 95, 101, 102 и др.). По-видимому, гвоздями этими сбивались доски гробов. Во многих могилах при раскопках попадались незначительные куски железных или бронзовых изделий не поддающиеся определению вследствие полного разрушения металла коррозией. Вообще сохранность металлических изделий, особенно железных, в условиях танаисского грунта оставляет желать много лучшего.

3. УКРАШЕНИЯ

Фибулы

Среди металлических украшений прежде всего следует рассмотреть фибулы. Их найдено в могилах довольно много. Кроме того, несколько фибул и обломков их встречено в грунте вне погребений.

Т. Н. Книпович считает, что из фибул первых веков нашей эры самым характерным типом для Подонья вообще и для Танаиса в частности является фибула с подвижным приемником, или «лучковая»⁸⁷. Фибула этого типа встречена только в одной откры-

той нами могиле — в детском погребении в амфоре № 59 (табл. XXXVI, 7). Это маленькая (около 3 см длины) проволочная фибула с четырехвитковой пружиной и небольшим приемником, образованным загнутым концом дужки. Она была найдена на груди погребенного ребенка и скрепляла какую-то ткань, часть которой сохранилась на фибуле. Вторая такая фибула большого размера была найдена вне погребений на раскопе VIII в 1958 г. Она представляет собой прекрасный образец этой группы фибул с четырехвитковой пружиной и проволочной дужкой,

⁸⁴ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Политотдельское и Иловатка Сталинградской области. МИА, № 60, 1959, стр. 258.

⁸⁵ И. В. Симицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, 1959, стр. 58, 116.

⁸⁶ И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории. 1950—1951 гг. МИА, № 57, 1956, рис. 2, 14.

⁸⁷ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 59.

расплющенный и загнутый конец которой образует приемник (табл. XXXVII, 6). Третья такая же фибула найдена при наших раскопках на городище. В Государственном Эрмитаже хранятся две подобные фибулы из раскопок некрополя Танаиса Н. И. Веселовским в 1908—1909 г. Одна из них (ТН-258) имеет на верхней дужке лишь несколько поперечных оборотов проволоки, дужка второй фибулы вся сплошь покрыта проволочной обмоткой. Последняя фибула опубликована Т. Н. Книпович⁸⁸. Такие фибулы встречаются в Северном Причерноморье повсеместно⁸⁹. Они бытовали здесь, по общему мнению, с конца I в. до н. э. до III в. н. э. включительно⁹⁰. Давно уже установлено причерноморское происхождение фибул этого типа⁹¹. Существует предположение о специально ольвийском их производстве⁹².

В трех могилах (№ 29, 55, 88) найдены обломки бронзовых фибул так называемой наугеймской разновидности позднелатенского типа с четырехвитковой пружинной, верхней тетивой и длинной пластинчатой дужкой. От двух фибул сохранились только иглы, пружины и прилегающие к пружине части

⁸⁸ Там же, рис. 16-в.

⁸⁹ См., например, А. И. Фурманська. Фибулы з раскопок Ольвії. «Археологія», VIII, 1953, стр. 82—84, табл. III, 1—9; В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1953, стр. 123, табл. II, 3—5, 8—9; М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА, табл. VI, 8; ее же. Вівчення сарматів на території Українськ. РСР. «Археологія», VIII, стр. 69, рис. 72, 2; И. Д. Марченко. Материалы по металлургии и металлообработке Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 171, рис. 1, 12; Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 59, рис. 16-а; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской, рис. 18, 9; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 216, рис. 82, 6; 91, 1; 95, 3 и др.

⁹⁰ O. Almgren. Studien über Nordeuropäischen Fibelformen. Leipzig, 1923, стр. 79 и сл.; M. Ebert. Zur Geschichte der Fibel «mit umgeschlagenem Fuss». PZ, III, 1911, стр. 232; А. П. Калитинский. О некоторых формах фибулы из южной России. «Seminarium Kondakovianum», I, Praha, 1927, стр. 241; А. И. Фурманська. Фибулы з раскопок Ольвії, стр. 84. Вероятно, простым недоразумением является датировка такой фибулы из Мирмекия К. Михаловским IV—I вв. до н. э. (K. Michalowski. Mirmeki. Warszawa, 1958, стр. 92, рис. 114).

⁹¹ А. П. Калитинский. Указ. соч., стр. 200 и сл.

⁹² Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. АГСИ, стр. 333.

дужки (табл. XXXIV, 8; XXXV, 4). Наружная поверхность дужки в обоих случаях украшена характерным для этих фибул орнаментом в виде насечек и пунктира. В третьем случае уцелела только пластинчатая дужка без орнамента (табл. XXXIX, 7). Такие фибулы встречались в Танаисе и раньше: в фондах ГИМ хранятся две фибулы «наугеймского» типа из раскопок В. Г. Тизенгаузена в 1867 г. (№ 445 и 1447). Фибулы этого типа широко распространены в Северном Причерноморье: они найдены в Ольвии⁹³, в Керчи⁹⁴ в могильниках Зарубинецком⁹⁵, Марицинском⁹⁶, Ново-Филипповском⁹⁷, Аккерменском⁹⁸, Усть-Лабинском⁹⁹ и др.

Фибулы позднелатенского типа датируются обычно I в. до н. э.—I в. н. э., но в Северном Причерноморье они были распространены, как показывают ольвийские находки, в I в. н. э.¹⁰⁰ Впрочем, в восточных районах причерноморского племенного мира эти фибулы, вероятно, могли существовать и несколько позже. По крайней мере в Заволжье известны находки их в комплексах позднесарматского времени, например, в кургане № 3 группы II у с. Максютново на Б. Иргизе¹⁰¹. Вторая разновидность позднелатенских фибул, с круглой в сечении дужкой, в наших находках не представлена, но при раскопках Тизенгаузена в Танаисе одна такая фибула была найдена (фонды ГИМ, № 1446).

К этому же позднелатенскому типу фибул принадлежат три совсем маленькие бронзовые фибулы из погребения 79. От них сохранились только листовидные пластинчатые дужки без орнамента, а от одной — также и двойная игла с четырехвитковой пруж-

⁹³ А. И. Фурманська. Фибулы з раскопок Ольвії, стр. 79—81, табл. II, 1—4.

⁹⁴ M. Ebert. Zur Geschichte der Fibel «mit umgeschlagenem Fuss», стр. 234, рис. 1а.

⁹⁵ В. В. Хвойка. Поля погребений в среднем Поднепровье. СПб., 1911, табл. XXIII, 22.

⁹⁶ M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzun. PZ, V, 1913, стр. 77, рис. 87.

⁹⁷ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка, стр. 240, табл. VI, 4, 6.

⁹⁸ М. И. Вязьмитина. Вівчення сарматів, стр. 69, рис. 7, 4.

⁹⁹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской, рис. 18, 8, 10—11.

¹⁰⁰ А. И. Фурманська. Фибулы з раскопок Ольвії, стр. 81; ср. М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка, стр. 240.

¹⁰¹ И. В. Сяницын. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. «Труды Саратовского областного музея краеведения», I, стр. 33.

жиной (табл. XXXVIII, 1, 5, 6). Наличие таких миниатюрных застежек среди фибул этого типа хорошо известно и по другим комплексам¹⁰².

Третьим типом фибул, найденных в танаисских могилах, являются фибулы арбалетовидные. Они имеют округлую или прямоугольную в сечении дужку, украшенную двумя массивными утолщениями, высокий приемник, заканчивающийся шишечкой и многовитковую пружину с верхней тетивой. Фибулы этого типа встречались в Танаисе и раньше¹⁰³. Нами большие бронзовые арбалетовидные фибулы найдены в погребениях 93 и 122 (табл. XXXVII, 7), маленькая фибула — в могиле 86 (табл. XLV, 14). Кроме того, одна такая большая фибула обнаружена при раскопках некрополя на участке V в грунте вне погребений (табл. XLV, 15).

Фибулы этого типа встречаются довольно часто на всем протяжении степей Восточной Европы от Ольвии¹⁰⁴ до Поволжья¹⁰⁵. Разновидности этих фибул являются фибулы такой же формы, дужка которых между двумя утолщениями расклепана в виде овальной или круглой пластинки¹⁰⁶. Эта разновидность также представлена в наших находках маленькой целой фибулой из погребения 81 (табл. XLVII, 3).

Арбалетовидные фибулы рассмотренной формы точно датировать довольно трудно. Обычно комплексы, в которые они входят, датируются суммарно I—III вв. н. э.

¹⁰² М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения в с. Ново-Филипповка, табл. VI, 5; М. И. Вязьмитина. Вивчення сарматів..., рис. 7, 3; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, рис. 85, 1. Ср. маленькую золотую фибулу того же типа из Керчи: В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. ИАК, 30, 1909, стр. 8, рис. 5.

¹⁰³ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 59—60, рис. 16, 2; в ГИМ хранятся две такие маленькие фибулы из раскопок Тизенгаузена (№ 1449 и 1450); см. также О. Almgren. Studien über Nordeuropäischen Fibelformen. Leipzig, 1923, стр. 44, прим. 1. Они известны и в находках с Нижне-Гниловского городища (Памятники древности на Дону, вып. 1, Ростов-Дон, 1940, стр. 34, рис. 2, 5—7).

¹⁰⁴ А. И. Фурманська. Фибулы з раскопок Ольвии, табл. IV, 11—12; V, 1. А. И. Фурманская относит их к группе фибул «с высоким приемником».

¹⁰⁵ И. В. Сеницын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 54, рис. 28, 2.

¹⁰⁶ О. Almgren. Указ. соч., табл. IV, 87 (из Керчи); И. В. Сеницын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 80, рис. 4, 1—2.

Т. Н. Книпович указывает, что довольно близкие аналогии этим фибулам встречаются в могилах некрополя Пантикапея, датируемых монетами III в. н. э.¹⁰⁷ Точно такая же фибула, как в танаисском погребении 86, была встречена в инвентаре очень интересной могилы в кургане F-16, раскопанном П. Д. Рау в 1928 г. у с. Усатово на р. Еруслан. И. В. Сеницын на основании ряда признаков считает возможным датировать этот могильный комплекс даже III—IV вв. н. э.¹⁰⁸ С другой стороны, близкая по форме, хотя и не идентичная танаисским, фибула была найдена при раскопках Кобяковского некрополя С. И. Капошиной в 1957 г. в погребении 59, хорошо датируемом I в. н. э.¹⁰⁹ Видимо, зарождаясь еще в конце I в. н. э., этот тип фибул существовал во II и III вв. н. э., может быть дольше задерживаясь в восточных районах своего ареала распространения. Судя по совместным с ними находкам в погребениях 81, 86 и 122, танаисские фибулы этого типа относятся скорее всего ко II в. н. э.

Последнюю группу фибул, найденных в танаисском некрополе, составляют фибулы с декоративными щитками, припаянными к дужке или заменяющими собой дужку. Они уже не являются просто застежками, а представляют собой брошки.

Прежде всего следует отметить бронзовую фибулу из погребения 15 (табл. XXXIV, 7). Она изготовлена из довольно толстой круглой проволоки, имеет четырехвитковую спираль с верхней тетивой и небольшой пластинчатый приемник. К изогнутой почти под прямым углом проволочной дужке был припаян круглый декоративный бронзовый щиток со штампованным изображением выпуклой восьмилепестковой розетки. Гладкое кольцевидное поле вокруг розетки украшено тонко прочерченной зигзагообразной линией. Точной аналогии этой фибуле нам неизвестно. Довольно близка нашей фибуле бронзовая брошка¹¹⁰ из погребения начала

¹⁰⁷ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 60, со ссылкой на ОАК, 1894, стр. 89—91, рис. 154.

¹⁰⁸ И. В. Сеницын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 21.

¹⁰⁹ С. И. Капошина. Исследования Кобяковского городища в 1957 г. Отчет в архиве ИА, стр. 34, табл. XXXVII, 1.

¹¹⁰ Ц. Дремсизова. Надгробна могила при с. Браничево. «Сб. исследования в чест на акад. Дечев». София, 1958, стр. 454—455, рис. 13, в.

III в. до н. э. у с. Браничево в Болгарии. Кроме того, можно указать некоторые изделия эллинистического времени, украшенные совершенно такой же розеткой. Наиболее близкую аналогию представляют бронзовые бляхи из Артюховского кургана, датированного II в. до н. э.¹¹¹ Найденные вместе с нашей фибулой другие вещи, в частности чернолаковая чашка, позволяют датировать фибулу также II в. до н. э. Таким образом это самая ранняя из всех танаисских фибул.

Другой фибулой с круглым щитком является фибула из погребения 103 (табл. XXXVII, 4). Щиток прикреплен к пластинчатой дужке фибулы, имеющей четыреххвостковую пружину. Щиток гладкий, без всякого орнамента, сделан из тонкой бронзовой пластинки. Аналогию нашей фибуле представляет фибула из Ольвии с таким же гладким бронзовым щитком¹¹². Погребение 103, как мы видели, должно быть датировано I в. н. э.

В могиле 102 на груди детского костяка найдена своеобразная фибула-брошка (табл. XLVIII, 6). Основу ее составляет бронзовая овальная пластинка, на нижней стороне которой укреплены две серебряные иглы и серебряная четыреххвостковая пружина. Верхняя часть пластинки обтянута золотым листом, украшенным чеканным орнаментом в виде бугорков. В центре фибулы в золотой обойме укреплена шаровидная вставка из синей стеклянной пасты. Очень близкая по устройству и форме фибула на круглой медной пластинке, обтянутая медным же листом, с вставкой из прозрачного стекла происходит из сарматского могильника у совхоза Аккермень II Запорожской области¹¹³. В погребении с этой фибулой был найден, как нам любезно сообщила М. И. Вязмитина, фрагмент железного меча с кольцевым навершием, что позволяет датировать погребение I в. н. э. Мы уже говорили о том, что конструктивные особенности нашей фибулы позволяют отнести ее также к этому столетию.

В погребении 101 найдена фибула-коробочка (табл. XXXIX, 9). Это маленькая коробочка овальной формы, дно и боковые сторо-

ны которой состоят из бронзовых пластинок, а в качестве крышки использован аккуратно оббитый со всех сторон кусочек голубоватого стекла от стенки какого-то сосуда. С внешней стороны доньшка этой коробочки приделана бронзовая игла на четыреххвостковой пружине с верхней тетивой и пластинчатый приемник для иглы. Коробочка-брошка использовалась как хранилище для румян. Аналогии этой коробочке нам неизвестны.

В отличие от всех описанных фибул, имевших иглу на пружине, следующая фибула (табл. XLVII, 4), найденная в погребении 85, устроена иначе: игла ее, в настоящее время утраченная, вращалась на шарнире. Упор шарнира и приемник для иглы прикреплены с обратной стороны к бронзовой фигурной пластинке, изображающей фантастическое существо с рыбьим телом и птичьей головой. С наружной стороны пластинки детали изображения выполнены насечкой и черной эмалью. Подобные фибулы с эмалью в виде фигурок животных в Северном Причерноморье встречаются сравнительно редко¹¹⁴. Они изготовлялись в мастерских Галлии и были широко распространены в средней Европе. Большое число таких фибул с территории Паннонии опубликовано в книге Е. Патека¹¹⁵. Датироваются эти фибулы преимущественно II в. н. э.¹¹⁶. Наша фибула является самой восточной находкой фибул этого типа.

Приведенный обзор фибул из погребений танаисского некрополя показывает, что этот род украшений бытовал в Танаисе по крайней мере со II в. до н. э. по III в. н. э. В большинстве случаев (№ 55, 59, 79, 81, 93, 102) фибулы были найдены среди костей грудной клетки и, очевидно, применялись в качестве застежки на груди. Реже фибулы встречались около шеи (№ 15, 122 и, вероятно, 86) или у плеча (№ 85). В могиле 101, где было найдено две брошки-фибулы, одна из брошек была обнаружена у шеи, другая — на груди погребенной. Находки в та-

¹¹¹ М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, № 3, стр. 46 и сл.

¹¹² А. И. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії, табл. VII, 8.

¹¹³ М. И. Вязмитина. Вивчення сарматів... рис. 7, 1.

¹¹⁴ А. И. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії, стр. 90, табл. VI, 5, 10, 12.

¹¹⁵ E. v. Patek. Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen in Pannonien. Budapest — Leipzig, 1942, табл. XIX—XXI.

¹¹⁶ O. Almgren. Studien über Nordeuropäischen Fibelformen, стр. 98, табл. X, 222-a.

танаисском некрополе фибул разных типов и из разного материала отражают не только смену «моды» на фибулы в Северном Причерноморье в течение длительного времени, но и материальные возможности разных

слоев населения, пользовавшегося в зависимости от достатка то простыми и дешевыми застежками из простой медной проволоки, то сложными привозными и, вероятно, дорогими фибулами-брошами.

Браслеты, перстни, серьги

Чрезвычайно распространены были в Танаисе металлические кольца, браслеты, серьги. Предметы этого рода неоднократно встречались при наших раскопках танаисских могил и при прежних исследованиях некрополя¹¹⁷. Обилие этих украшений несомненно составляет характерную черту танаисского грунтового некрополя.

Браслеты встречены нами в шести погребениях. Все они бронзовые. При раскопках Н. И. Веселовского были найдены браслеты и золотые и серебряные.

Наши браслеты все найдены на костях рук, но в танаисских могилах известны и находки их на костях ног. В этом отношении интересно богатое детское погребение 19, раскопанное Н. И. Веселовским в 1908 г. На руках у погребенного ребенка было два золотых браслета, а на ногах — два серебряных¹¹⁸. Находка нескольких браслетов на одном умершем — не исключение; например, четыре бронзовых браслета — по два на каждой руке умершего — были найдены в детской могиле 31 1909 г.¹¹⁹ Два браслета на одной руке погребенного встречены в открытой нами могиле 12 (табл. XXXIV, 11). Часто браслеты состоят из простой круглой или прямоугольной в сечении бронзовой проволоки, согнутой в виде овала; концы проволоки не сомкнуты. Именно таковы небольшие браслеты из детских погребений 31 и 72 (табл. XXXIV, 6; XXXV, 3) I—II в. н. э. Большой браслет из более раннего погребения 15 отличается от них тем, что у него несомкнутые концы заходят друг за друга (табл. XXXII, 3). Другой вид имеет браслет из могилы 121; он сделан из треугольной в сечении проволоки, составляющей два полных спиралеобразных витка (табл. XXXVII, 5). Все эти проволоочные браслеты простейших форм не являются чем-либо необычным в причерноморских

комплексах скифо-сарматского времени; встречались подобные браслеты и при прежних раскопках Танаиса.

В погребении 79 I в. н. э. обнаружен браслет (табл. XXXVIII, 4) из бронзовой проволоки, концы которой закручены вокруг дужки, что создает подвижной замок, позволяющий по желанию сужать или расширять браслет. Значительная часть дужки украшена другой спиралеобразно накрученной на нее проволокой. Этот браслет является прекрасным образцом очень распространенного типа браслетов первых веков нашей эры, хорошо известного и в Танаисе¹²⁰ и в других местах, в частности в некрополе скифского Неаполя¹²¹.

Наиболее интересны два бронзовых браслета, найденных на руке погребенного в могиле 12 (табл. XXXIV, 11). Оба они плоские, с незамкнутыми концами, расплюснутыми в виде змеиных головок, у одного из них эти головки украшены гравировкой. В Танаисе при прежних раскопках встречались браслеты, исполненные в той же схеме, но более грубо, из круглой проволоки. Расплюснутые концы их украшены насечкой, схематически изображающей змеиную голову и чешую¹²². Упрощенным вариантом браслета со змеиными головками являются известные в танаисском некрополе бронзовые браслеты с уплощенными концами, орнаментированными точками¹²³. Браслеты со змеиными головками хорошо известны в некрополях Неаполя и других крымских скифских поселений первых веков нашей эры¹²⁴. Ма-

¹²⁰ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 60, рис. 17-а.

¹²¹ В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 124, табл. III, 9, 11, 12; IX, 10.

¹²² Раскопки Н. И. Веселовского, собрание Государственного Эрмитажа, ТН-289, 290, 291.

¹²³ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 66, прим. 1, рис. 17-б, в.

¹²⁴ О. Д. Дашевская. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя Скифского. ВДИ, 1951, № 2, стр. 134, рис. 4^в; В. П. Бабенчиков. Указ. соч., стр. 127, табл. III, 6—8, 10.

¹¹⁷ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 60.

¹¹⁸ Архив ИА, д. 1908, № 60.

¹¹⁹ Архив ИА, д. 1909, № 41.

ленький детский бронзовый браслет с одной змеиной головкой найден в Илурате¹²⁵. Браслеты эти датируются II—III в. н. э., что определяется и время наших браслетов из могилы 12. Следует заметить, что традиция оформления концов браслета в виде змеиных головок прослеживается значительно позднее, и в ряде некрополей V—VI вв. встречаются браслеты со схематическими изображениями змеиных голов¹²⁶, но техника выполнения их и весь облик изделия резко отличается от танаисских и крымских браслетов II—III вв. н. э.

К описанным браслетам с изображением змеиных головок очень близко найденное в могиле 85 небольшое спиралевидное колечко из красной меди (табл. XLV, 12). Незамкнутые концы его заходят друг за друга; один конец обломан, другой оформлен в виде головы какого-то зверя с большими ушами. Нет никакого сомнения в том, что это разновидность все тех же зооморфных украшений. Ближайшую аналогию нашему кольцу составляет хранящийся в Государственном Историческом музее бронзовый браслет, найденный при раскопках в Херсонесе 1891 г. (№ 269/45), несомкнутые концы которого тоже представляют головки упястого зверя. Колечко из могилы 85 обнаружено над левым плечом погребенной женщины и, вероятно, являлось височным кольцом. Похожее височное кольцо с зооморфным изображением на одном конце спирали найдено в фанагорийском могильнике в комплексе еще II в. до н. э.¹²⁷ Наше кольцо происходит из хорошо датированной могилы первой половины II в. н. э.

Гораздо чаще височные кольца или серьги представляют собой простое проволочное колечко с несомкнутыми или с закрученными концами. Таких колечек — бронзовых, серебряных, золотых¹²⁸ — было много найдено в Танаисе при прежних раскопках. В по-

гребении 72 (I в. н. э.) найдены два таких золотых колечка (табл. XXXIV, 10), в могиле 79 (I в. н. э.) — одно золотое, в могилах 82 и 103 — по одному бронзовому колечку.

Серьга, обнаруженная в погребении 78, представляет собой колечко, согнутое из перекрученной серебряной проволоки со сцепленными концами (табл. XXXIX, 1). Такие витые сережки встречались в Северном Причерноморье неоднократно, но обычно они бывают выполнены из золота¹²⁹.

Гораздо более сложную форму имеет серьга из погребения 15, II в. до н. э. (табл. XXXIV, 5). Она состоит из серебряного проволочного колечка и прикрепленной к нему конусовидной серебряной обоймы, в которую было вставлено какое-то украшение, ныне утраченное; вероятно, это было изображение виноградной грозди. Точно такие же серьги с гроздью, но из золота, были обнаружены П. Д. Рау в 1928 г. при раскопках кургана F-18 около с. Усатова Саратовской области в погребении раннесарматского времени (III—I вв. до н. э.)¹³⁰. Известны подобные серьги и в оренбургских находках (курган 4 Прохоровской группы)¹³¹. Но основной областью распространения таких серег являются Северный Кавказ и Южный Крым, где бронзовые серьги очень близких форм бытовали уже в VI—V вв. до н. э.¹³².

Наконец следует отметить две бронзовые серьги из погребения 39 (табл. XXXIV, 9). Такие серьги, сделанные из драгоценных

¹²⁹ ОАК, 1891, стр. 149, рис. 188 (Херсонес); ИАК, 10, 1914, стр. 125—127, рис. 4 (Пантикапей); В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 203, рис. 77, 2.

¹³⁰ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 57, 58, рис. 31; ср. стр. 12—13, 17.

¹³¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области. МАР, вып. 37, стр. 18, табл. IV, 3, 4.

¹³² Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, 30, рис. 28, 2; А. А. Брандт. Заметки по археологии Крыма. ИАК, 54, 1914, стр. 112 и сл., рис. 5, 8, 9; О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 33, рис. 9, 4; стр. 56—57; Е. И. Крупнов. Северо-Кавказская археологическая экспедиция. КСИМК, XVII, рис. 44, 27; Н. В. Анфилов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинская. МИА, № 23, 1951, стр. 162—163; Т. Н. Троицкая. Погребение у села Белоглинки. СА, XXVII, 1957, стр. 222 и сл., рис. 2, 2.

¹²⁵ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, рис. 146.

¹²⁶ См., например, В. В. Саханеев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, 56, 1914, стр. 132; Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. СА, XXVI, 1956, стр. 251, рис. 9, 1.

¹²⁷ И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, № 57, 1956, рис. 3, 14.

¹²⁸ Фонды ГИМ, № 1451, 1452 и др.; ОАК, 1908, стр. 127, рис. 184.

металлов, встречаются в позднеантичных и раннесредневековых могилах Причерноморья. Издавая такую массивную золотую серьгу из Херсонеса, Н. В. Пятышева отмечает их варварский характер и считает возможным связать их с аланским влиянием¹³³, указывая на находки подобных серег в Суук-су, Чми, Верхней Рутке. Она считает, что серьги эти не были парными и их носили по одной в правом ухе. Наце погребение показывает, что мнение это ошибочно; о том же свидетельствуют и материалы Борисовского могильника, где эти серьги, выполненные в серебре, очень типичны и обычно встречаются парами¹³⁴.

Перстни при наших раскопках встречены в четырех погребениях. В могиле 57 перстнем служило простое колечко из серебряной проволоки (табл. XXXV, 8), в погребении 75 — колечко из двух витков бронзовой проволоки (табл. XXXV, 1). Такие перстни ничем не отличаются от рассмотренных выше височных колец и определение их как перстней основывается только на факте находки их на фалангах пальцев. В самом раннем погребении 13 обнаружен золотой перстень очень простой формы — колечко из золотой пластинки с гладким щитком-утолщением на одной стороне (табл. XXXIV, 3)¹³⁵.

Наиболее интересен набор перстней из погребения 103. Здесь на пальцах обеих рук погребенного были найдены шесть перстней — четыре железных и два бронзовых.

¹³³ Н. В. Пятышева. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956, стр. 46, табл. VIII, 2.

¹³⁴ В. В. Саханеев. Указ. соч., стр. 131, 132, рис. 22, 5, 8, 9, 11.

¹³⁵ Близкий по форме золотой перстень происходит из раскопок Р. Х. Лепера в Херсонесе в 1909 г. (см. Н. В. Пятышева. Указ. соч., стр. 44, табл. VII, 16).

Все они представляют собой простые тонкие колечки с расширением с одной стороны, в которое вставлено маленькое чечевицеобразное полупрозрачное стеклышко (табл. XLV, 16). Такие перстни встречались в Танаисе и раньше, в Государственном Историческом музее хранится такой бронзовый перстень с прозрачной вставкой из раскопок В. Г. Тизенгаузена в 1867 г. Известны подобные перстни и из других мест¹³⁶. Вставки бывают не из стекла, а из какого-нибудь полудрагоценного камня — горного хрусталя, сердолика. На вставке иногда вырезается маленькое изображение. На двух перстнях из погребения 103 имеются такие резные изображения: на одном — рука, сжатая в кулак и держащая колосья мака, на другом — гиппокамп (табл. XL, 3, 4). М. И. Максимова в прениях по докладу о танаисском некрополе высказала предположение, что стеклышки с такими изображениями скорее всего выделялись на Боспоре. Она же обратила наше внимание на то, что изображения гиппокампа получили особое распространение в эпоху Августа, как его личный зодиакальный знак. Это соображение хорошо поддерживает нашу датировку погребения 103 первой половиной I в. н. э., установленную на основании других данных. Интересную параллель нашему комплексу перстней из могилы 103 дает инвентарь подбойной могилы 14, раскопанной А. Авдеевым в 1853 г. к востоку от городища. В этой могиле были найдены три бронзовых перстня со стеклянными вставками, на одном из которых была, вероятно, изображена пчела, на другом — какое-то другое насекомое¹³⁷.

¹³⁶ Например, железные перстни из некрополя Фанагории (И. Д. Марченко. Указ. соч., стр. 120, рис. 4, 14).

¹³⁷ Архив ИА, ф. 9, д. 25, л. 83.

Другие металлические украшения

Кроме фибул, браслетов и колец, встречающихся в могилах, как мы видели, довольно постоянно, жители Танаиса употребляли и другие металлические украшения, представленные в погребениях единичными экземплярами. О золотых и бронзовых бусах мы будем говорить в следующем разделе. Наряду с бу-

сами употреблялись также пронизи и подвески. Две бронзовые пронизи найдены в погребении 46 I в. н. э. (табл. XXXV, 9, 10). Они лежали в щогах костяка вместе с несколькими бусинками и, вероятно, составляли вместе с ними браслет, одетый на ногу.

Золотые пронизи входили в состав инвен-

таря трупосожжения 13. Они также были найдены вместе с пастовыми и золотыми бусами, с которыми, по-видимому, составляли одно ожерелье. Четыре пронизки, изготовленные из листового золота, имели форму «гераклова узла», широко распространенную в золотых украшениях эллинистического времени (табл. XXXIV, 4). Гораздо более оригинальна пронизка из того же погребения, представляющая собой тисненую золотую бляшку с напаянной на обороте трубочкой (табл. XXXIV, 1). Очень близкая ей золотая бляшка, вероятно тоже пронизка, была найдена при раскопках разграбленного эллинистического погребения в окрестностях Майкопа в 1900 г.¹³⁸ Разница заключается лишь в том, что середина нашей пронизки украшена тисненым изображением человеческой головки, а майкопская розеткой. Золотые пронизки в виде маленьких рубчатых трубочек встречены в разрушенном погребении 68, I в. н. э. (табл. XXXVI, 3). Подобные пронизки встречались в некрополе Танаиса и раньше¹³⁹.

Не являются новостью в танаисском некрополе также и золотые нашивные бляшки, обнаруженные при наших раскопках в могилах 68 и 105 (табл. XXXV, 1, 2, 4; XXXVII, 2). Все бляшки танаисского некрополя принадлежат I в. н. э., но подобные бляшки были широко распространены в скифском мире уже в эллинистическую эпоху, найдены они, в частности, в курганах у ст. Елизаветовской, в «Частых курганах» на Дону, в Мелитопольском кургане, в Неаполе в Крыму и во многих других местах¹⁴⁰. Кроме этих бляшек, в танаисском погребении 68 встречена еще одна сравнительно большая золотая бляшка, являющаяся индикацией с изображением женской головы в профиль (табл. XXXV, 1).

В могиле 57 I в. н. э. найдена подвеска в виде двух маленьких цилиндров из медного листа (табл. XXXV, 5). Очень похо-

жая бронзовая подвеска в виде двух ведерок была обнаружена в 1951 г. в кургане 5 у с. Усть-Каменка в Днепропетровской области в погребении вместе с различными вещами I в. н. э., в том числе с фибулами с подвязанной ножкой¹⁴¹. Такие же подвески из золотых пластинок были встречены в погребениях 502 и 599 в Херсонесе¹⁴². Н. В. Пятыева с полным основанием видит в этих подвесках амулеты-обереги; она связывает ношение их не с греческими, а с варварскими представлениями¹⁴³. Амулеты в виде ведерок выделялись не только из металла, но и из стеклянной пасты; в частности, в коллекциях Государственного Эрмитажа хранятся три такие пастовые подвески, найденные в некрополе Танаиса при раскопках В. Г. Тизенгаузена в 1867 г. (ТН-108). Они найдены вместе с десятком других подвесок апотропеического характера, что подчеркивает их культовое значение.

При наших раскопках прежде в могилах встречались бронзовые колокольчики. В погребениях 80 и 84 это были миниатюрные тонкие медные колпачки с язычками из бронзы или железа (табл. XXXIX, 5, 6); в могиле 79 найден колокольчик большей величины, конической формы, с треугольными прорезями и петлей для подвешивания сверху (табл. XXXVIII, 8). Совершенно такие же колокольчики встречаются в древностях Северного Кавказа, относимых к первым двум векам нашей эры. При этом оба типа колокольчиков встречаются иногда в одном комплексе¹⁴⁴. Впрочем, подобные колокольчики встречаются не только на Северном Кавказе, но и в некоторых других местах, в частности пререзной колокольчик был найден в том же погребении у Усть-Каменки, в котором оказалась и медная подвеска в виде ведерок¹⁴⁵.

Датируются эти колокольчики везде концом I в. до н. э. и I в. н. э.

¹³⁸ ОАК, 1900, стр. 36—37, рис. 91.

¹³⁹ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 65.

¹⁴⁰ А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, 35, 1910, стр. 97, рис. 5, 5; С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воропеем. СА, VIII, 1946, стр. 24—25, рис. 10, 6; стр. 48, рис. 40, 1; А. И. Тереножкин. Скифский курган в г. Мелитополе. КСИА, 5, 1955, стр. 26, рис. 3, 1; П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. XXIII—XXVII.

¹⁴¹ Нариси стародавньої історії Української РСР, Київ, 1957, стр. 237, рис. 5.

¹⁴² ОАК, 1895, стр. 8 рис. 25; стр. 113, рис. 284.

¹⁴³ Н. В. Пятыева. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956, стр. 60—61.

¹⁴⁴ См., например, могилу 18 Усть-Лабинского могильника (Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 201, рис. 18, 28, 29).

¹⁴⁵ Нариси..., стр. 237, рис. 3.

Бусы

Выше мы уже говорили о том, что обилие в погребениях бус является характерной чертой танаисского грунтового некрополя. Они найдены почти во всех погребениях, в которых сохранился хоть какой-нибудь инвентарь. Подавляющее большинство танаисских бус сделано из стеклянной пасты. Реже встречаются бусы из гешира (гагата) и лишь в единичных случаях — бусы из других материалов: металла (золота и меди), песчаника, сердолика, янтаря, кораллов. Формы, размеры, расцветка всех найденных бус подробно описаны выше. Здесь мы лишь укажем основные, особенно характерные для каждого хронологического периода типы.

В трупосожжении 13, относящемся к III в. до н. э., найдены бусы пастовые (табл. XLII, 1, 2) и золотые (табл. XXXIV, 2). Вряд ли они составляли единое украшение, скорее золотые бусы образовывали ожерелье вместе с золотыми пронизками в виде гераклова узла. Точную аналогию этим биконическим полым золотым бусинкам составляют золотые бусы, найденные Р. Х. Лепером при раскопках херсонесского склепа 113¹⁴⁶. Пастовые бусы представлены в нашем погребении тремя типами, довольно обычными для эллинистического и раннеримского времени. В частности, серые округлые пастовые бусины с белыми поясками встречаются в погребениях мавзолея Неаполя¹⁴⁷ II—I вв. до н. э.

Из относительно ранних могил танаисского некрополя наиболее интересный набор бус содержит погребение 15 II в. до н. э. (табл. XLII, 3; XLIII, 1, 2). Погребенная здесь женщина имела не только ожерелье на шее, но и браслеты из бус на левой руке и на ногах. Ожерелье и браслеты были составлены из бус самой различной формы и цвета, пастовых, гешировых и сердоликовых. Среди пастовых бус мы находим широко распространенный в быту танаисцев мелкий рубленый бисер, цветной или золоченый, бочкообразные бусы с внутренней позолотой, округлые глазчатые бусы и др. Гешировые бусы представляют собой скорее подвески, поскольку отверстие у них проделано не в центре, а

близко к краю; подвески эти имеют грушевидную или стреловидную форму¹⁴⁸.

Такой же богатый набор бус содержится в погребении 72, датируемом I в. до н. э. или I в. н. э. (табл. XLVI). Кроме уже указанных типов, здесь найдены пастовые бусы с продольными полосками разных цветов, большая округлая пастовая бусина, украшенная разноцветными зигзагами, гешировые бусы цилиндрической и биконической формы, гешировые бусинки-колечки и многие другие.

В других могилах II—I вв. до н. э. (№ 9, 58, 69, 75) встречаются пастовые бусы тех же и близких форм, образующие чаще всего ожерелье, иногда браслеты (№ 9). Интересна найденная в могиле 49 крупная бусина из светлого песчаника, украшенная продольными и поперечными врезанными бороздками (табл. XLIV, 5). Похожая бусина, но сделанная из пасты, найдена в одном из погребений Усть-Лабинского могильника. Вообще многие пастовые и гешировые бусы танаисских погребений находят себе аналогии в материале усть-лабинского некрополя¹⁴⁹.

В погребальных комплексах I в. н. э. (№ 16, 34, 38, 46, 57, 59, 68, 101, 105, 110) встречаются многие типы бус, известные и раньше: глазчатые бусы, рубленый бисер, округлые или биконические пастовые бусины разных расцветок, гешировые и сердоликовые бусы. Наряду с ними попадаются и новые формы бус, например, двойные и тройные пастовые бусины. Наиболее богат набор бус из погребения 121 (табл. XLIX); среди очень разнообразных бус здесь найдены цилиндрические пастовые бусины со многими бугорками, а также округлая крупная янтарная бусина. Другой интересный комплекс бус происходит из погребения 103 (табл. XLVIII, 8). Там обнаружено всего несколько бус от ожерелья, но среди них имеется одна большая бусина из оникса, два куска светло-розового коралла, пастовая веретенообразная подвеска, сердоликовая

¹⁴⁶ Н. В. Пятыхева. Указ. соч., стр. 62, табл. XII, 1.

¹⁴⁷ П. Н. Шульц. Указ. соч., табл. XXII, 2, 18.

¹⁴⁸ Ср. П. Н. Шульц. Указ. соч., табл. XXII, 18; П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, I, 1936, стр. 146, рис. 18.

¹⁴⁹ Н. В. А н ъ и м о в. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской, рис. 14.

круглая бусина, гешировая прошивка в виде двойного топорика¹⁵⁰.

Следует отметить еще употребление в I в. н. э. крупных гешировых бус (№ 79, 88) (табл. XLV, 11, 13). В некоторых случаях они, может быть, употреблялись как застежки; например, так они могли использоваться в погребении 79, где были найдены на груди костяка. В той же могиле найдены и две массивные бронзовые бусины или прошивки.

Во II—III вв. н. э. типы бус, встречаемых в погребениях (№ 32, 42, 31, 81, 85, 86, 117), остаются в основном теми же, в частности применяются часто двойные и тройные бусины. Но в соответствии с общим обеднением могильника, о котором говорилось выше, и наборы бус становятся гораздо скромнее.

Мы видим, таким образом, что на протяжении всего существования Танаиса жители его очень широко использовали для украшения бусы из различных материалов. Самые типы бус из танаисских погребений не представляют собой чего-либо необычного: все они нередко встречаются в раскопах античных городов и некрополей не только Север-

ного Причерноморья, но и других районов¹⁵¹. Однако подбор бус в отдельных погребальных комплексах (№ 15, 72, 103, 121), соединение в одном ожерелье бус, сделанных из различных материалов, совершенно разных форм, величин, расцветок, стремление к мозаичной пестроты и яркости в украшениях изобличают варварские вкусы жителей Танаиса. Об этом же говорит и использование бус для создания браслетов, которые носились на запястьях рук (№ 15, 34, 38, 31, 94) и даже на ногах (№ 15, 38, 46, 85). Возможно, что бусами украшались и некоторые части одежды, в частности пояс, поскольку в некоторых случаях бусы были найдены возле тазовых костей погребенных (№ 69, 121). Использование бус в качестве материала для ручных и ножных браслетов и для расшивки одежды засвидетельствовано у сарматов Нижнего Поволжья¹⁵². Можно думать, что и в Танаисе такое употребление бус определялось обычаями сарматской части населения.

¹⁵¹ Показателем, например, комплекс бус, найденных в некрополе античного Одесса в 1959 г. и доставленных в музей г. Варны. В этом комплексе, датированном монетой I в. до н. э., находятся точные аналоги многим танаисским бусам.

¹⁵² В. П. Шелов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 440.

4. ПРОЧИЕ НАХОДКИ

Керамика, оружие и украшения составляют обычный инвентарь танаисских могил. Другие предметы встречаются в них значительно реже. Чаще других вещей попадают предметы туалетного назначения. Это прежде всего зеркала. Они встречены при наших раскопках в четырех погребениях (№ 13, 15, 26, 103); к сожалению, только в могиле 103 зеркало сохранилось целиком, в остальных погребениях найдены лишь обломки. Зеркала встречались в танаисских могилах и раньше, они детально изучены и хронологически определены Т. Н. Книпович¹⁵³. Наше зеркало из могилы 103 (табл. XXXVII, 1) принадлежит к выделенной Книпович четвертой группе зеркал с боковой ручкой, группе, которой исследовательница вполне обоснованно приписывает не-

греческое происхождение, ссылаясь на находки этих зеркал в областях Прикубанья и Нижнего Поволжья. Сейчас можно уже вполне уверенно связывать эти зеркала с сарматской культурой, поскольку они неизменно встречаются в сарматских могильниках¹⁵⁴. Вероятно, к этому же или близкому типу принадлежало и зеркальце, обломки которого найдены в погребении 26 I в. н. э.

¹⁵⁴ P. Ra u. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, стр. 90 и сл. Сошлемся еще только на последние находки, опубликованные после выхода в свет работы Т. Н. Книпович: М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка, стр. 238, табл. V, 8 (ср. «Археология», VIII, стр. 69, рис. 6, 5); Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской, стр. 193, рис. 18, 6; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, рис. 30а, 7; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел. Иловатка и Политотдальское, рис. 19, 12.

¹⁵³ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 55—59.

(табл. XXXV, 2). Что касается зеркал из более ранних погребений 13 и 15, то о них можно сказать очень мало. По-видимому, они принадлежали к группе обычных античных зеркал в виде тонкого бронзового диска с прикрепленной ручкой. Зеркало из трупосожжения 13 имело на обороте врезанные кощентрические круги.

В двух могилах (№ 95 и 101) найдены серебряные флаконы туалетного назначения с шарообразным туловом и цилиндрической шейкой (табл. XI, 5, 6.). Флаконы закрываются цилиндрическими крышечками, у одного из них крышечка украшена вставкой. Большой флакон, найденный в могиле 101, снабжен четырьмя серебряными ушками, прищипанными попарно на тулово и крышечку флакона; через эти ушки продевался шнурок для ношения флакона на груди (флакон найден между грудной клеткой и правой рукой костяка). Аналогии нашим флаконам представляют два хорошо известных золотых сосудика несколько более позднего времени: украшенный гранатами флакон из керченского погребения, приписываемого боспорскому царю Рискупориду III, и золотой флакон с рельефными изображениями зверей из Новочеркасского «клада»¹⁵⁵. Хотя указанные золотые сосуды принадлежат уже первой половине III в. н. э., а наши флаконы должны относиться, судя по остальному инвентарю могилы 95 к I в. н. э., нет никаких сомнений в том, что мы имеем здесь дело с сосудами, генетически связанными: роскошные флаконы из Керчи и Новочеркасска являются дальнейшим развитием и усложнением формы, в чистом виде выступающей в наших серебряных сосудиках. Форма эта, несомненно сарматского происхождения, продолжает бытовать в сармато-аланской среде в течение долгого времени; различными вариантами этой формы являются золотой флакон, найденный в ольвийском некрополе в 1913 г.¹⁵⁶, золотой флакон с фигуркой льва на крышке из той же Ольвии¹⁵⁷ и серебряный позолоченный флакончик из Ново-Михайловского

могильника около Туапсе, датируемого VI—VII вв. н. э.¹⁵⁸

Вероятно, туалетное назначение имеет и алебастровый сосуд, обнаруженный в погребении 16 (табл. XXIII, 7). В качестве своеобразных туалетных сосудиков использовались и раковины беззубки, найденные в погребениях 58 и 85. О коробочке-брошке из погребения 101, в которой, видимо, хранились румяна, мы уже говорили. Наконец, следует упомянуть о каменной плитке для растирания красок, встреченной в могиле 57.

В погребении 30 найдена железная пряжка с подвижным язычком. Пряжкой же могло служить и железное колечко, обнаруженное около шейных позвонков в погребении 49. Бронзовая пряжка для ремня из могилы 79 (табл. XXXVIII, 12), вероятно, принадлежала уздечному набору. Значительный интерес представляют обломки тонкой медной пластинки, найденные в могиле 98 (табл. LV, 2); судя по форме их, пластинка служила обкладкой ремня. На одном из них мелкими отверстиями-наколами выполнен сарматский тамгообразный знак. Тамгообразные знаки вообще были очень распространены в Танаисе. Хорошо известны такие знаки на танаисских надписях¹⁵⁹. Во время наших разведок в Танаисе в 1950 г. была найдена известняковая плита с рядом тамгообразных знаков на поверхности. Другая такая же плита найдена в Танаисе еще в 1912 г.¹⁶⁰ В 1957 г. при раскопках Недвиговского городища Нижне-Донской экспедицией была обнаружена еще одна плита с сарматским знаком и остатками греческой надписи, совершенно нечитаемыми. При тех же раскопках найдено еще несколько вещей со знаками: свинцовая гирия, на которой тамгообразный знак инкрустирован медью, горло амфоры с процарапанным знаком и, наконец, обломок блюда также с процарапанным тамгообразным знаком. Последняя находка сделана при раскопках мекрополя на участке III в 1955 г.¹⁶¹

¹⁵⁵ Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 352, рис. 38.

¹⁵⁶ В. F a r m a k o w s k y. Archäologische Funde in Russland in den Jahren 1911—1913. «Archäologischer Anzeiger», XXIX, 1914, стр. 254, рис. 79.

¹⁵⁷ ОАР, 1868, стр. 53, табл. I, 10.

¹⁵⁸ А. А. Спицын. Могильник VI—VII вв. в Черноморской области. ИАР, 25, 1907, стр. 189—190, рис. 5, 10.

¹⁵⁹ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, № 1, 12—16, 38.

¹⁶⁰ Там же, № 55, 56.

¹⁶¹ Знак издан Э. И. Соломоник (Указ. соч., № 152).

Из других находок в танаисских могилах, раскопанных в 1955—1958 гг., отметим еще железные удила (табл. XXXII, 6) и набор бронзовых бляшек, скреплявших и украшавших ремни конской узды (табл. XXXVIII, 9, 13, 14), положенной в могилу 79, остатки какой-то деревянной вещицы, вероятно, шкатулки, с бронзовым замочком из разграбленного погребения 68, обрывки кожаной обуви (табл. XXXIX, 4) и золотой парчи (табл. XXXVI, 6) из той же могилы. Наконец, следует упомянуть о единственной найденной в погребении монете. Это медная римская монета императора Августа, обтянутая с ли-

цевой стороны тонкой золотой фольгой (табл. XL, 1). Золотые монеты такого типа выпускались римским монетным двором в Лугдунуме между 2 и 11 гг. н. э.¹⁶², но субэратных монет этого типа до сих пор известно не было. Монета, как мы уже указывали, была положена в рот погребенному в положении «обола Харона», что является пока единственной подобной находкой в танаисском некрополе.

¹⁶² Определение В. В. Кропоткина (см. H. Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum, I, London, 1923, стр. 88—90, № 513—518).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКРОПОЛЯ

Общая характеристика грунтового некрополя Танаиса на основании материалов, добытых раскопками XIX и начала XX в., была дана в свое время Т. Н. Книпович. Ею же было произведено сопоставление этого некрополя с могильниками других северочерноморских городов. Имеющийся в нашем распоряжении значительный новый материал из раскопок танаисского некрополя Нижне-Донской экспедицией в 1955—1958 гг. заставляет нас вновь обратиться к этому вопросу, тем более, что со времени выхода в свет книги Книпович, посвященной Танаису, не только значительно увеличились наши сведения об этом древнем городе и его некрополе, но и были исследованы и опубликованы грунтовые некрополи ряда античных городов Северного Причерноморья, так же, как и могильники негреческого населения южнорусских степей. Эти вновь исследованные или недавно опубликованные памятники дают нам новый материал для сравнений и сопоставлений.

Прежде всего напрашивается, естественно, сравнение танаисского некрополя с некрополями других боспорских городов. Эти последние известны нам по старым и по недавним раскопкам довольно хорошо, хотя и неодинаково. Некрополь Танаиса роднит с некрополями таких больших боспорских городов, как Пантикапей, Нимфей, Фанагория, прежде всего наличие в нем, наряду с грунтовым могильником, больших курганных групп. Сходство можно проследить и в некоторых погребальных обычаях и обрядах, и в подборе некоторых категорий вещей в составе могильного инвентаря. Но во многом танаисский некрополь резко отличается от некрополей других городов Боспора

и сближается с могильниками племенного мира Северного Причерноморья. Чтобы выявить особенности танаисского некрополя в сравнении с другими памятниками той же эпохи, рассмотрим основные черты погребального обряда, насколько он нам известен ныне на основании всех археологических данных.

Безусловно, господствующим обрядом погребения в Танаисе, как, впрочем, и в других северочерноморских городах, было труположение. Мы уже видели, что за все время исследования танаисского некрополя там было открыто всего 12 трупосожжений: 11 — Н. И. Веселовским и одно нами в 1955 г. Общее же число раскопанных грунтовых погребений превышает 320. Все танаисские погребения с кремацией датируются в пределах III в. до н. э.— I в. н. э. К этому же времени относится значительное распространение обряда трупосожжения в пантикапейском грунтовом некрополе, где, впрочем, кремация, как сравнительно редкая форма погребального обряда, существовала на протяжении всей античной эпохи¹.

Вряд ли можно сомневаться в том, что обряд кремации в танаисском некрополе является результатом восприятия жителями Танаиса греческих обрядовых норм. Трупосожжение как форма захоронения вообще не характерна для обитателей степных районов нашего юга. Хотя кремация умерших спорадически и применялась у различных

¹ M. Rostowzew. Skithien und der Bosphorus. Berlin, 1931, стр. 192 и сл.; Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапей, его история, этнический и социальный состав. МИА, № 19, 1954, стр. 75.

племен еще с периода бронзы, труположение было всегда и повсеместно господствующим способом захоронения у всего населения Северного Причерноморья. Все занимавшиеся этим вопросом исследователи античных некрополей нашего юга согласны с тем, что обряд трупосожжения завезен в города Северного Понта греками и является одним из характерных проявлений греческой культуры в области погребальных обычаев².

В отношении танаисских погребений с трупосожжением это подтверждается и самим характером могил. Мы уже видели, что единственное открытое при работах Нижне-Донской экспедиции трупосожжение³ имеет, в виде исключения из общего правила, типично греческий инвентарь. Очень интересно богатое погребение в урне № 3 1908 г. с великолепным набором золотых предметов⁴. Хотя самое обилие золотых украшений, в том числе нашивных бляшек, больше соответствует не чисто греческим, а варваризованным вкусам, но во II в. до н. э., к которому относится это погребение, эти вкусы были широко распространены среди жителей античных городов нашего юга. Показательно, однако, что в урне № 3 отсутствуют какие-либо специфически варварские предметы убранства вроде колокольчиков, нестрога набора бус и т. п. Самые же ювелирные изделия, найденные в этом погребении, находят себе аналогию, как это показала Т. Н. Книпович, в эллинистических комплексах Европейского Боспора и принадлежат мастерской того же круга, что и известный тиритакский бронзовый штамп⁴.

Следует заметить, что урны, обычно употреблявшиеся в Танаисе для захоронения праха кремированного покойника, также полностью соответствуют урнам пантикапейского некрополя позднеэллинистического времени⁵.

² Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи Боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности. МИА, № 69, 1959, стр. 274; Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 75.

³ ОАК, 1908, стр. 124 и сл.; Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 61—63.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. СА, VI, 1941, стр. 298 и сл.

⁵ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 39, рис. 4; М. Rostowzew. Указ. соч., стр. 192—194.

Все сказанное приводит нас к убеждению, что применение обряда кремации в танаисском некрополе является данью греческим погребальным традициям. Что касается социальной принадлежности этого обряда, то нам представляется правильным положение Г. А. Цветаевой о том, что кремация употреблялась состоятельной частью боспорского населения⁶. Рассмотренные танаисские комплексы подтверждают это; косвенным подтверждением может служить и то обстоятельство, что большинство остальных урн, открытых Н. И. Веселовским в танаисском некрополе, найдено опустошенными грабителями.

Гораздо сложнее обстоит дело с простыми грунтовыми погребениями, составлявшими в Танаисе во все времена господствующий тип захоронений. Погребения в простых грунтовых ямах близкой к прямоугольной формы были одинаково характерны как для некрополей античных городов, так и для могильников Северочерноморских племен. Поэтому для выявления генетических связей необходимо сличение деталей погребального обряда и могильных сооружений.

Ранние грунтовые могилы танаисского некрополя нередко оказываются перекрытыми каменными плитами (№ 14, 15, 66, 70, 71, 72). В Танаисе этот прием устройства могил применялся до I в. н. э., а затем был оставлен. Перекрытие грунтовых могил каменными плитами было широко распространено в некрополях некоторых боспорских городов на протяжении всей античной эпохи. Этот способ перекрытия земляных могил применялся главным образом в некрополях городов Европейского Боспора — Пантикапея, Нимфея, Тиритаки, Мирмекия, а также в принадлежащем неизвестному боспорскому поселению кыз-аульском некрополе I—II вв. н. э.⁷ В грунтовых некрополях бедного камнем Таманского полуострова перекрытие земляных могил каменными плитами встречается как редкое исключение⁸. Зато в таман-

⁶ Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 75.

⁷ Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 66, 80; Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 263; Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, № 69, 1959, стр. 23, 24; В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. МИА, № 4, 1941, стр. 63; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 200, 206, 216—222.

⁸ Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., 1957, стр. 37.

ских некрополях на мысе Тузла и около хутора Кротенко в течение всей античной эпохи широко практиковалось перекрытие могильной ямы деревом — досками или даже бревнами⁹. Из некрополей европейской стороны Боспора только в пантикапейском могильнике может быть отмечено систематическое использование дерева для покрытия грунтовых могил¹⁰. Несомненно не лишены оснований попытки видеть в дощатых перекрытиях земляных могил античных некрополей отражение каких-то негреческих погребальных традиций, — предположительно скифо-меотских для Таманского полуострова¹¹, скифских для Пантикапея¹² или Ольвии¹³. Однако безоговорочно признать эту форму могильных сооружений скифо-меотской или скифской мешает все же ряд соображений. Первое из них то, что аналогии для деревянных перекрытий грунтовых могил античных некрополей дают только подкурганные погребальные сооружения скифов и меотов, кубанские же грунтовые могильники, принадлежащие бесспорно меотам, совершенно не знают могил с дощатым покрытием. Интересно и то, что в фанагорийском некрополе, содержащем очень значительный процент безусловно туземных захоронений, могилы, покрытые деревом, никогда не встречаются.

Следует обратить внимание и на тот факт, что в Пантикапее могилы с дощатым покрытием характерны для раннего времени, VI—IV вв. до н. э., т. е. для периода, когда местный негреческий элемент был представлен в населении города слабее, чем в последующие эпохи. Наконец, нельзя сбрасывать со счета и наличие обычая устраивать деревянные настилы поверх могильных ям в ряде центров греческой метрополии. Нам представляется совершенно правильной точка зрения Е. Г. Кастанаян на ряд особенностей боспорских погребальных обрядов, общих как некрополям греческих городов, так и могильникам аборигенного населения Северного Причерноморья; к числу этих особенностей относится и применение земляных могильных ям, перекрытых деревом. Из принесенных в

Северное Причерноморье греческими колонистами обрядов и обычаев получили наиболее широкое применение и распространение те, которые в какой-то степени соответствовали представлениям и обычаям местного населения. Приобретая некоторые местные черты, они стали специфическими особенностями северочерноморских, в частности боспорских некрополей¹⁴.

В Танаисском некрополе применение дерева для перекрытия могил может быть прослежено, как мы видели, только с I в. н. э. (№ 61, 68, 79, 80, 95, 100, 102, 110). Деревянные доски или плахи всегда клались поперек могильной ямы, иногда на специальные ступеньки, земляные, вырытые в продольных стенках ямы, или выложенные камнем. Использование особых земляных приступок в качестве опор для деревянного перекрытия засвидетельствовано и в пантикапейском грунтовом некрополе¹⁵.

В Танаисе деревянные перекрытия могил заменили собой перекрытия каменными плитами, распространенные в основном в более раннее время. Впрочем, раскопки 1853 г. показали, что каменные плиты употреблялись еще в I в. н. э. для перекрытия совершенно таких же могил с продольными приступками, какие в других случаях перекрывались досками¹⁶. Вообще, видимо в древности не придавали большого значения разнице в перекрытии могильных ям каменными плитами или деревянными плахами; об этом свидетельствует наличие в тиритакском и пантикапейском некрополях комбинированных перекрытий могил, состоящих частью из дерева, частью из камня¹⁷.

В танаисской могиле 110 удалось установить ширину и толщину досок, перекрывавших могилу. Ширина их составляла 10—12 см, толщина — 1,5 см. Выше этого деревянного перекрытия был прослежен слой травы или камки. В других гробницах аналогичной конструкции не удалось заметить применения таких растительных прокладок, но вполне вероятно, что это объясняется очень плохой сохранностью органических остатков в танаисской почве; даже дерево обычно со-

⁹ Там же, стр. 8, 12, 18, 28, 36, 38, 43, 44, 51; Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 288 и сл.

¹⁰ Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 66, 69;

Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 258, 261 и сл.

¹¹ Н. П. Сорокина. Указ. соч., стр. 43, 44, 51.

¹² Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 261, 262.

¹³ С. И. Капошина. Погребение скифского типа в Ольвии. СА, XIII, 1950, стр. 212.

¹⁴ Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 286, 287, 293.

¹⁵ Там же, стр. 258.

¹⁶ Архив ИА, ф. 9, д. 25, л. 84, № 11, 15.

¹⁷ Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 260; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 216, 220, 221.

храняется лишь в виде следов коричневого гумуса. Использование камки в могилах очень интересно, поскольку этот обычай в Северном Причерноморье имеет совершенно определенный район постоянного применения, а именно Таманский полуостров с его синдро-меотским населением. В пантикапейском некрополе наличие камки сверх деревянного перекрытия могилы отмечалось лишь в качестве редкого исключения¹⁸. Но в тузлинском некрополе и в могильнике около хутора Кротенко на азиатской стороне Боспора перекрытие деревянного настила могилы камкой, иногда смешанной с ракушками или морским песком, — очень частое явление¹⁹.

В некрополе Фанагории, где деревянные перекрытия могил не употреблялись, слои камки клались сверху на крышку гроба или саркофага²⁰.

Камка употреблялась в тех же могильниках Таманского полуострова не только для перекрытия погребения сверху, но и в качестве подстилки под тело погребяемого²¹, главным образом в тех случаях, когда покойника клали в могилу без гроба. Нередко слои камки и подстилали и перекрывали труп. Такое же употребление камки обнаружено и в одной из танаисских могил (№ 12) II—III вв. н. э., где камка и подстилала костяк и перекрывала его. Совершенно несомненно, что широкое использование камки в погребальном обряде таманских некрополей генетически связано с обычаями местного синдро-меотского населения. Подобное применение камки известно в Прикубанье еще с эпохи бронзы²². Поэтому мы можем предположить, что и соответствующие погребения танаисского некрополя, в которых использована камка, отражают черты синдро-меотского погребального обряда. В этой связи следует упомянуть еще о том, что дно самой большой и, вероятно, самой богатой из открытых нами в Танаисе могил, могилы 68, было покрыто тонким слоем щебенки или, скорее, известняковой крошки. Это невольно напоминает широкое распространение грун-

товых подсыпок в некрополях все того же Таманского полуострова, морского песка или ракушек в Тузлинском могильнике²³, серой глины — в некрополе Фанагории²⁴. Впрочем, применение подсыпок в могилах можно наблюдать иногда и в некрополях Европейского Боспора, например в погребениях Кыз-Аульского могильника²⁵ и в некоторых сарматских погребальных сооружениях²⁶.

Своеобразной особенностью танаисского некрополя является наличие в некоторых погребениях ограждений из каменных плит, вертикально поставленных с одной стороны от погребенного, вдоль длинной стенки могильной ямы. Такие ограждения или их остатки встречены нами в 10 погребениях (№ 10, 15, 16, 19, 22, 34, 49, 58, 63, 77), причем в одном случае, в детской могиле 34, такие оградки были сооружены с обеих сторон от покойника. В детской могиле 24 каменные плиты для этой цели были заменены большими обломками стенок амфор. В подавляющем большинстве случаев костяки в этих могилах имеют восточную или северо-восточную ориентацию и лежат на спине, в вытанутом положении. Только в могиле 22 наблюдается необычная для танаисского некрополя ориентация погребенного головой на юго-запад. Оградки из камней помещаются безразлично, то справа от погребенного, т. е. вдоль северной или северо-западной стенки могилы, то слева от него, т. е. вдоль южной стенки могильной ямы. Насколько можно судить по инвентарю погребений, этот тип погребальных сооружений существовал в Танаисе с III в. до н. э. до II в. н. э. Единственную известную нам аналогию этим своеобразным оградкам составляет несколько погребений некрополя Тиритакки, раскопанных в 1934 г.²⁷ Там, в районе к югу от Красной Горки обнаружено четыре могилы с такими же продольными ограждениями из вертикально поставленных камней и плит. К сожалению, все они либо вовсе не имеют инвентаря, либо инвентарь их так незначителен, что не позволяет твердо датировать погребения. Судя по их залеганию в на-

¹⁸ ИАК, 56, 1914, стр. 8.

¹⁹ Н. П. Сорокина. Указ. соч., стр. 18, 25, 51.

²⁰ В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. МИА, № 19, 1951, стр. 198, 200, 205.

²¹ Н. П. Сорокина. Указ. соч., стр. 8, 15, 18; И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, № 57, 1956, стр. 105, 112, 118, 123.

²² Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 263.

²³ Н. П. Сорокина. Указ. соч., стр. 14, 15, 18, 29.

²⁴ И. Д. Марченко. Указ. соч., стр. 105.

²⁵ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. стр. 190, 194, 198, 208.

²⁶ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА, стр. 222—223.

²⁷ М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритакки в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 84.

сыпном грунте они должны принадлежать римскому времени. Это подтверждается и тем, что еще одна такая могила, также без вещей, была открыта в том же году на самой Красной Горке в грунте, составившем засыпь дромоса склепа I—II вв. н. э.²⁸

Вряд ли можно сомневаться в том, что воздвижение продольных оградок из камней вдоль могилы отражает какие-то местные погребальные обычаи, но указать генезис этого явления мы пока не можем за отсутствием сравнительных данных. Во всяком случае в Танаисе этот обычай был довольно значительно распространен и был достаточно прочно усвоен жителями. Об этом говорит не только число погребений с продольными оградками и длительность периода, когда практиковалось их сооружение, но и тот факт, что оградки эти могли в отдельных случаях возводиться из другого материала (могила 24). Последнее, несомненно, говорит о прочности традиции, заставлявшей прибегать к устройству оградок при любых условиях, даже из очень мало подходящего для этого материала.

Продольные каменные оградки в танаисском некрополе сочетаются с другими не менее интересными могильными сооружениями. Мы имеем в виду кольцевые ограды, возводимые на поверхности земли вокруг уже засыпанной могилы. Такие ограды обнаружены вокруг трех погребений — 28, 49 и 68; в последнем случае ограда представляла собой хорошо сложенную каменную стенку почти метровой толщины и высоты, образующую на поверхности над могилой каменное кольцо 10—11 м диаметром. В двух других могилах, а также еще в нескольких случаях, когда принадлежность кольцевой ограды определенной могиле установить не удалось, ограды состояли из беспорядочно набросанных необработанных камней и образовывали круг диаметром 2,5—3 м. В погребении 49 кольцевая наземная ограда сочеталась с продольной оградкой из вертикально поставленных камней, сооруженной внутри могильной ямы слева от костяка.

В восточном Крыму, главным образом к югу от Керчи, хорошо известны кольцеобразные ограды из необработанных камней, лежащие на поверхности земли и имеющие разные размеры. Они очень мало исследованы, и им приписывается самое различное проис-

хождение и назначение. Но не подлежит сомнению, что по крайней мере некоторые из этих каменных кругов заключают внутри себя погребения и являются частью могильного сооружения. Такова плитовая гробница III в. до н. э. с каменным крутом над ней, раскопанная у Такильского мыса в 1929 г.²⁹ Таковы каменные плитовые могилы с кольцеобразными каменными оградками, открытые у Кюль-тепе и относящиеся к IV в. до н. э.³⁰

Эти памятники заставляют нас связывать кольцевые оградки танаисских погребений с какими-то культовыми традициями аборигенного населения Керченского полуострова, скорее всего скифского. Видимо, в этом же направлении ведут нас и указанные тиритакские аналогии прямым продольным ограждениям некоторых танаисских могил.

Совсем другие генетические связи открывает нам другой вид погребальных сооружений, встречающийся в грунтовом некрополе Танаиса — подбойные могилы. Число их очень невелико: одна подбойная могила была найдена в 1853 г.³¹ и три раскопаны Нижне-Донской экспедицией (№ 105, 107, 116). Очень возможно, что в действительности подбойные могилы занимали в танаисском некрополе значительно большее место, чем это представляется по этим цифрам: состояние грунта в районе некрополя таково, что в большинстве случаев оказывается невозможным проследить очертания могильной ямы; надо полагать, что среди могил, формы которых не могли быть установлены, находились и подбойные могилы.

Все три подбойные могилы, открытые нами, устроены одинаково (устройство могилы, раскопанной А. Авдеевым не описано). Подбой всегда сделан в глинистом материке, в длинной стенке продолговатой входной ямы. В двух случаях пол подбоя опущен на 10—15 см ниже дна входной ямы, в одном случае они лежат на одном уровне. Камни захлада обнаружены только в одной могиле (№ 105); ориентация продольных осей подбойных могил различная: С-Ю, В-З, ВСВ-ЗЮЗ. Из погребений в подбойных могилах

²⁹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.-Л., 1949, стр. 179—180.

³⁰ А. А. Дирин. Мыс Зюк и сделанные в нем археологические находки. ЗООИД. XIX. 1896, стр. 121 и сл.

³¹ Могила 7 «восточных насыпей». Архив ИА, ф. 9, д. 25, л. 83, № 7.

²⁸ Там же, стр. 75.

уцелели два: одно, раскопанное в 1853 г., — видимо, I в. н. э., другое в могиле 116, 1958 г., II—III вв. н. э.

Подобные могилы получают распространение в некрополях боспорских городов начиная со II в. до н. э., что безусловно связано с троникновением сарматских элементов в население этих городов³². Примерно в это же время и по той же причине подбойные могилы появляются и в трикубанских меотских могильниках³³. Нельзя сомневаться в том, что и в Танаисе подбойные гробницы являются результатом сарматского влияния.

Остается упомянуть о последней категории танаисских погребений — о захоронении младенцев в амфорах или под обломками амфорных стенок. Обычай хоронить детей в сосудах безусловно завезен в Северное Причерноморье греками. Но он не получил значительного распространения в античных городах Боспора. В некрополе Пантикапея известны только единичные примеры подобных захоронений и то только в раннее время, в V—IV вв. до н. э.³⁴ Из всех боспорских городов только в одной Фанагории захоронение в сосудах (и не только в амфорах, но и в кувшинах) применяется постоянно на протяжении всей античной эпохи³⁵.

Почему именно в Фанагории и только в ней получил распространение этот типично греческий обряд погребения, сказать не беремся. Еще неожиданнее широкое применение этого обряда в самом варваризованном из античных городов Северного Причерноморья — Танаисе, причем в позднюю эпоху.

В этом последнем явлении мы склонны усматривать отражение особенной прочности связей Танаиса именно с азиатской частью Боспора; к этому заключению подводят нас и некоторые прослеженные выше детали погребального обряда, свойственные некрополю

Танаиса и могильникам Таманского полуострова.

В танаисском некрополе нами открыто шесть детских погребений в амфорах I—IV вв. н. э. (№ 41, 56, 59, 123, 129, 132). Вероятно, вариантом этого обряда являются захоронения детей, при которых трупик ребенка кладся не в тулово амфоры, а прямо в грунт и сверху накрывался крупными обломками стенок амфор; таких погребений открыто пять (№ 81, 124, 125, 128, 130). Очень любопытно устройство небольшого детского кладбища II—IV вв. н. э. непосредственно под оборонительной стеной города. Других случаев выделения подобных детских некрополей мы не знаем.

Во внешнем оформлении танаисских могил использовались не только описанные кольцевые каменные опрады, но и антропоморфные надгробия. Несколько целых и фрагментированных таких надгробий найдено при раскопках некрополя Нижне-Донской экспедицией. В большинстве случаев это известняковые прямоугольные плиты, увенчанные на одной из коротких сторон круглым диском, схематически воспроизводящим голову человека. Такие надгробия известны во многих античных городах Северного Причерноморья в эллинистическое время и в первые века нашей эры³⁶. Одно из найденных в Танаисе надгробий имело какой-то рисунок: сохранились высеченные в камне прямые линии, образующие равнобедренный треугольник. Все встреченные при раскопках танаисского некрополя антропоморфные надгробия найдены в перерывом культурном слое и ни одно из них не может быть уверенно связано с определенным погребением. Это делает невозможным и твердое хронологическое определение этих довольно невыразительных в отношении датировок памятников. Все же некоторые косвенные данные позволяют предполагать, что антропоморфные надгробия употреблялись в Танаисе главным образом в последних веках до нашей эры. За это говорит то обстоятельство, что все до сих пор найденные надгробия и их обломки происходят из некропольского раскопа III, который содержал, как мы видели, и все танаисские могилы III—II вв. до н. э. Единственное исключение составляет надгробие, обнаруженное на городище в рас-

³² Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 73, 74; Н. П. Сорокина. Указ. соч., стр. 32, 44, 51; И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории, стр. 102, 117 и др.

³³ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской, МИА, № 23, 1951, стр. 169, 191, 205.

³⁴ Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 280, 285, 286.

³⁵ В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг., стр. 212, рис. 13, 3, 14, 7; М. М. Кобылина. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. МИА, № 19, 1951, стр. 246; И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг., стр. 111, 112, 118, 123.

³⁶ А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950, стр. 239 и сл.

копе VI, по эта находка подкрепляет наше предположение об относительно ранней датировке танаисских антропоморфных плит, поскольку надгробие было заложено в кладку, датируемую II в. до н. э. Наконец, следует напомнить, что одно из найденных на участке III надгробий предположительно может быть связано с трупосожжением 13 III в. до н. э.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в танаисском некрополе надгробных стел с рельефами и надписями, столь распространенные во всех античных городах эллинистического и римского времени. Отсутствие их резко выделяет некрополь Танаиса из всех могильников античных городов Северного Причерноморья. Т. Н. Книпович полагала, что с некрополем могли быть связаны каменные плиты, несущие на себе тамгообразные сарматские знаки³⁷. Однако у нас нет никаких оснований предполагать, что подобные плиты устанавливались на некрополе. Все известные находки их происходят с территории городища. В 1950 г. нами при разведках на Нижнем Дону была обнаружена известняковая плита, покрытая процарапанными тамгообразными знаками³⁸. Она была найдена в южной части городища Танаиса, вдали от некрополя. В 1957 г. при раскопках Танаиса была обнаружена, и тоже на территории городища, другая плита с тамгообразным знаком и остатками греческой надписи. Где была найдена плита, изданная В. А. Канским³⁹, неизвестно, но ничто не указывает на связь этой плиты с некрополем.

Переходя к характеристике обряда погребений в танаисских могилах, следует прежде всего отметить чрезвычайную редкость здесь групповых захоронений. Только дважды (погребение 22 «западных насыпей» 1853 г. и погребение 1 1908 г.) в одной могиле было найдено по два костяка, причем во втором случае оба захороненные были дети.

При наших раскопках была открыта только одна могила, в которой, может быть, находилось двое погребенных. Это совершенно разграбленная могила 61, в засыпи которой были найдены кости взрослого человека и

ребенка. Во всех остальных танаисских могилах, как раскопанных Нижне-Донской экспедицией, так и исследованных ранее, находилось по одному погребенному. Этим грунтовой некрополь Танаиса напоминает некрополи крупных городов Боспора и отличается от ряда могильников небольших периферийных поселений Боспора, в которых многократные захоронения умерших в одной могиле диктовались отчасти соображениями экономического порядка, отчасти переживанием традиций патриархально-родовых отношений⁴⁰.

Покойники в танаисских могилах клались либо прямо в грунт, либо в деревянные гробы. При раскопках Нижне-Донской экспедицией остатки деревянных гробов обнаружены в 11 могилах (№ 23, 28, 45, 49, 55, 60, 63, 70, 77, 102, 110). Дерево в танаисском грунте сохраняется очень плохо, и обычно остатки гробов прослеживаются лишь в виде древесного тлена под костяком и над ним; древесные волокна в таких случаях всегда располагаются вдоль могилы, а не поперек нее, как при открытии могилы деревянным настилом. Очень неблагоприятные для сохранения дерева грунтовые условия и полное ограбление многих могил некрополя позволяют думать, что количество могил с деревянными гробами было гораздо больше и что во многих случаях остатки этих гробов просто не дошли до нас. Во всяком случае, вероятно, о наличии гробов свидетельствуют находки в некоторых погребениях железных гвоздей (№ 88, 95, 101 и др.). Погребения в деревянных гробах встречались исследователям и при прежних раскопках Танаиса⁴¹. Следует отметить, что остатки гробов обнаружены в могилах почти всех типов: в простых грунтовых ямах, в могилах, перекрытых каменными плитами (№ 70) или деревянным настилом (№ 102, 110), в могилах с продольной каменной оградкой (№ 49, 63, 77) и с кольцевой оградой на поверхности (№ 49, 28). Плохая сохранность гробов не позволяет в большинстве случаев установить их форму; применение гвоздей говорит по-видимому об использовании дощатых гробов. Однако в нескольких случаях было совершенно отчетливо прослежено применение в качестве гроба долбленной колоды (№ 23, 45, 102 и

³⁷ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 36.

³⁸ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 111, № 56.

³⁹ В. А. Канский. Вновь найденные недвижовские плиты. «Записки Ростовского на Дону общества истории древностей и природы», II, 1914, стр. 138, рис. 2.

⁴⁰ Ср., например, В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 208.

⁴¹ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 38.

возможно 49). Если дощатые гробы той или иной формы встречаются во всех некрополях античных городов, то гроба-колоды мы не найдем ни в одном из них. Для подыскания аналогий и определения происхождения наших гробов-колод следует обратиться к сарматским памятникам Нижнего Поволжья. Там в раннесарматское время (III—I вв. до н. э.) иногда практиковалось захоронение детей в долбленых дубовых колодах⁴². Все погребения в колодах в Танаисе датируются I—II вв. н. э., тогда как вообще захоронения в деревянных гробах прослеживаются уже с III в. до н. э.

Положение погребенных в танаисском грунтовом могильнике очень однообразное. Почти все костяки лежат в вытянутом положении на спине; исключения из этого правила единичны. В могиле 11 погребенный лежал в вытянутом положении на правом боку; кроме этого необычного положения костяка могила 11 отличается от большинства танаисских гробниц еще тем, что в ней наблюдается редкая ориентировка покойника головой на ЮЮВ и что за спиной погребенного лежали три больших необработанных плиты; может быть, это остатки каменной продольной ограды, а может быть, и плиты, закрывавшие подбой, который мог в перерывом грунте так плохо сохраниться, что не был замечен при раскопках. В погребении 11 не оказалось никаких вещей. Почти без инвентаря оказались и оба открытые в некрополе погребения со скорченным положением костяков — № 21 и 30; в одном из них найдена только железная пряжка, в другом не было никакого инвентаря. По стратиграфическим условиям залегания оба погребения не могли быть совершены ранее I в. н. э. В обоих случаях погребенные лежали на левом боку, ноги их были резко согнуты в коленях, руки согнуты в локтях и подведены к черепу или выставлены вперед; ориентировка в одном случае головой на запад (№ 21), в другом — на восток (№ 30).

У нас нет никаких данных для определения происхождения скорченности костяков в танаисском некрополе. Как известно, некоторое количество погребений со скорченными костяками имеется во всех некрополях круп-

ных античных городов Северного Причерноморья. Эти погребения всегда расцениваются исследователями как свидетельство проникновения негреческих туземных культовых представлений и обрядов в античную среду⁴³. Скорченное положение погребенного было господствующим в погребениях степной полосы юга СССР еще в период бронзы, и эта особенность погребального обряда была воспринята в той или иной степени многими племенами, населявшими те же районы в раннем железном веке. Погребения со скорченным костяком встречаются в могильниках скифских, меотских, сарматских. Поэтому определение генезиса этого обряда в танаисском некрополе пока, до получения каких-то дополнительных данных, нам не представляется возможным.

За исключением трех указанных погребений все остальные исследованные могилы танаисского некрополя содержали костяки, лежавшие на спине. Руки и ноги покойников, как правило, были вытянуты. Однако в этом отношении встречаются и отклонения от обычного положения. В двух относительно ранних погребениях (III—I вв. до н. э.) труп умершего был положен на спину с вытянутыми вдоль тела руками, но с согнутыми в коленях ногами (№ 75, 76). После разложения тканей приподнятые кости ног упали в одном случае влево (№ 76), в другом — в разные стороны, образовав фигуру, подобную ромбу (№ 75). В погребениях 96 и 102 кости ног образовали в коленях слабо выраженный угол, вероятно также в результате того, что ноги лежавших на спине покойников были немного согнуты. Подобный способ захоронения умерших может считаться одной из разновидностей скорченного погребения⁴⁴. Этот вариант скорченности мы находим в меотских могилах IV—I вв. до н. э.⁴⁵

Существуют и другие отклонения от прямого вытянутого положения костяка; в детском погребении 69 слегка согнуты в колене левая нога и в локте правая рука; в погребении 47 также немного согнута в колене

⁴³ С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. СА, VII, 1941, стр. 161 и сл.; Е. Г. К а с т а н а я н. Указ. соч., стр. 283; В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 186.

⁴⁴ С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса, стр. 163.

⁴⁵ Н. В. А н ф и м о в. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской, стр. 164, 169.

⁴² И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 88, рис. 60; В. П. Ш е л о в. Калиновский курганный могильник. МИА. № 60 1959, стр. 456.

левая нога. Но у нас нет никаких данных, для того, чтобы определить, имеет ли здесь место простая случайность или какой-то специальный вариант погребального ритуала.

Гораздо более определенно содержание другого вида отклонений от обычного типа захоронения на спине с вытянутыми руками и ногами. Мы имеем в виду случаи, когда одна или обе руки погребенного, лежащего на спине, покоятся на лобке, на животе или на бедрах.

В погребениях 94 и 122 обе кисти рук лежали на костях таза; в погребениях 71, 44, 80, 103, 106 аналогичное положение занимала одна левая рука покойника. в могилах 40, 42, 48, 91, 98 — правая рука. Обращает на себя внимание, что все перечисленные погребения датируются уже первыми веками нашей эры, главным образом II—III вв. Происхождение этой особенности погребального обряда хорошо известно. Она характерна для сарматских погребений раннесарматского и среднесарматского времени в Нижнем Поволжье⁴⁶ и распространилась на другие области вместе с распространением сарматов в последние века до нашей эры. И. Д. Марченко пыталась видеть в аналогичном положении рук у костяков в фанагорийском некрополе воздействие синдо-меотских обычаев⁴⁷, однако эту попытку вряд ли можно считать удачной. Огромное большинство погребений фанагорийского некрополя, обладающих этой особенностью, относится уже к двум последним столетиям до нашей эры и к первым векам нашей эры, когда сарматизация Азиатского Боспора была уже очень значительной⁴⁸, а главное, в самих меотских могильниках погребения с вытянутым положением костяка и с кистями рук на тазовых костях появляются тоже сравнительно поздно, в период проникновения в Прикубанье сарматов⁴⁹.

Особо следует остановиться на танаисском погребении 82 II—III вв. н. э. Форма могиль-

ной ямы этого погребения полностью не прослежена, при раскопках она показалась неправильной, близкой к ромбу. Видимо, это объясняется тем, что углы ямы срезаны при различных перекопках, очень обильных в этом месте некрополя. Костяк лежал на спине в очень характерной позе: левая нога вытянута, правая полусогнута в колене, руки немного отведены в стороны. Эта «танцующая» поза костяков очень характерна для определенного типа сарматских погребений, так называемых диагональных, совершавшихся в квадратных могильных ямах⁵⁰.

Севершению точную аналогию нашему погребению составляет диагональное погребение из кургана 1 группы II у с. Успенка на р. Б. Иргиз. Разница заключается лишь в том, что в могиле из Успенки между ног погребенной женщины был положен трупик маленького ребенка — явление обычное в этой группе сарматских погребений⁵¹. Ориентировка нашего погребения 82 головой на запад-юго-запад тоже обычна для диагональных погребений. Открытие диагонального погребения в некрополе Танаиса интересно в том отношении, что это погребение не только свидетельствует о проникновении сарматов в население города, что совершенно ясно по многим признакам и без этого погребения, но и позволяет говорить об определенных этнических элементах внутри сарматского круга, поскольку диагональные погребения ныне приписываются роксоланам⁵².

Говоря о сарматских чертах в погребальном обряде Танаисского некрополя, следует упомянуть о находках кусочков реальгара в могилах 100 (I в. н. э.) и 85 (II в. н. э.). Реальгар, вероятно, символизирующий кровь или огонь, встречается часто в сарматских и ранне-сарматских погребениях Поволжья⁵³.

В III—II вв. до н. э. реальгар встречается

⁴⁶ К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 113; его же. Курганы у сел Иловатка и Политодельское, стр. 316; В. П. Шилов. Указ. соч., стр. 429, 456.

⁴⁷ И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг., стр. 104, 107.

⁴⁸ Там же, стр. 107, 111, 118, 123; В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939, 1940 гг., стр. 220.

⁴⁹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинская, стр. 192, 205.

⁵⁰ К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 215.

⁵¹ И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. I, стр. 62—63, рис. 38.

⁵² К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан, стр. 213 и сл.

⁵³ Б. Н. Граков. ГΥΝΑΙΚΟΚ ΡΑΤΟΥΜΕΝΟ. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 104, 109; В. П. Шилов. Указ. соч., стр. 428.

также в меотосарматских могильниках Прикубанья⁵⁴.

Ориентация костяков в танаисских могилах довольно устойчива. Подавляющее большинство погребенных ориентировано головой на восток или северо-восток. Всего удалось определить ориентировку погребенных в 107 могилах античного времени, раскопанных Нижне-Донской экспедицией: ВЮВ — 3, В — 39, ВСВ — 10, СВ — 15, ССВ — 8, С — 14, ССЗ — 1, СЗ — 1, ЗСЗ — 0, З — 3, ЗЮЗ — 2, ЮЗ — 2, ЮЮЗ — 0, Ю — 3, ЮЮВ — 3, ЮВ — 0, ВЮВ — 3. Таким образом, восточная и северо-восточная ориентировка (с небольшими отклонениями) наблюдается в 75 погребениях, что составляет почти $\frac{3}{4}$ всех могил с определенной ориентировкой. Особенно строго выдерживается эта ориентировка, как мы видели, в погребениях III—I вв. до н. э., которые не знают ни одного отступления от этого правила. Но и в могилах I в. н. э. традиционный обычай трупоположения головой на восток и северо-восток применяется постоянно и исключения единичны. Довольно компактная группа погребений с северной ориентировкой целиком принадлежит II—III вв. н. э. и, видимо, связана с проникновением в население Танаиса в это время новых этнических элементов, принесших с собой и некоторые новые черты погребального обряда.

Преобладание в Танаисе восточной и северо-восточной ориентировки погребенных требует некоторых пояснений. Такая ориентировка является преобладающей во всех античных некрополях Северного Причерноморья, хотя всегда в них наряду с костяками, положенными головой на восток или северо-восток, бывают находимы погребения и с другой ориентировкой. В пантишкапейском грунтовом некрополе восточная ориентация погребенных безусловно превалирует в VI—V вв. до н. э., продолжает преобладать, при значительном числе случаев северо-восточной ориентировки, в IV—III вв. и является наиболее распространенной в последующие столетия вплоть до II в. н. э. включительно, хотя наряду с этой традиционной ориентировкой покойников применяется и северная и южная⁵⁵. Аналогичное явление наблюдает-

ся и в Фанагории, где восточная ориентировка преобладает до II в. н. э. и лишь в III в. уступает первое место ориентировке северной⁵⁶. Сходную картину дают и другие боспорские некрополи, а также некрополи Ольвии и Херсонеса. Таким образом, мы имеем все основания полагать, что господствующая в танаисском могильнике восточная и северо-восточная ориентировка является отражением обычных греческих погребальных обрядов. Это тем более вероятно, что ни для местов, ни для сарматов подобная ориентировка погребенных не характерна. Для меотских могильников обычна южная ориентировка, господствующая с VI до I в. до н. э. и сменяющаяся затем, видимо под влиянием сарматов, западной⁵⁷. В савромато-сарматских погребениях до II в. н. э. сменяют друг друга западная, южная и юго-западная ориентировка погребенных⁵⁸. Интересно отметить, что местное население Нижнего Подонья в эпоху, предшествующую возникновению Танаиса, и в первые века его существования также не использовало, как правило, в своих погребальных памятниках восточной ориентировки: в курганах Елизаветовской станицы погребенные лежат головой на запад⁵⁹.

Погребения с северной ориентировкой появляются в Танаисе во II в. н. э. Их можно уверенно связывать с сарматами. Северная ориентировка погребенных характерна для сармато-аланских племен II—IV вв. н. э. в Нижнем Поволжье и на других территориях⁶⁰. Под влиянием поздних сарматов эта ориентировка распространяется в это же время в прикубанских могильниках, в том числе и в некрополе Фанагории⁶¹. Именно в погребениях с северной ориентировкой в Танаисе нередко отмечается черта, свойственная сарматскому погребальному обряду, — полусогнутое положение рук с кистью на тазовых костях (№ 42, 44, 98, 106). В таком

⁵⁶ И. Д. Марченко. Указ. соч., стр. 104, 111, 117, 123.

⁵⁷ Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 158, 162, 169, 192, 205.

⁵⁸ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 104—105.

⁵⁹ А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса, ИАК, 35, 1910, стр. 92; его же. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 году. ИАК, 56, 1914, стр. 220—222.

⁶⁰ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 105.

⁶¹ И. Д. Марченко. Указ. соч., стр. 122, 123.

⁵⁴ Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 170, 188.

⁵⁵ Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 66, 70, 72, 74, 79.

же погребении найдена и бронзовая обивка ремня с сарматским тамгообразным знаком (№ 98).

Обзор погребальных обрядов и форм могильных сооружений, применявшихся в танаисском некрополе, так же как и анализ погребального инвентаря, убеждает нас в том, что в культуре Танаиса нашли яркое отражение различные по происхождению этнокультурные явления, позволяющие сблизить танаисский некрополь с равными могильниками — античными, скифскими, меотскими, сарматскими. В то же время танаисский некрополь отличен от них всех и весьма своеобразен именно сочетанием различных культурных элементов.

Сравнивая танаисский могильник с некрополями античных босфорских городов, мы находим в нем черты явно восходящие к греческим погребальным обычаям и обрядам. Таковы устойчивое преобладание восточной и северо-восточной ориентировки погребенных, эпизодическое применение трупосожжения и использование для захоронения праха погребальных урн, распространение обряда захоронения детей в амфорах, употребление в качестве могильного инвентаря типичных античных изделий, в том числе привозной греческой керамики. Как и следовало ожидать, признаки, сближающие танаисский некрополь с другими могильниками античных северочерноморских городов, ярче проявляются в первые столетия существования Танаиса, постепенно уступая место другим явлениям, связанным с влиянием иной этнической среды. В то же время танаисский некрополь уже с самого начала резко отличается от некрополей большинства античных центров Северного Причерноморья. Полное отсутствие в погребениях туалетных глиняных сосудов и иного инвентаря, связанного с палестрическим бытом, стеклянных сосудов, светильников, терракоты, исключительность случаев помещения в могилу монеты, отсутствие обычая ставить над могилами надгробные надписи и рельефы, частые находки в погребениях железных пожей, точильных брусков, стрел и других предметов, характерных для варварского погребального обряда, — все это настолько резко выделяет некрополь Танаиса из числа некрополей античных центров Причерноморья, что составляет сопоставлять его не столько с этими некрополями, сколько с могильниками негре-

ческого туземного населения северочерноморских степей.

Из этих последних следует назвать прежде всего меотские некрополи Прикубанья и полугреческие-полуварварские могильники поселений Таманского полуострова. В погребальном обряде танаисских гробниц меотские черты сказываются в употреблении камки и известняковой подсыпки, вероятно в полускорченном положении некоторых ранних костяков. Еще показательней в этом отношении вещевые находки. Мы видели, что очень многие из найденных в танаисских могилках металлических украшений (например, бронзовые колокольчики, серьги), бус, лепных и лощеных сосудов находят себе аналогии в памятниках меотской культуры Прикубанья. Совершенно права Т. Н. Книпович, когда она видит в этом сходстве свидетельство не наличия одинаковых влияний, торговых и культурных, а органическую близость местных культур Прикубанья и Нижнего Подонья⁶². Другими словами, мы должны прийти к выводу о значительном этнокультурном единстве, связывающем эти два района, и, следовательно, допустить наличие каких-то групп меотского населения в области Танаиса. Разумеется, решение этого вопроса не может быть получено на основании изучения материалов одного Танаиса, а тем более только танаисского некрополя; для этого должен быть привлечен гораздо более обширный материал со всего Нижнего Подонья и восточного Приазовья. Но сама постановка этого вопроса в свете всего вышеприведенного материала представляется вполне правомерной.

Другой категорией памятников, сопоставления с которыми требуют погребения танаисского некрополя, являются сарматские могильники прежде всего Нижнего Поволжья. Мы видели, как четко проявляются черты сарматского погребального обряда в Танаисе: северная ориентация покойников во II—III вв. н. э., расположение кистей рук на тазовых костях при вытянутом положении костяка, употребление деревянных колод в качестве гроба, наличие реальгара в погребениях, случай диагонального захоронения — все это достаточно ярко свидетельствует не только о проникновении в Танаис сарматских обычаев, но и о наличии в составе населения

⁶² Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 49.

города значительной сарматской прослойки, преимущественно, видимо, роксалано-аланской. О том же говорит и распространение в Танаисе многих бытовых предметов, характерных для сарматской культуры, — некоторых форм лепных и лощеных сосудов, сарматских зеркал, трехлопастных черепшковых железных накопечников стрел, предметов с тамгообразными сарматскими знаками и т. п. Наконец, следует упомянуть о том, что в погребениях Танаиса встречаются костяки с деформированными черепами (№ 27, 93), безусловно принадлежащие сармато-аланам. Обращает на себя внимание тот факт, что все явления, характерные для сарматской культуры, относятся уже к первым векам нашей эры. Создается впечатление о значительном усилении сарматского элемента в городском населении примерно с рубежа нашей эры, и особенно со II в. В то же время ряд особенностей, очень характерных для сарматского погребального обряда, в Танаисе не встречается. Так, в танаисском некрополе пока не найдены погребения костяков с перекрещенными ногами, неизвестна подсыпка в погребения мела; до сих пор неизвестно ни одного достоверного случая помещения оружия в женские могилы и т. п. Совершенно отсутствует в Танаисе распространенный не только у сарматов, но и у других племен Северного Причерноморья обычай класть в могилу напутственную пищу. В этом отношении на туземные погребения танаисского некрополя, видимо, оказал воздействие античный погребальный обряд.

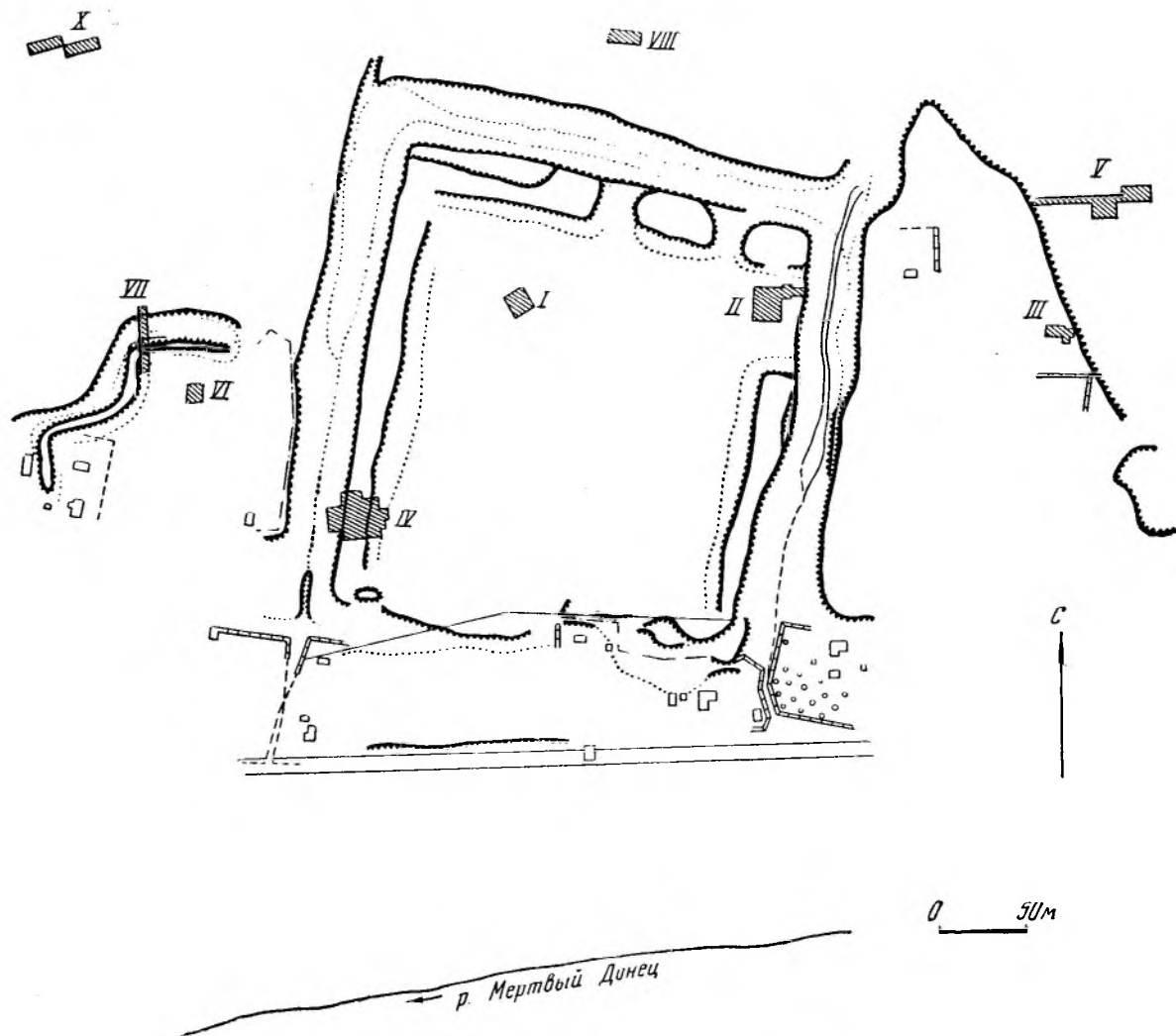
Менее ясны для нас связи некрополя Танаиса с могильными памятниками скифов. Выше указывалось на крымские аналогии кольцевым каменным оградкам и продольным выкладкам танаисских могил. Некоторые общие черты со скифскими памятниками

Крыма можно проследить и в отдельных предметах из погребений (например, браслеты с змеевидными головками). Но эти разрозненные факты не дают пока определенной картины крымско-донских культурных связей.

Хотя исследование погребальных сооружений, обряда и могильного инвентаря приводит нас к убеждению о проникновении в Танаис различных этнических элементов и одновременном их сосуществовании там, распределить погребенных по этническому признаку, как правило, не удастся. Выше уже говорилось о том, что одно из погребений мы можем считать трупосожжением гречанки. Видимо, сарматами надо признать погребенных в могилах II—III вв. с северной ориентацией и с кистями рук в области таза, погребенных с деформированными черепами и покойника из диагонального погребения 82. Но в отношении большинства могил говорить об индивидуальной этнической принадлежности погребенных невозможно отчасти потому, что в большинстве своем разрушенные и ограбленные погребения не дают полной картины погребального обряда и инвентаря, а отчасти вследствие того, что во многих погребениях проявляются черты различных по происхождению обрядов, что, очевидно, является отражением значительной этнической смешанности населения Танаиса. Мы уже видели это на примере хорошо сохранившейся могилы 79, сходную картину дают и некоторые другие погребения. Надо полагать, что дальнейшие исследования как танаисского некрополя, так и других памятников той же эпохи в восточной части Северного Причерноморья позволят с большей уверенностью решать эти вопросы, которые в настоящее время могут быть лишь предварительно поставлены.

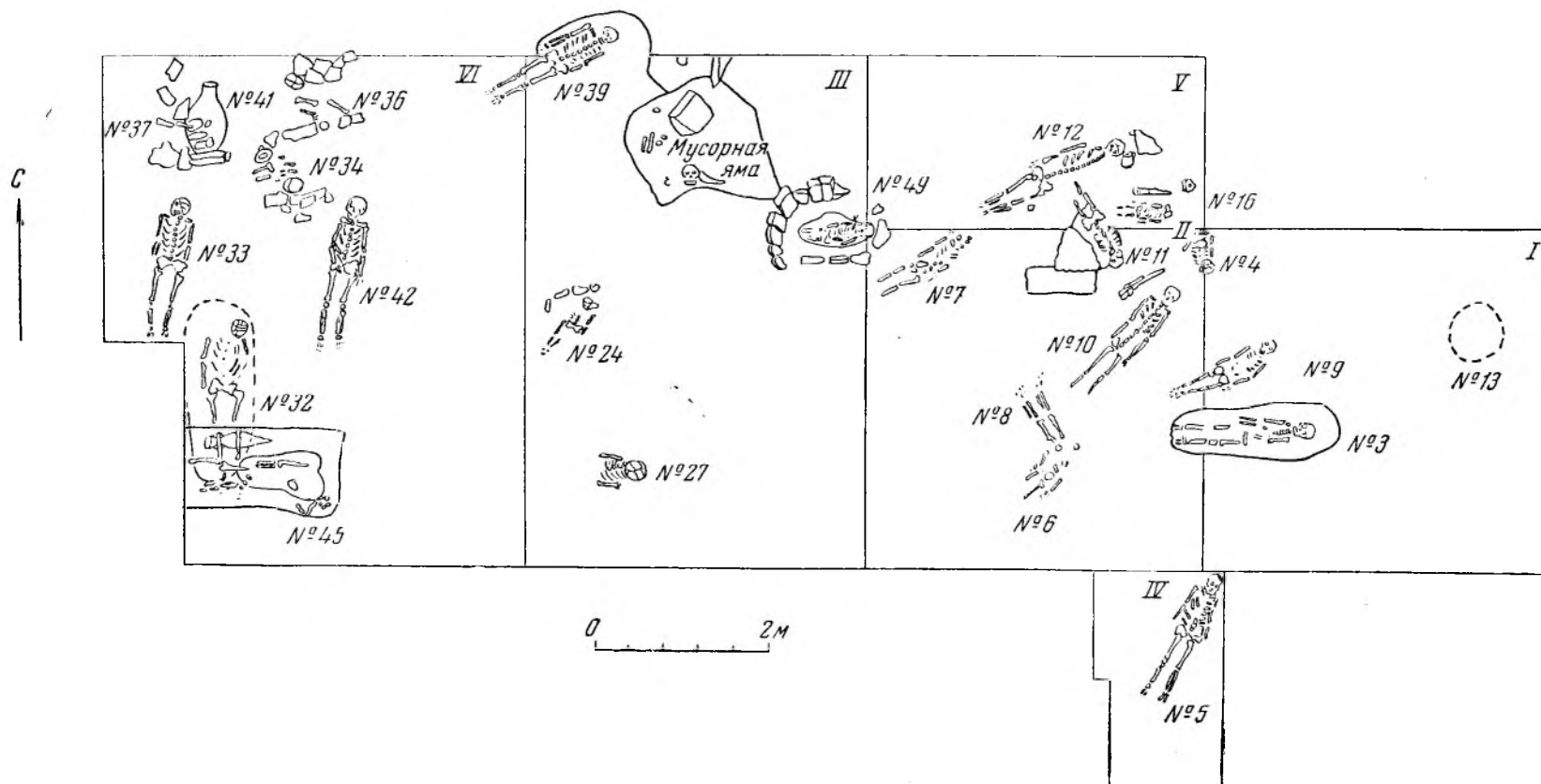
ТАБЛИЦЫ
(I—XLIX)

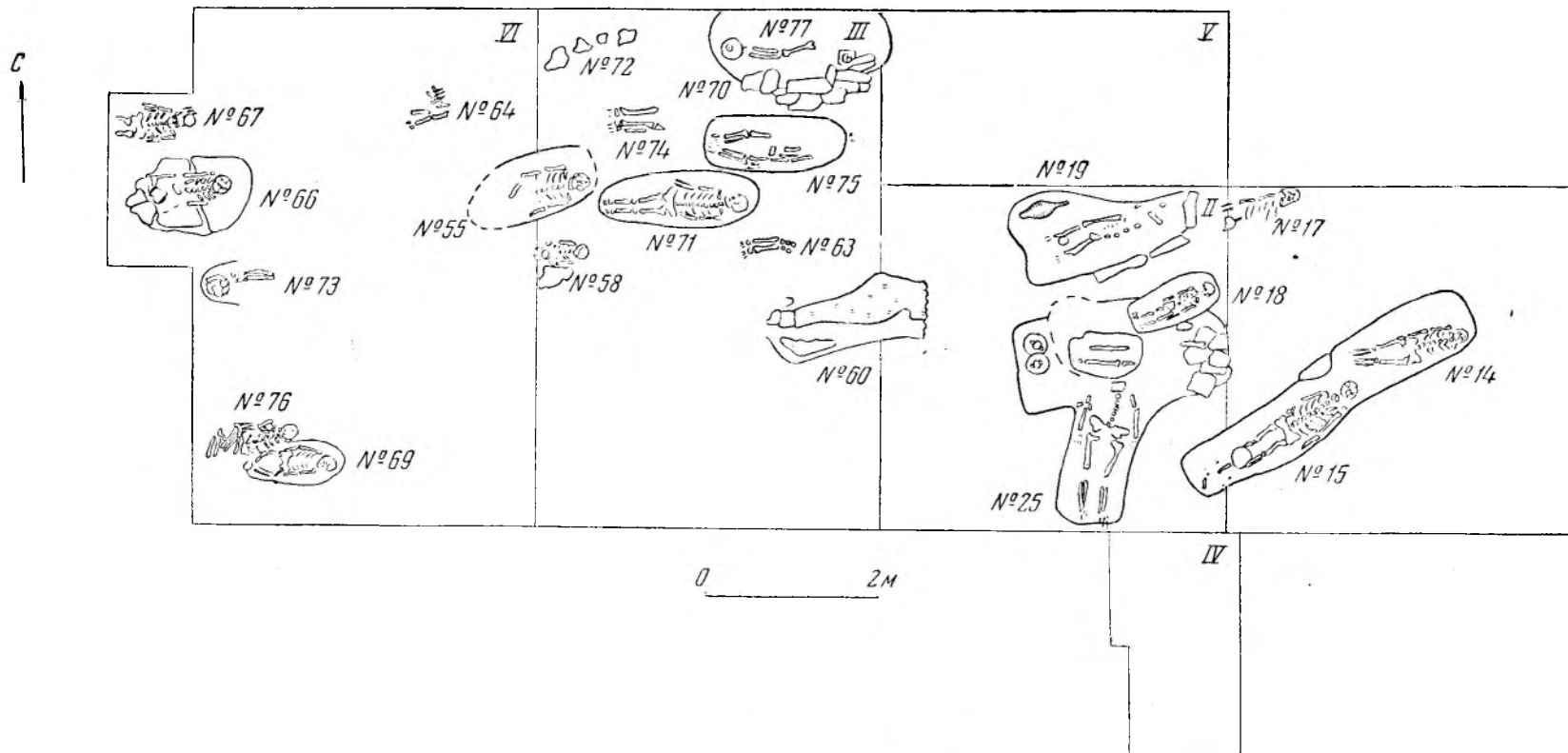
Танаис. План городища и некрополя

Таблица II

Раскоп III. План верхнего горизонта.

Таблица III

Раскоп III. План нижнего горизонта

Таблица IV

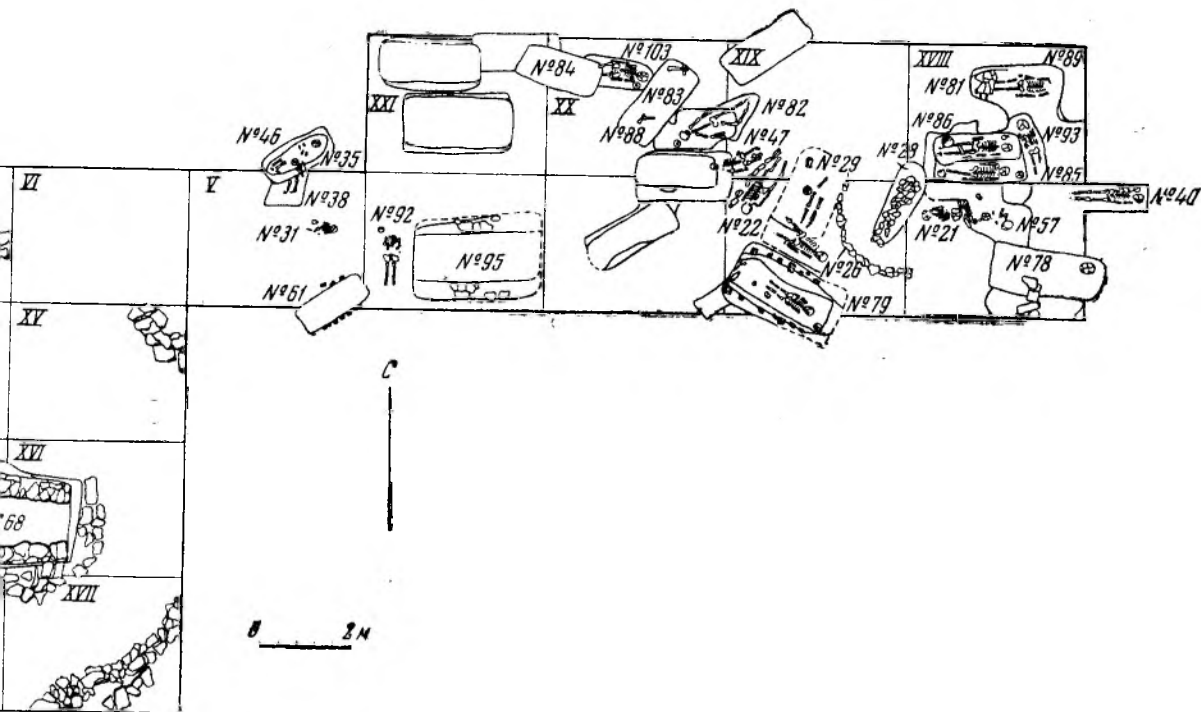
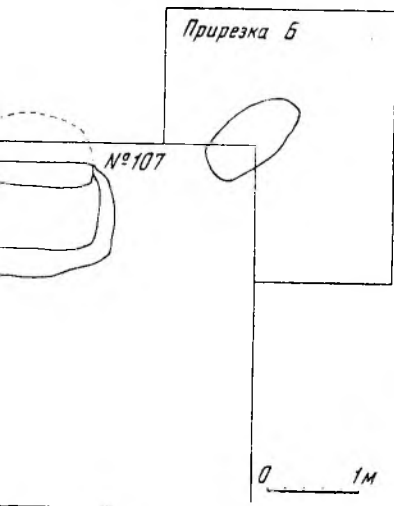
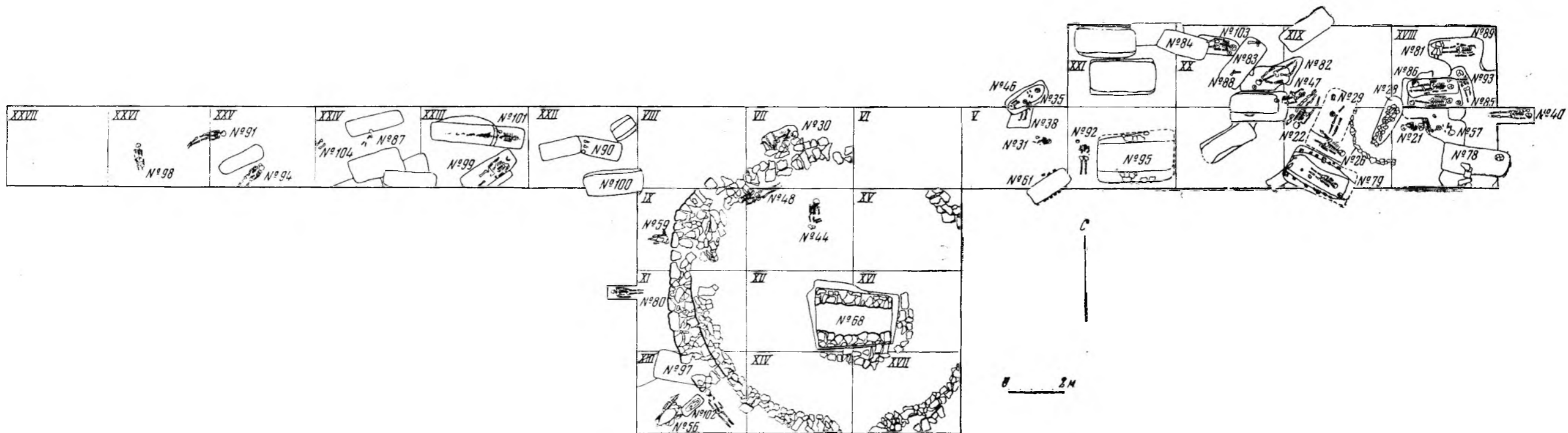

Таблица V

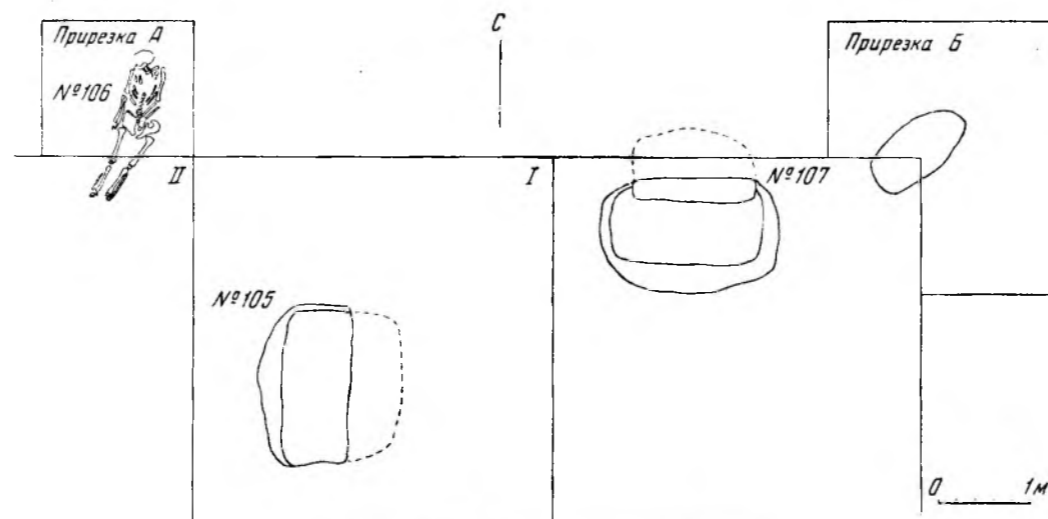

я часть)

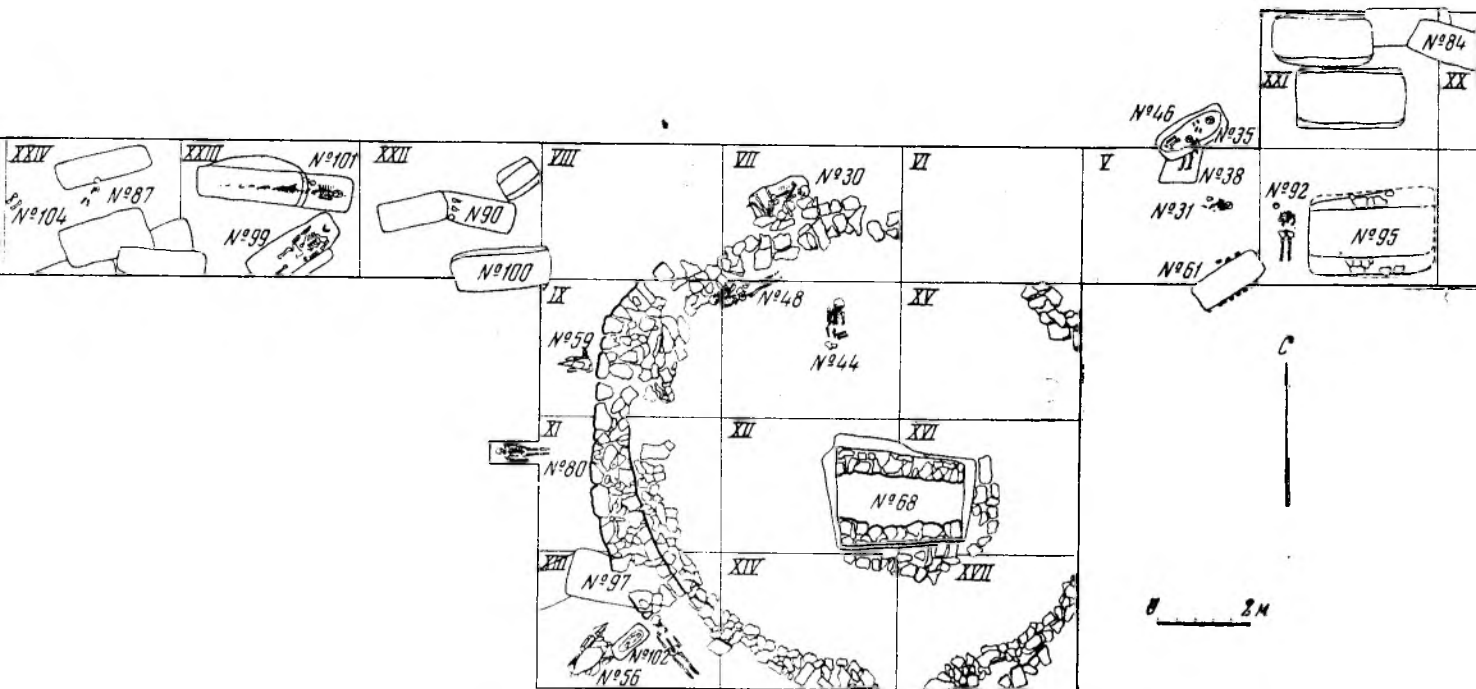

Раскоп V. План

Таблица V

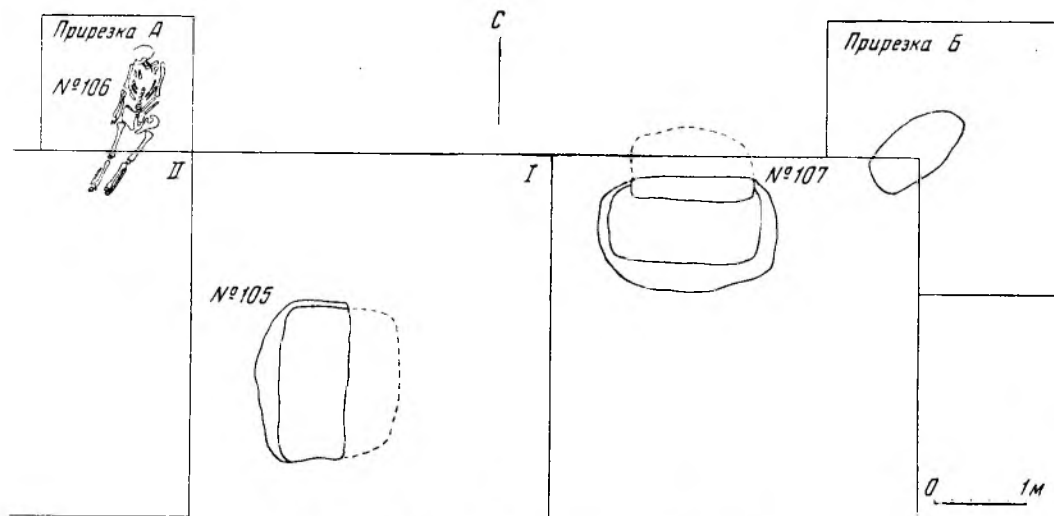

Раскоп VIII. План (восточная часть)

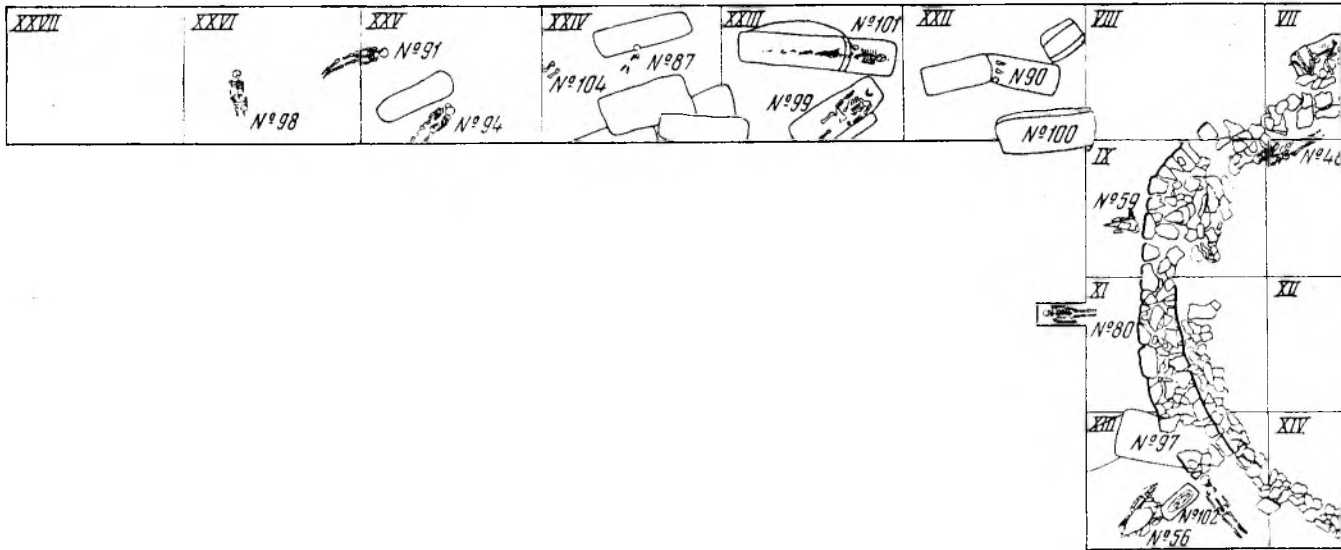

Раскоп V. План

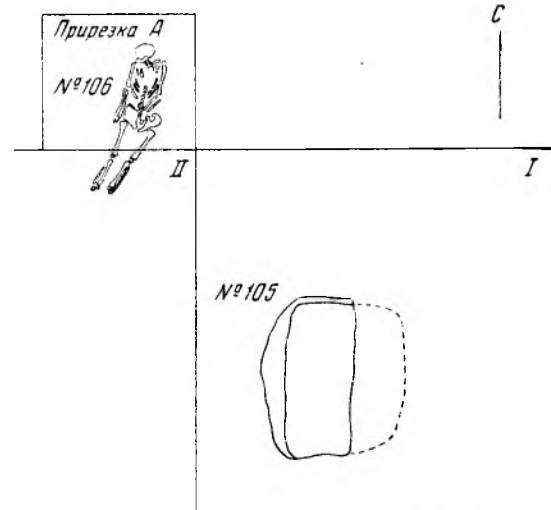
Таблица V

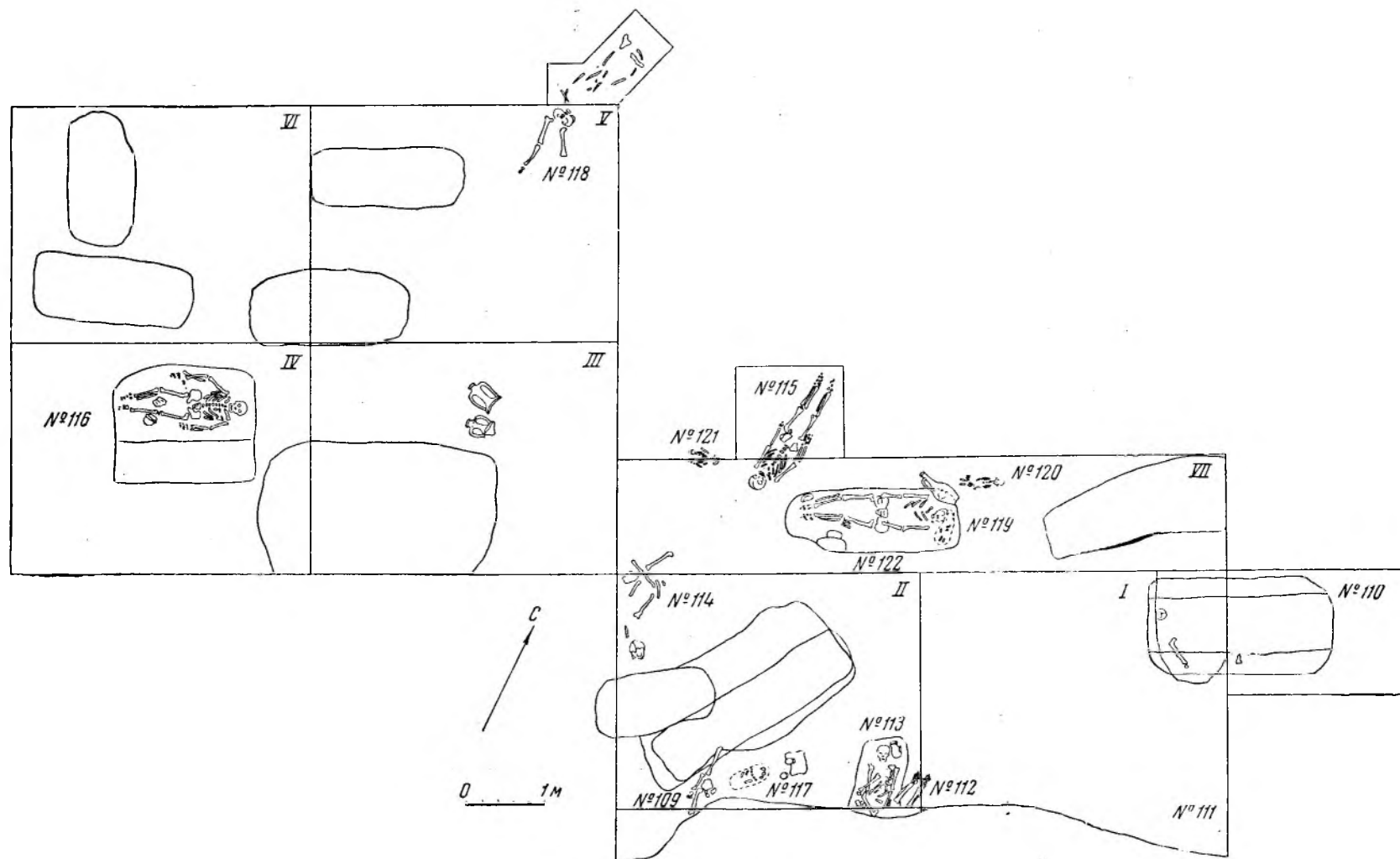
Раскоп VIII. План (восточная часть)

Раскоп V

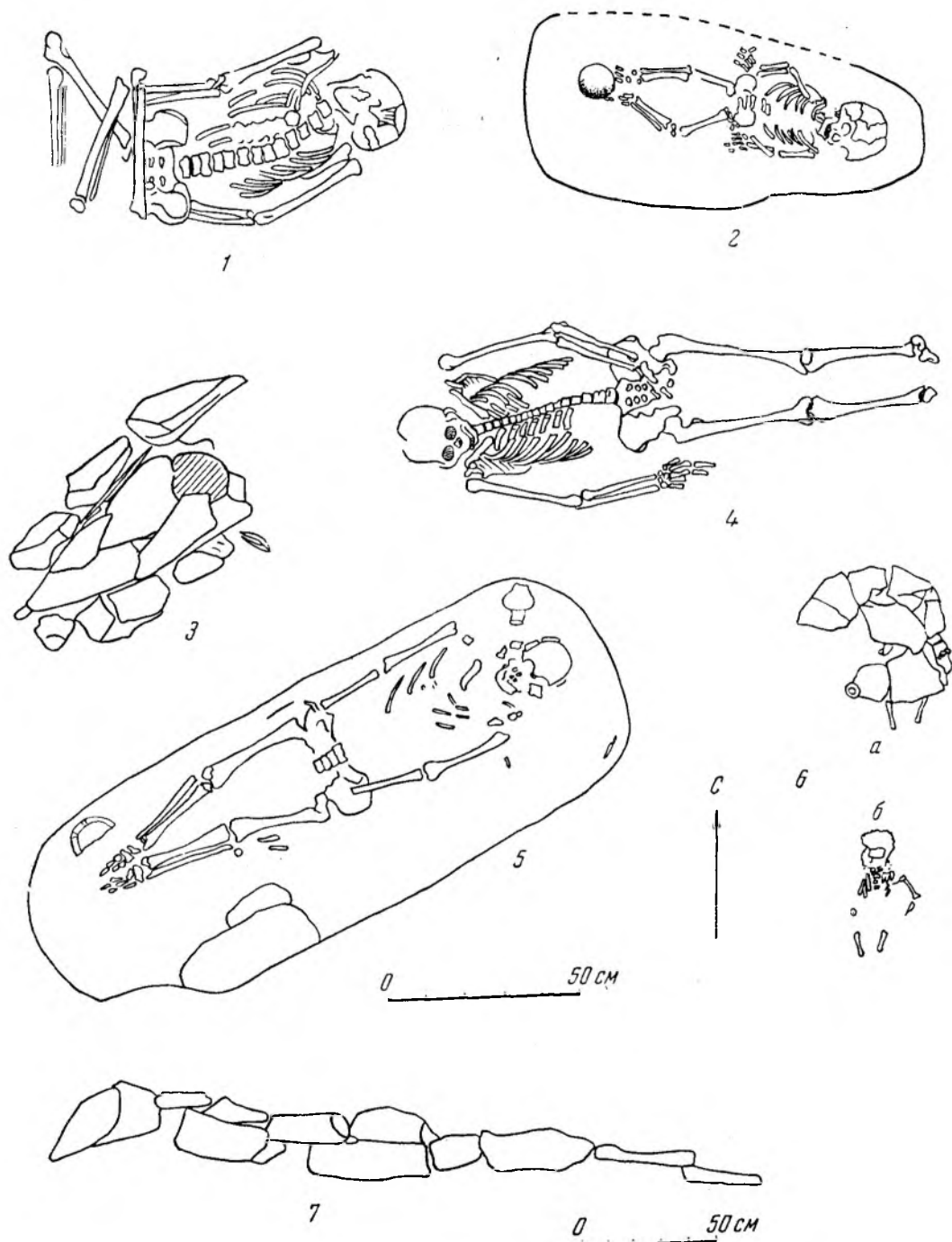
Раскоп VIII. План

Раскоп X. План

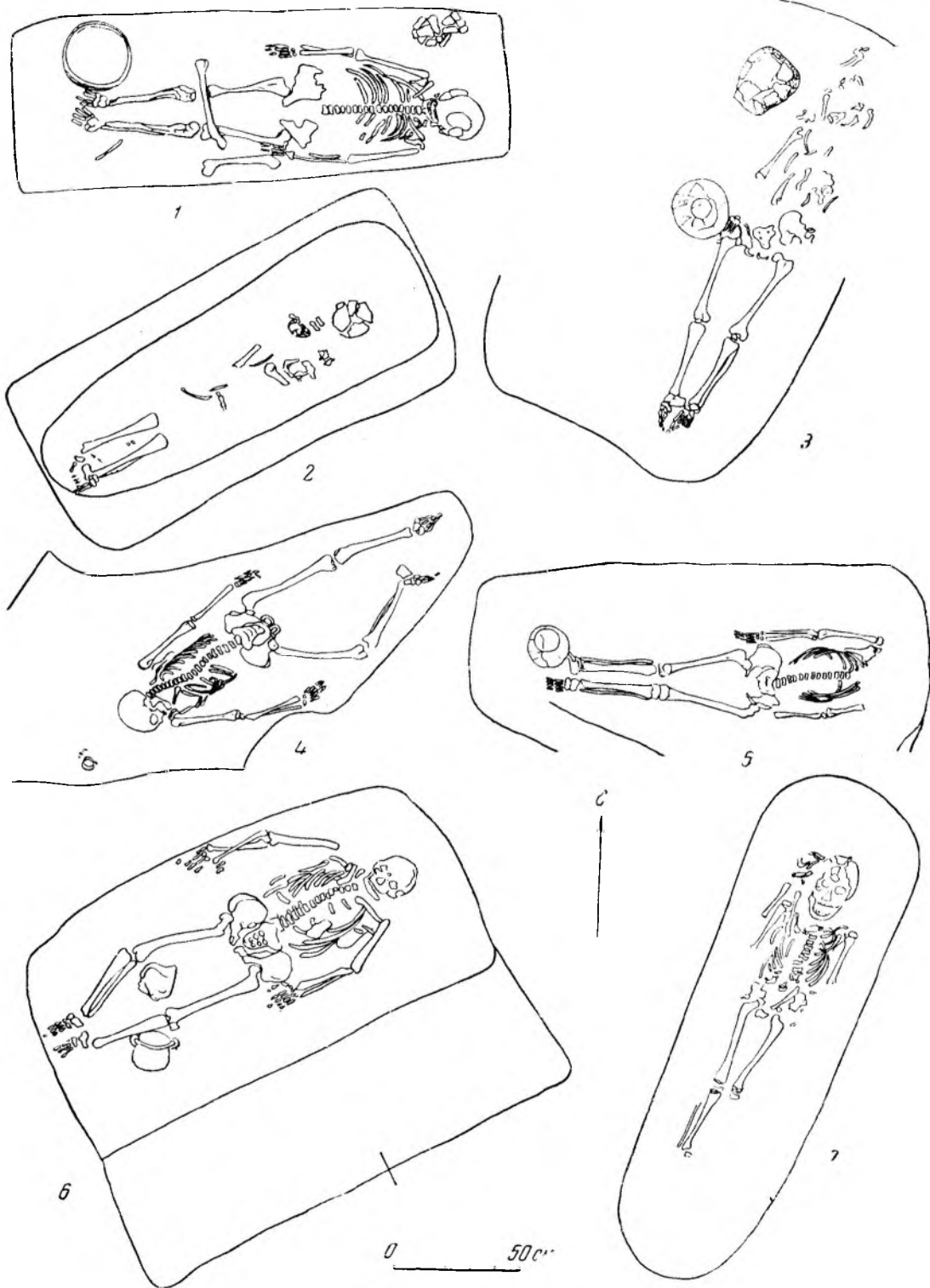

Таблица VII

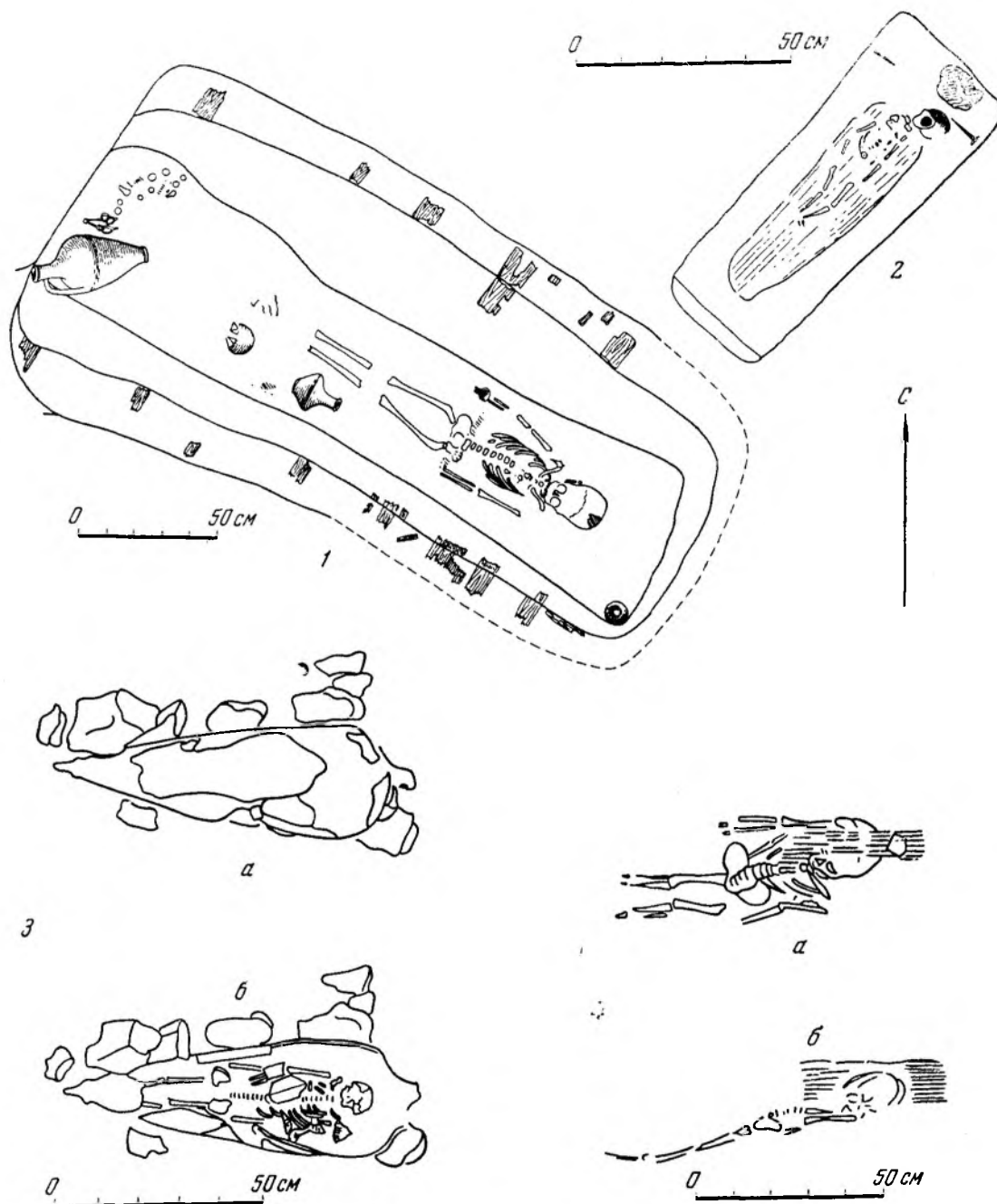
Планы погребений:

1 — погребение 76; 2 — погребение 69; 3 — погребение 56; 4 — погребение 80; 5 — погребение 122;
 6 — погребение 81: а — до снятия черепков амфоры; б — после снятия черепков; 7 — фасировка ограды погребения 49

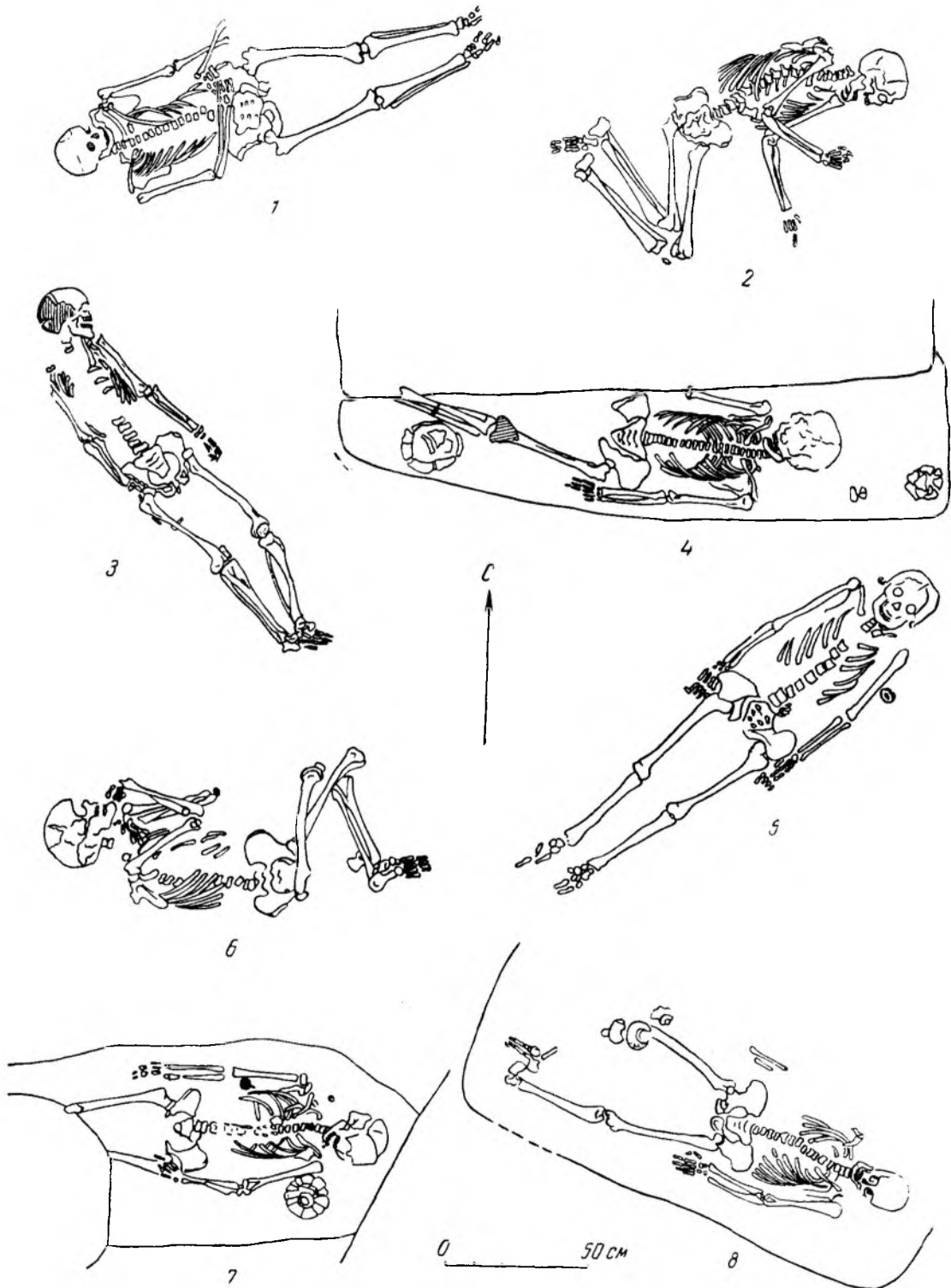
Планы погребений:

1 — погребение 86; 2 — погребение 46; 3 — погребение 29; 4 — погребение 82; 5 — погребение 89;
6 — погребение 116; 7 — погребение 28

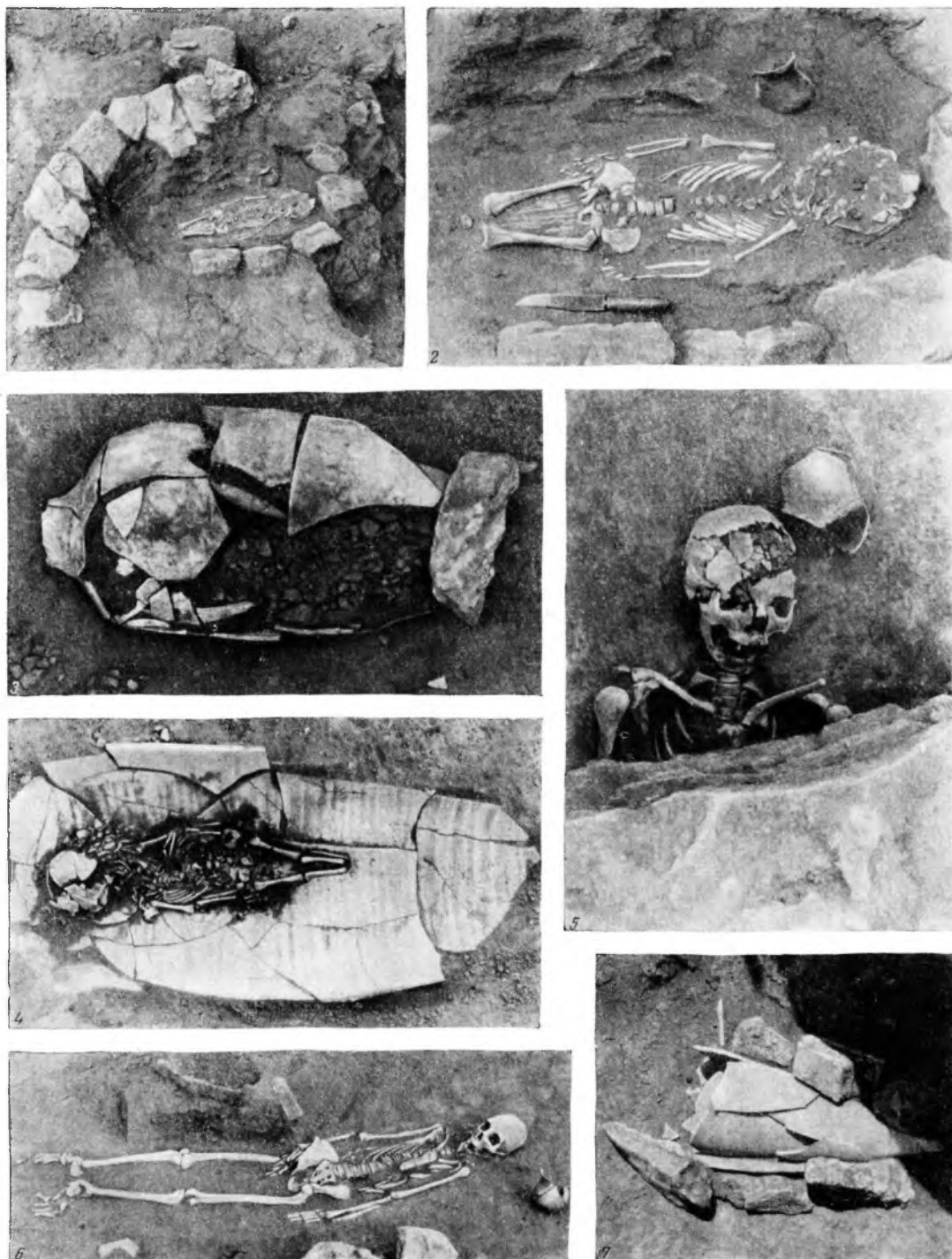
Планы погребений:

1 — погребение 79; 2 — погребение 102; 3 — погребение 59: а — до расчистки; б — после расчистки;
 4 — погребение 67: а — план; б — разрез

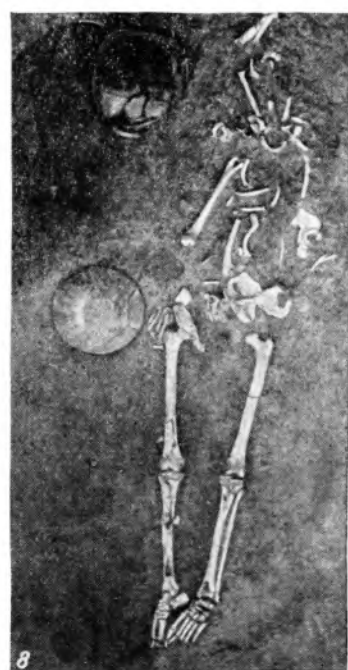
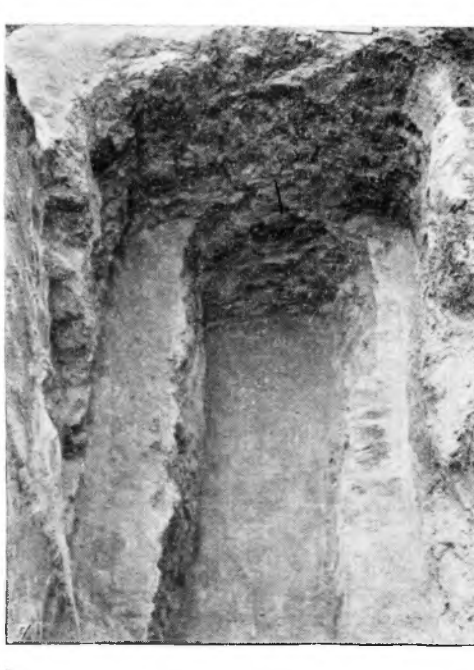
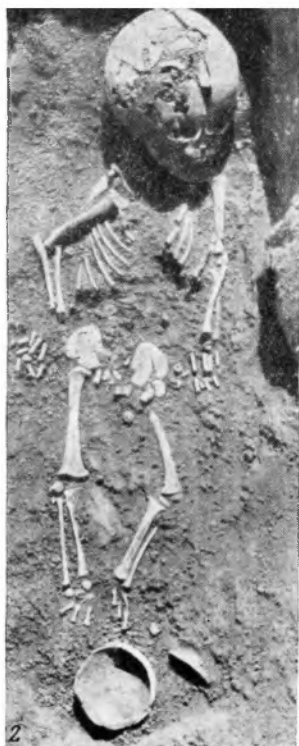
Планы погребений:

1 — погребение 48; 2 — погребение 30; 3 — погребение 96; 4 — погребение 85; 5 — погребение 39;
6 — погребение 21; 7 — погребение 103; 8 — погребение 26

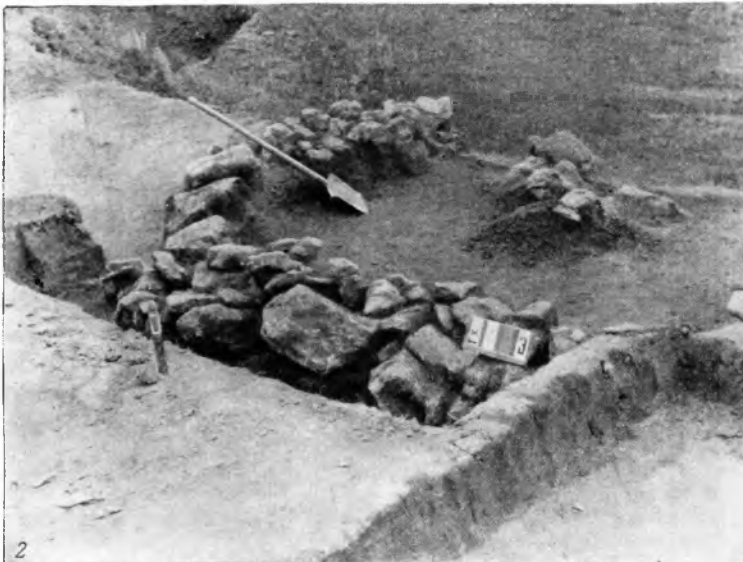
Погребения:

— погребение 49; 2 — погребение 49, деталь; 3 — погребение 41 до расчистки; 4 — погребение 41 после расчистки; 5 — погребение 66, деталь; 6 — погребение 42; 7 — погребение 56

Погребения:

1 — погребение 31; 2 — погребение 69; 3 — погребение 59; 4 — погребение 102 после расчистки; 5 — погребение 102 до расчистки; 6 — погребение 26; 7 — яма погребения 110; 8 — погребение 29

Погребения:

1 — ограда погребения 68; 2 — разрушенная ограда погребения на раскопе X; 3 — погребение 21; 4 — погребение 119;
5 — погребение 113, деталь; 6 — яма погребения 107

Амфоры:

1 — из погребения 19; 2 — из погребения 20

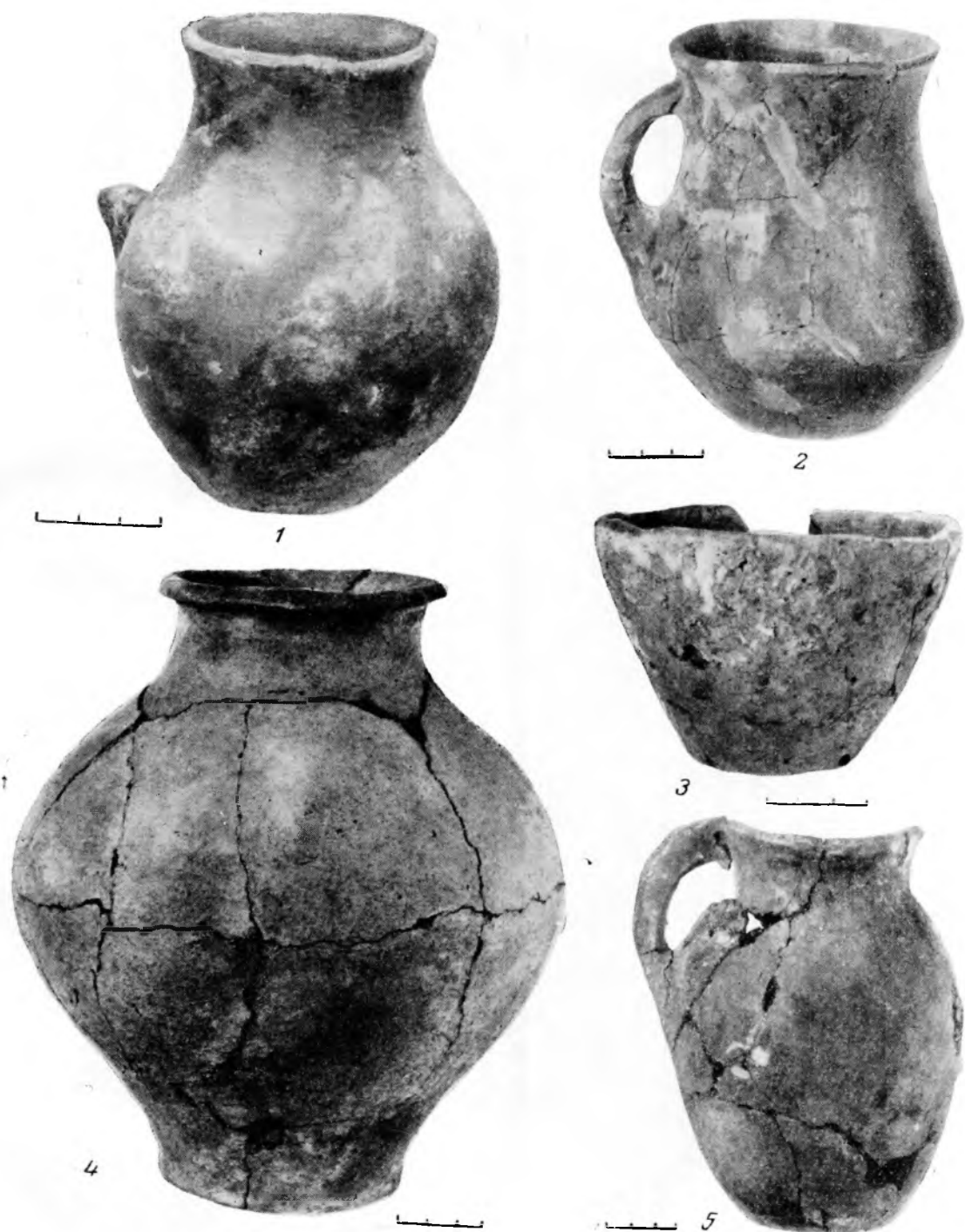
Амфоры:

1—2 — раскоп III, родосская амфора, клейма на ручках; 3— раскоп III, синопская амфора;
4— амфора из погребения 45

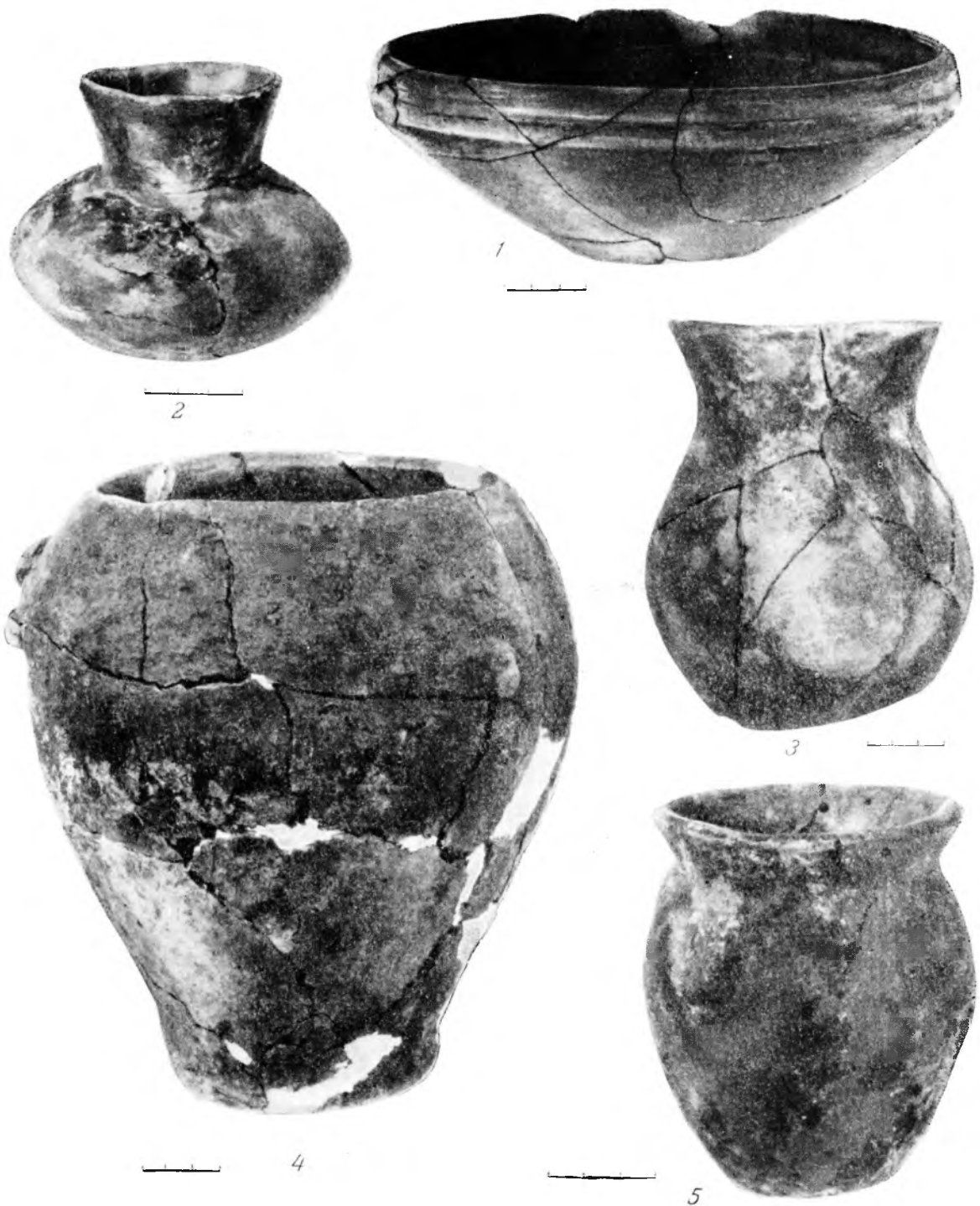
Керамика из погребений:

- 1 — краснолаковая чашка из погребения 56; 2 — краснолаковая чашка из погребения 79; 3 — лощеный горшочек на погребения 79; 4 — амфора из погребения 79; 5 — краснолаковый кувшин из погребения 79;

Керамика из погребений:

1 — лепной кувшин из погребения 24; 2 — лощеный кувшин из погребения 42; 3 — лепная чашечка из погребения 77;
4 — лепной горшок из погребения 77; 5 — лепной кувшин из погребения 12

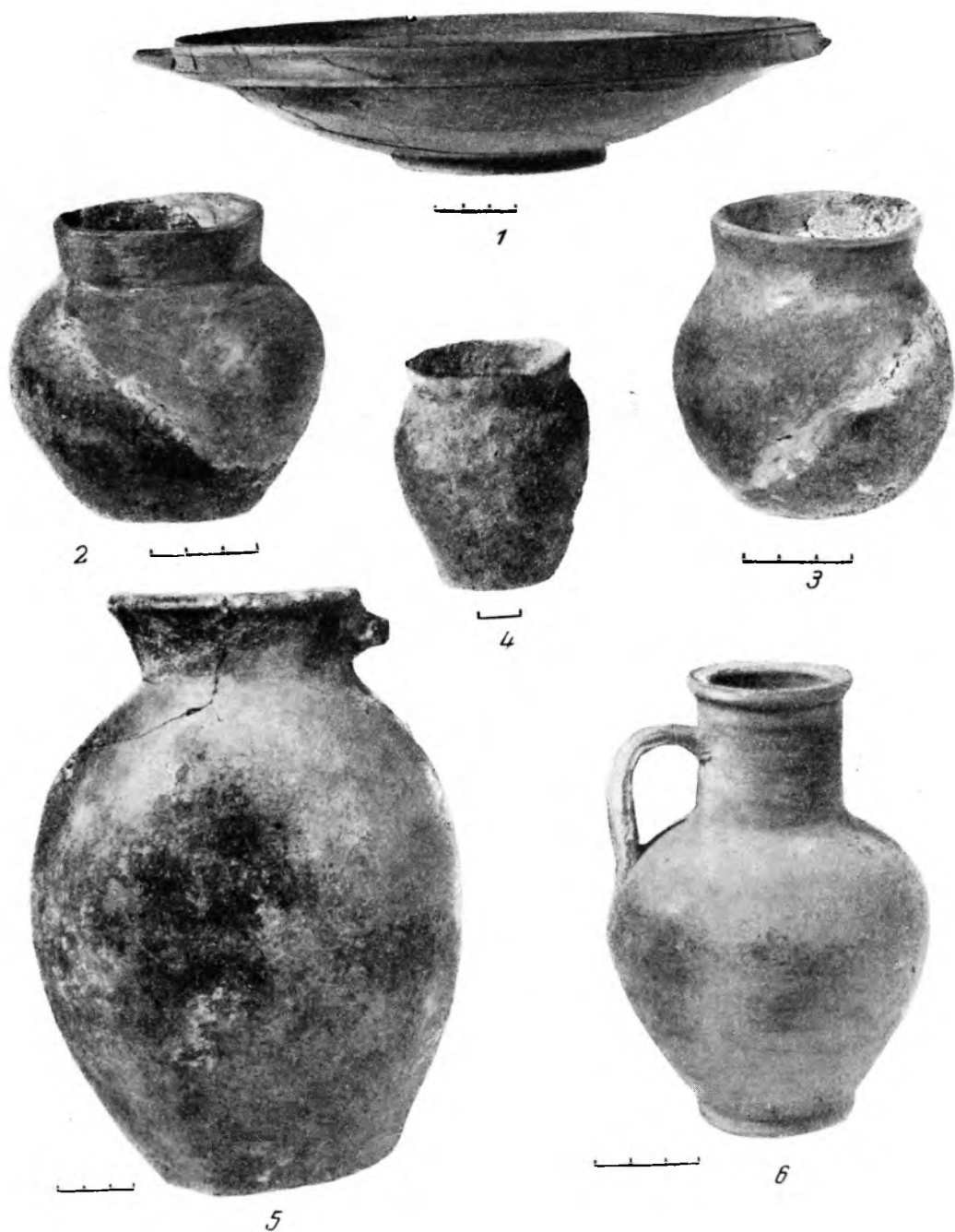
Керамика из погребений:

1 — лощеная миска из погребения 29; 2 — лощеный горшочек из погребения 84; 3 — лепной горшок из погребения 57; 4 — лепной горшок из погребения 29; 5 — лепной горшок из погребения 31

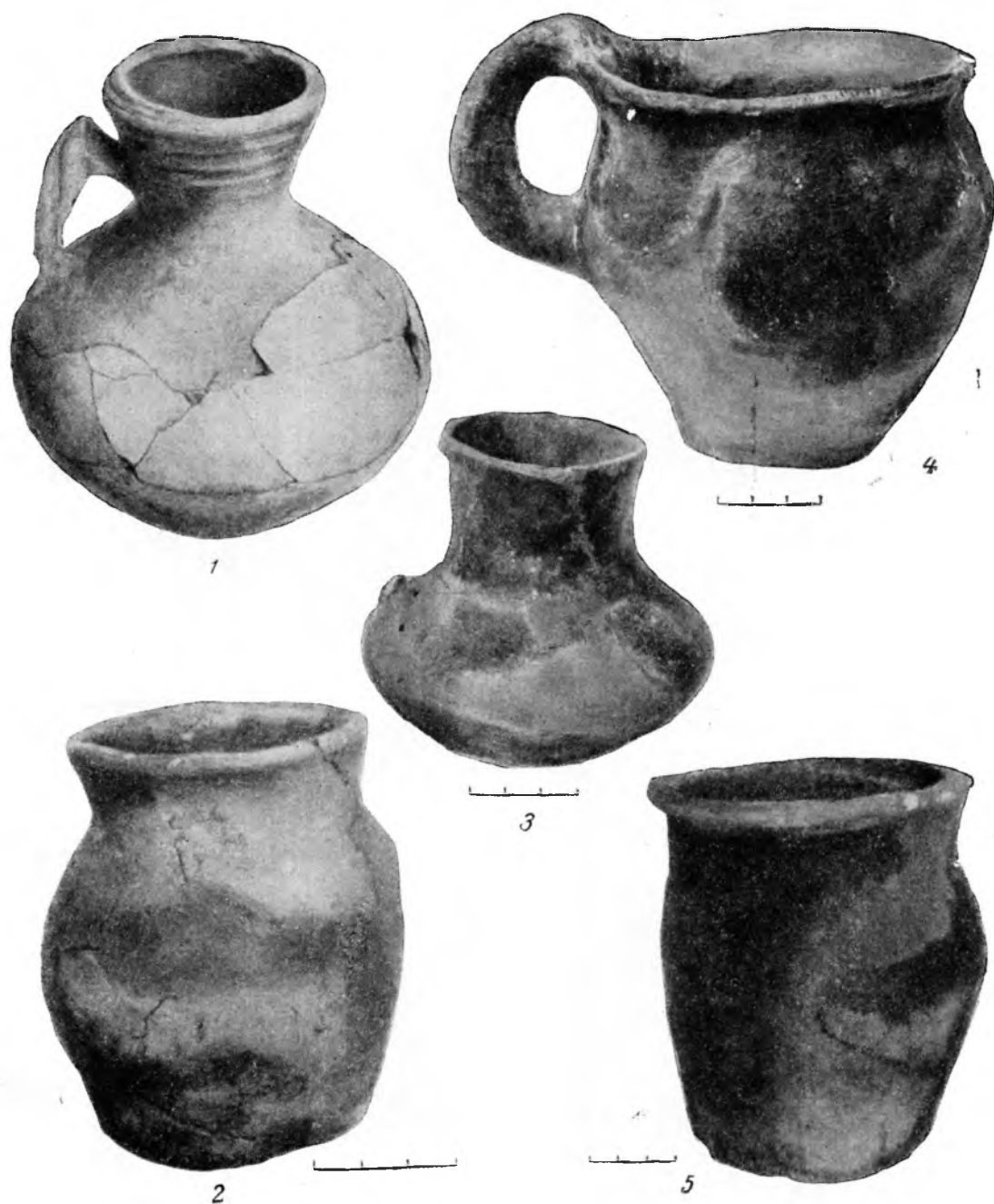
Керамика из погребений:

1 — кувшин из погребения 86; 2 — блюдо из погребения 86; 3 — лепной горшок из погребения 85; 4 — лепной горшок из погребения 85; 5 — лепной горшочек из погребения 102

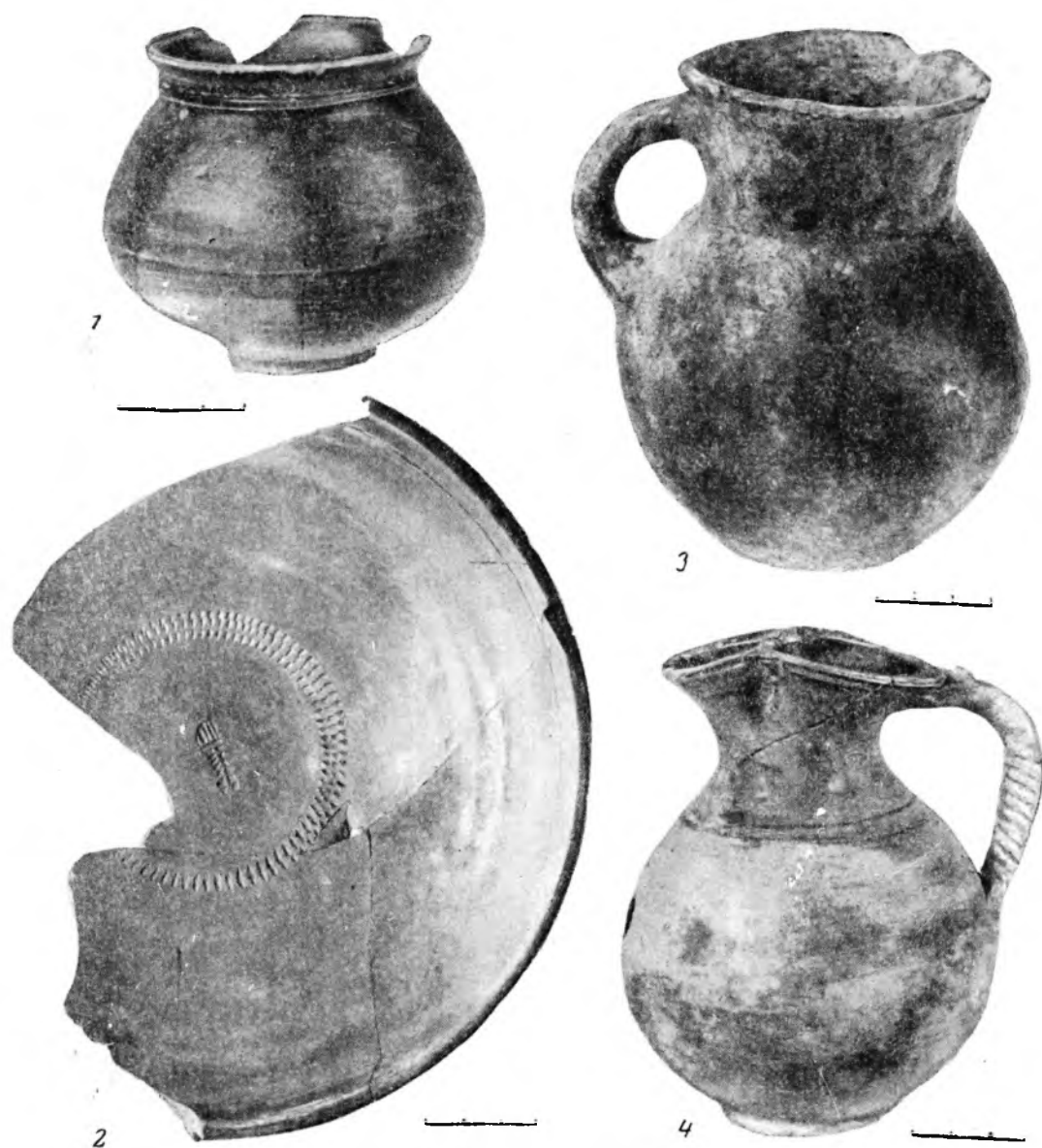
Керамика из погребений:

1 — краснолаковая тарелка из погребения 122; 2 — лепной горшочек из погребения 108; 3 — лепной горшочек из погребения 108; 4 — лепной горшочек из погребения 117; 5 — лепной кувшин из погребения 113; 6 — кувшин из погребения 122

Керамика из погребений:

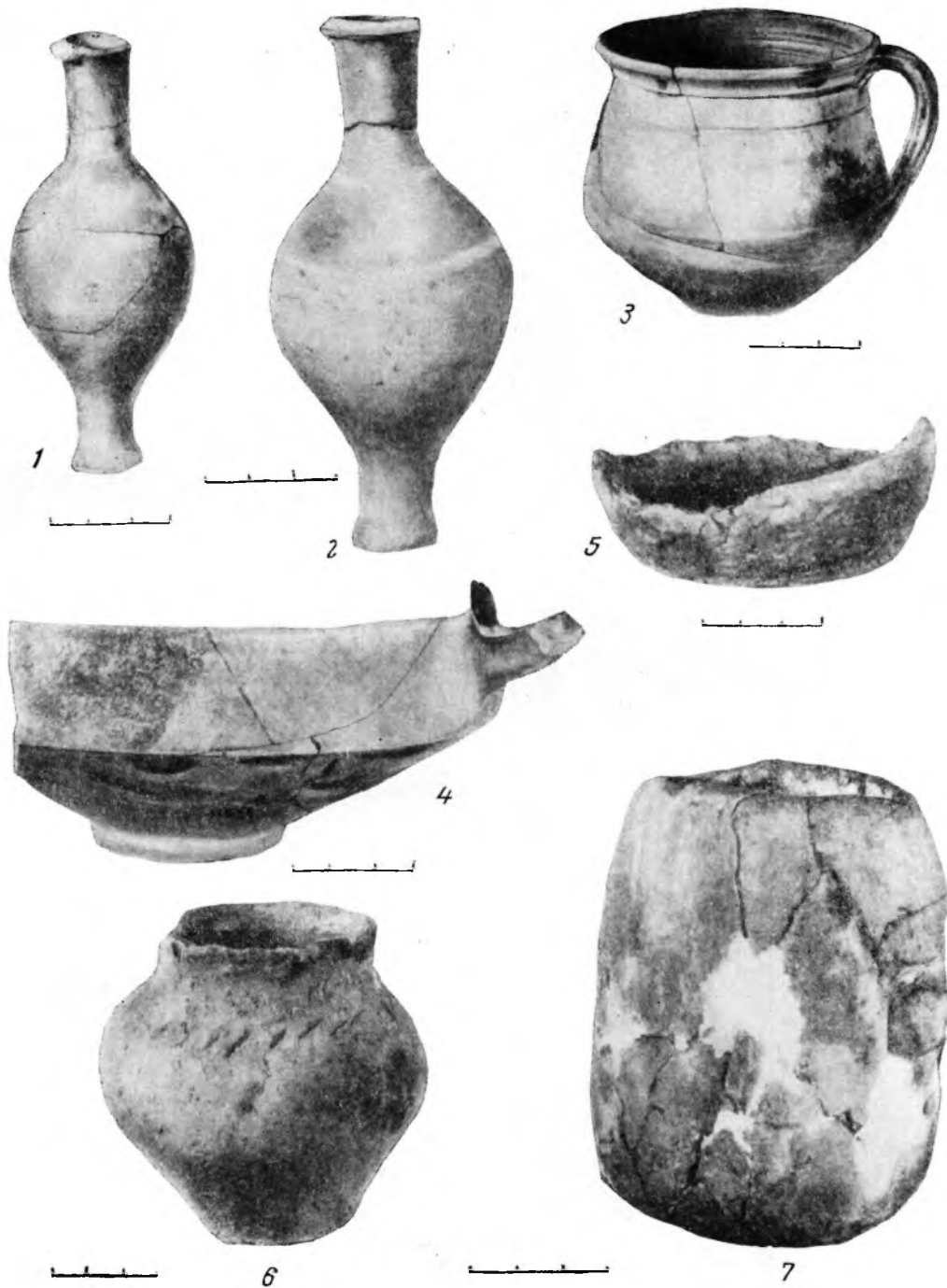
1 — лощеный кувшин из погребения 89; 2 — лепной горшок из погребения 100; 3 — лощеный сосудик из погребения 90; 4 — лепная кружка из погребения 97; 5 — лепной горшок из погребения 92

Керамика из погребений:

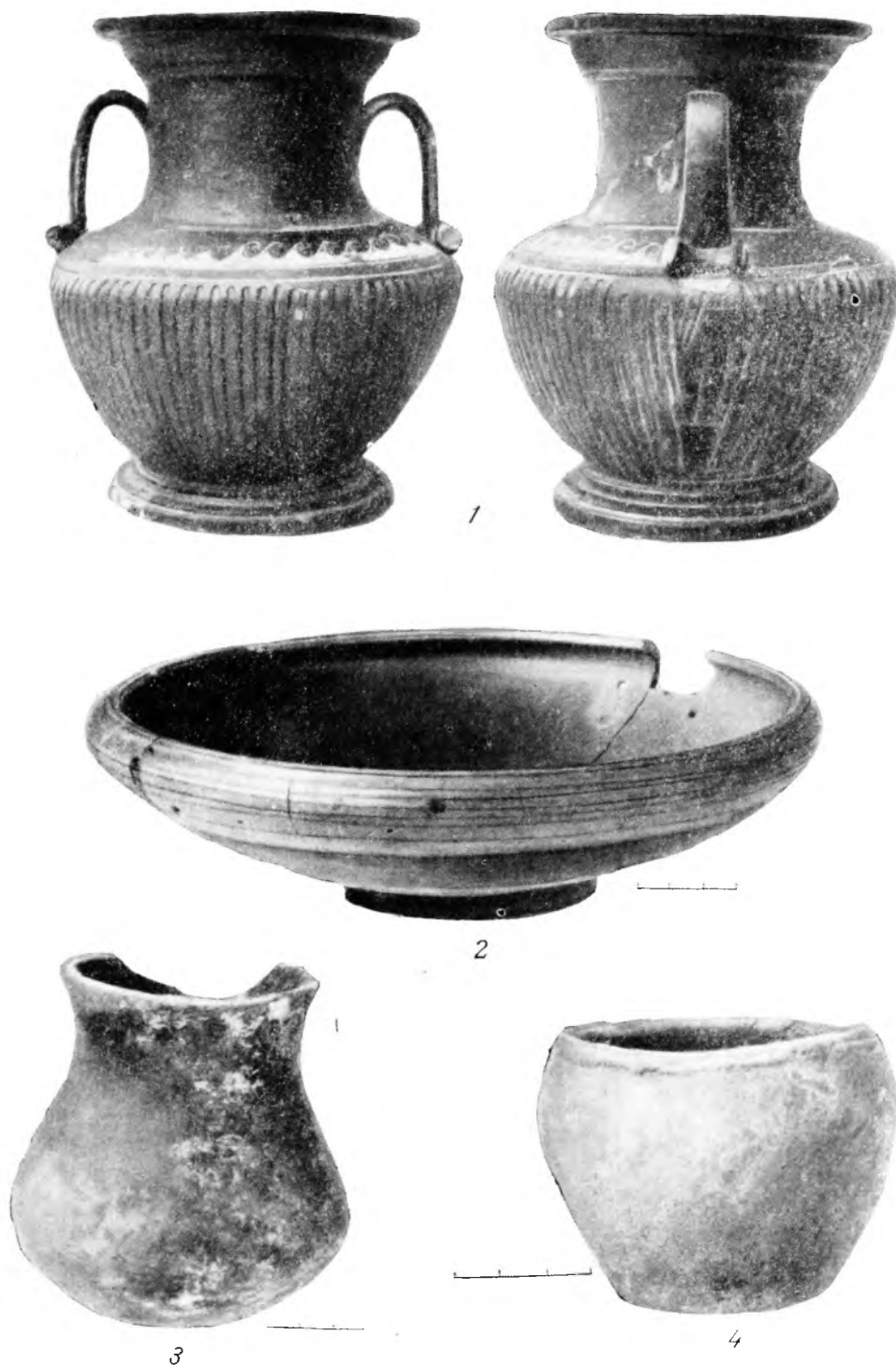
1 — краснолаковый сосудик из погребения 26; 2 — краснолаковая миска из погребения 84; 3 — лощеный кувшин из погребения 82; 4 — краснолаковая ойнохоя из погребения 57

Керамика из погребений:

1 — флакон из погребения 13; 2 — флакон из погребения 13; 3 — краснолаковая кружечка из погребения 34; 4 — черно-лаковый килик из погребения 66; 5 — лепная мисочка из погребения 69; 6 — лепной горшок из погребения 66; 7 — алебастровый сосуд из погребения 16

Керамика из погребений:

1 — чернолаковая пелика из погребения 13; 2 — чернолаковая чашка из погребения 15; 3 — лощеный сосуд из погребения 49; 4 — ленной горшочек из погребения 34

Керамика из погребений:

1 — кувшин из погребения 73; 2 — лощеный горшочек из погребения 59; 3 — лощеный кувшинчик из погребения 68;
4 — лепной горшок из погребения 35; 5 — лощеный кувшин из погребения 35

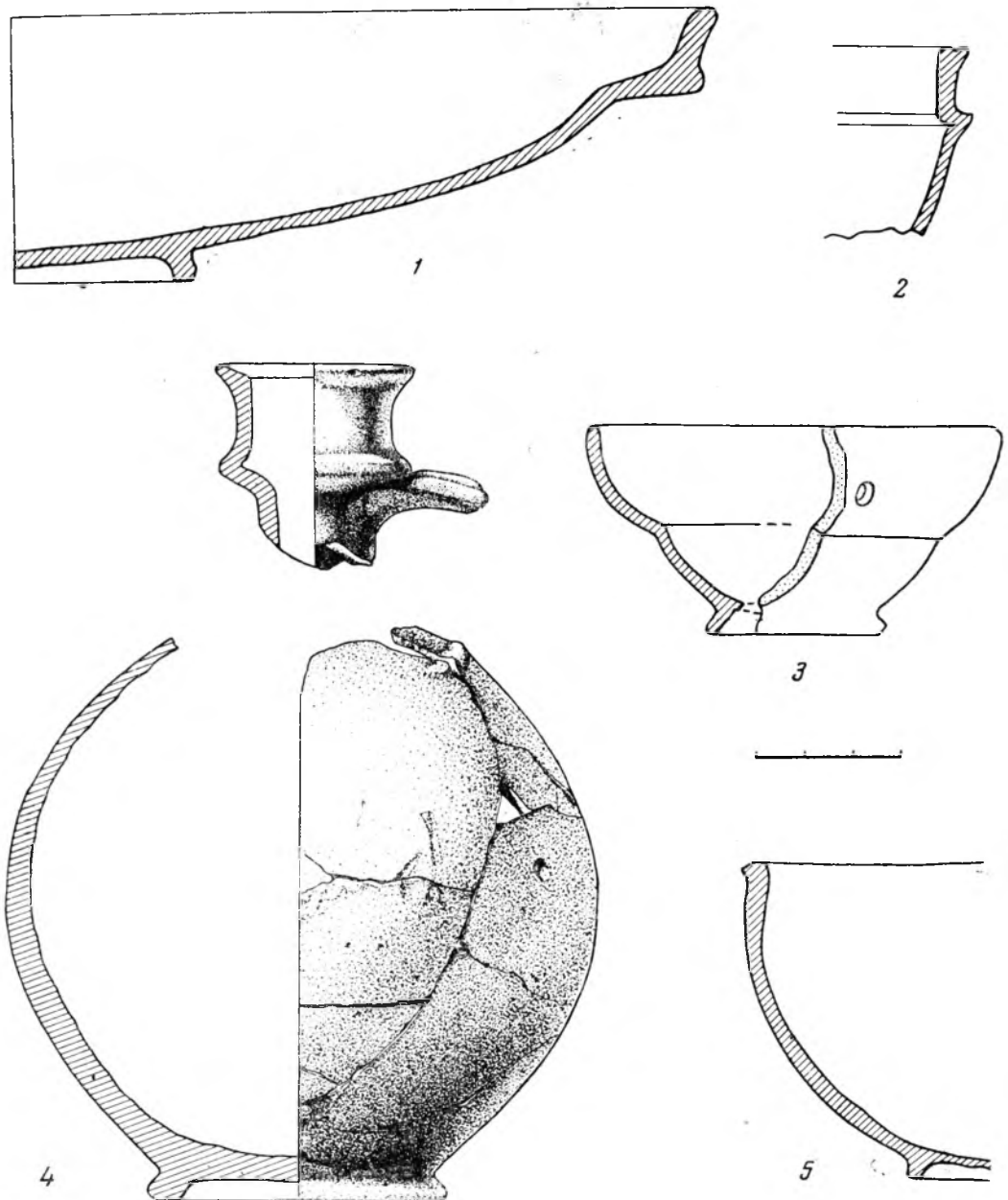

Керамика из погребений:

1 — «мегарская» чашка из погребения 67; 2 — рельефный краснолаковый сосуд из погребения 59

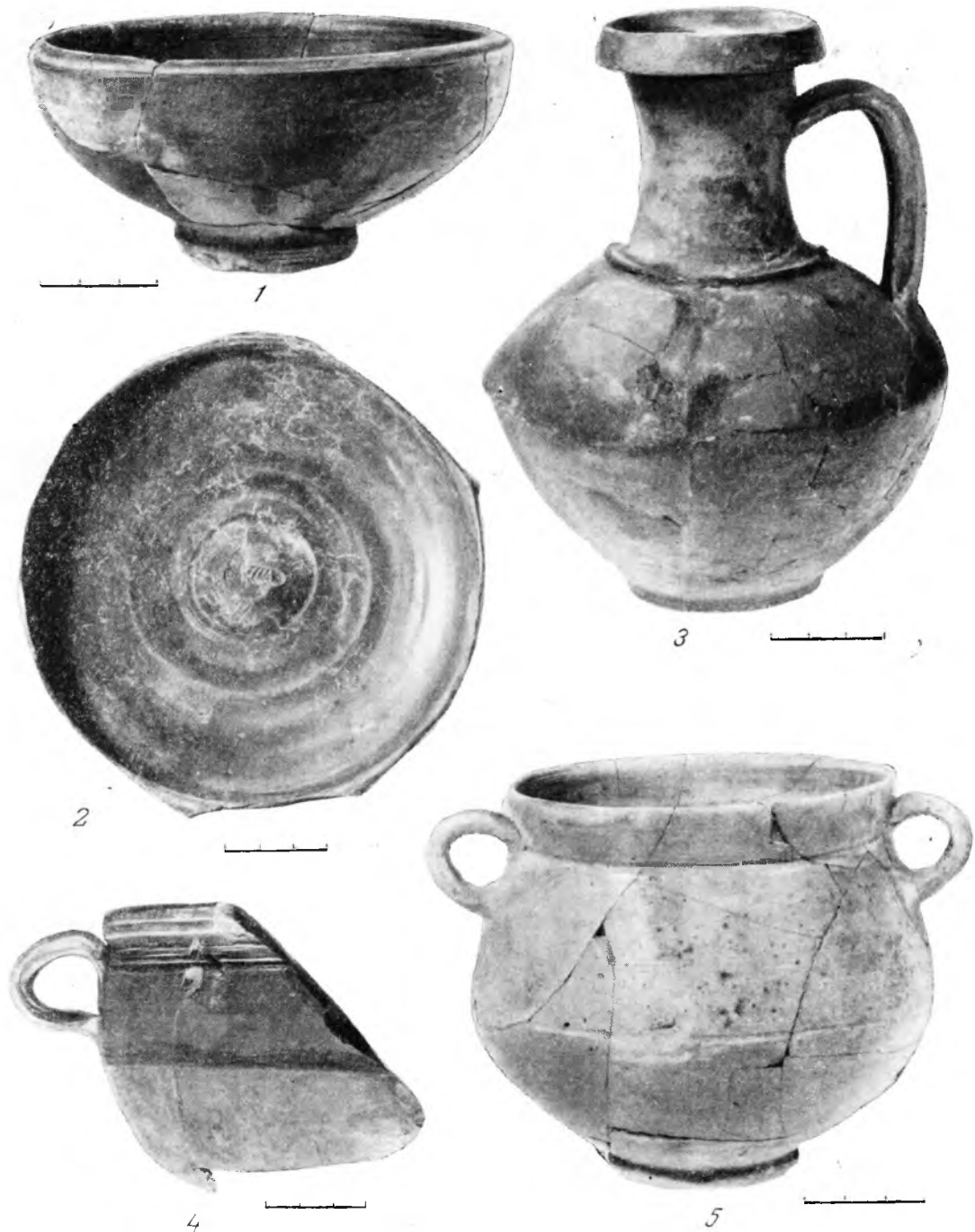

Краснолаковая тарелка из погребения 57

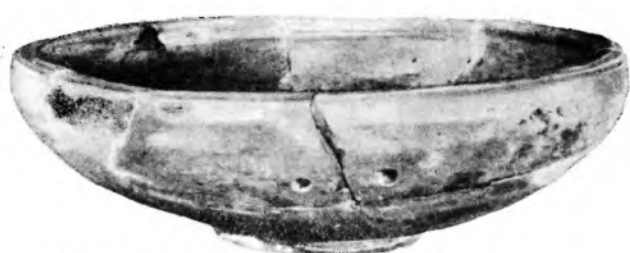
Краснолаковая керамика из погребений:

1 — тарелка из погребения 61; 2 — чашечка из погребения 68; 3 — чашечка из погребения 57; 4 — кувшин из погребения 38; 5 — чашка из погребения 26

Краснолаковая керамика из погребений:

1 — чашка из погребения 110; 2 — чашечка из погребения 111; 3 — кувшин из погребения 103; 4 — осуд из погребения 100; 5 — сосуд из погребения 116

1

2

3

4

5

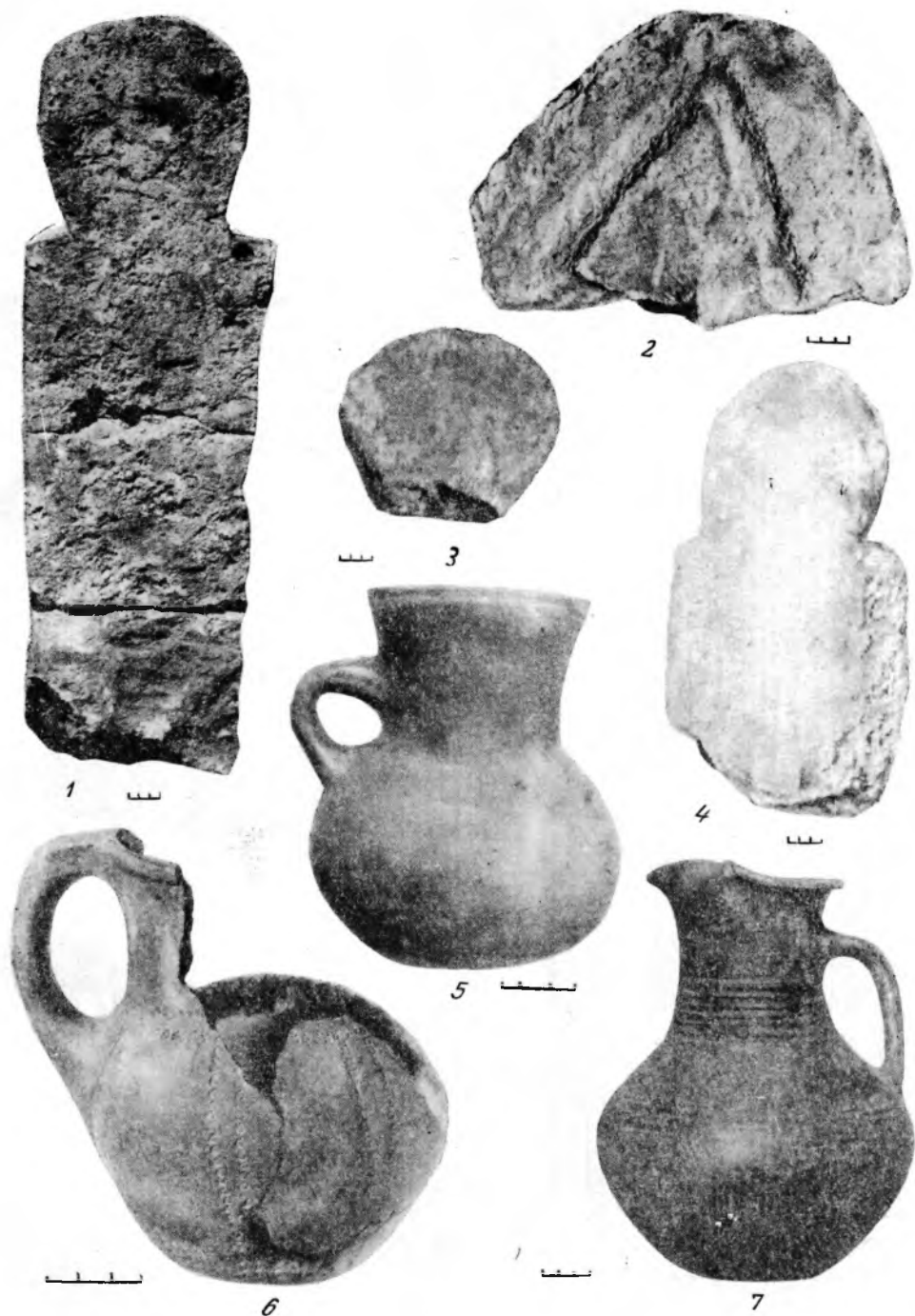

6

Керамика из раскопов:

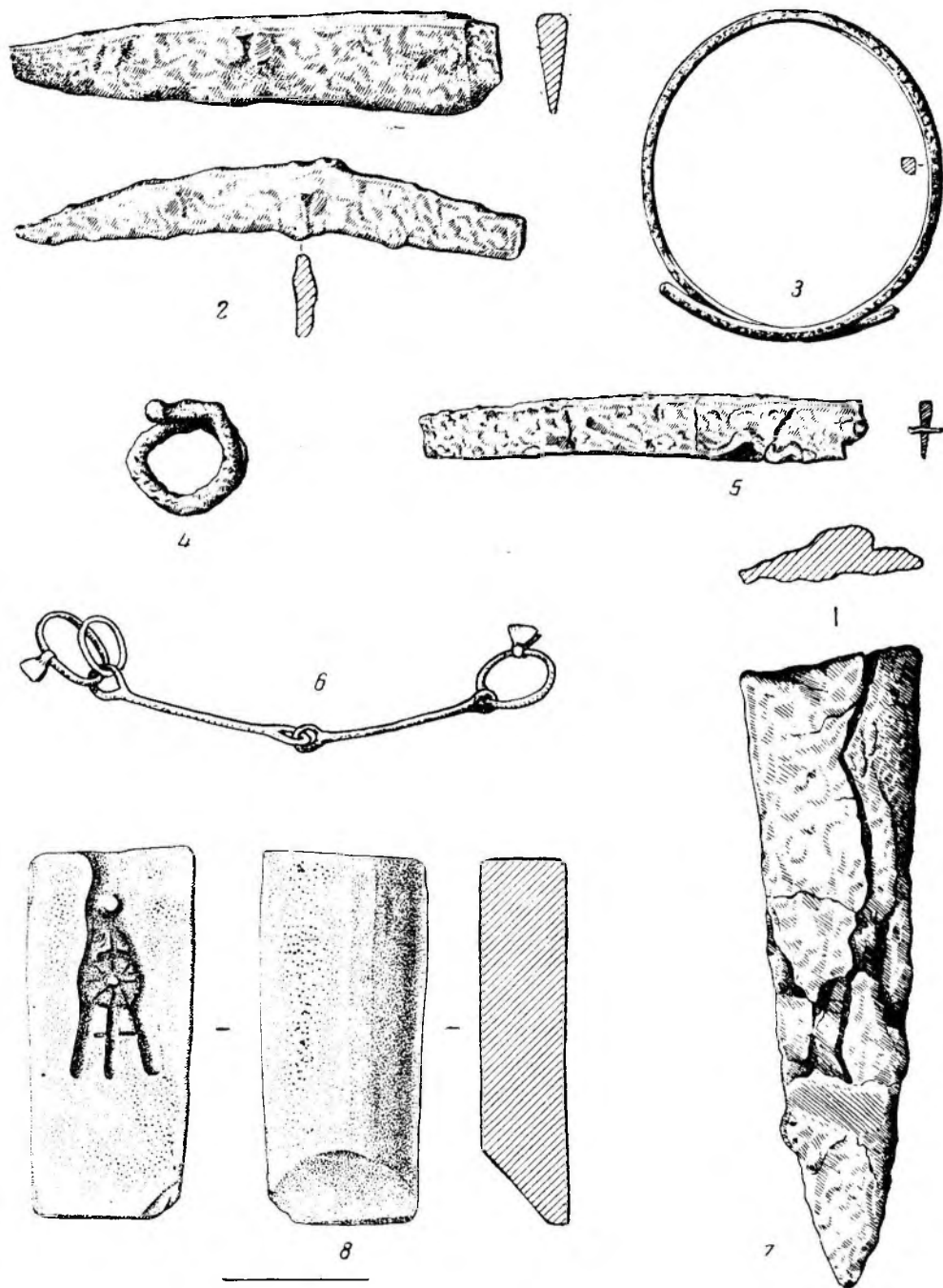
1 — миска, раскоп III; 2 — кружка, раскоп V; 3 — лепной горшок, раскоп III; 4 — лощеная миска, раскоп IV;
5 — краснолаковый сосуд, раскоп III; 6 — кувшин, раскоп X

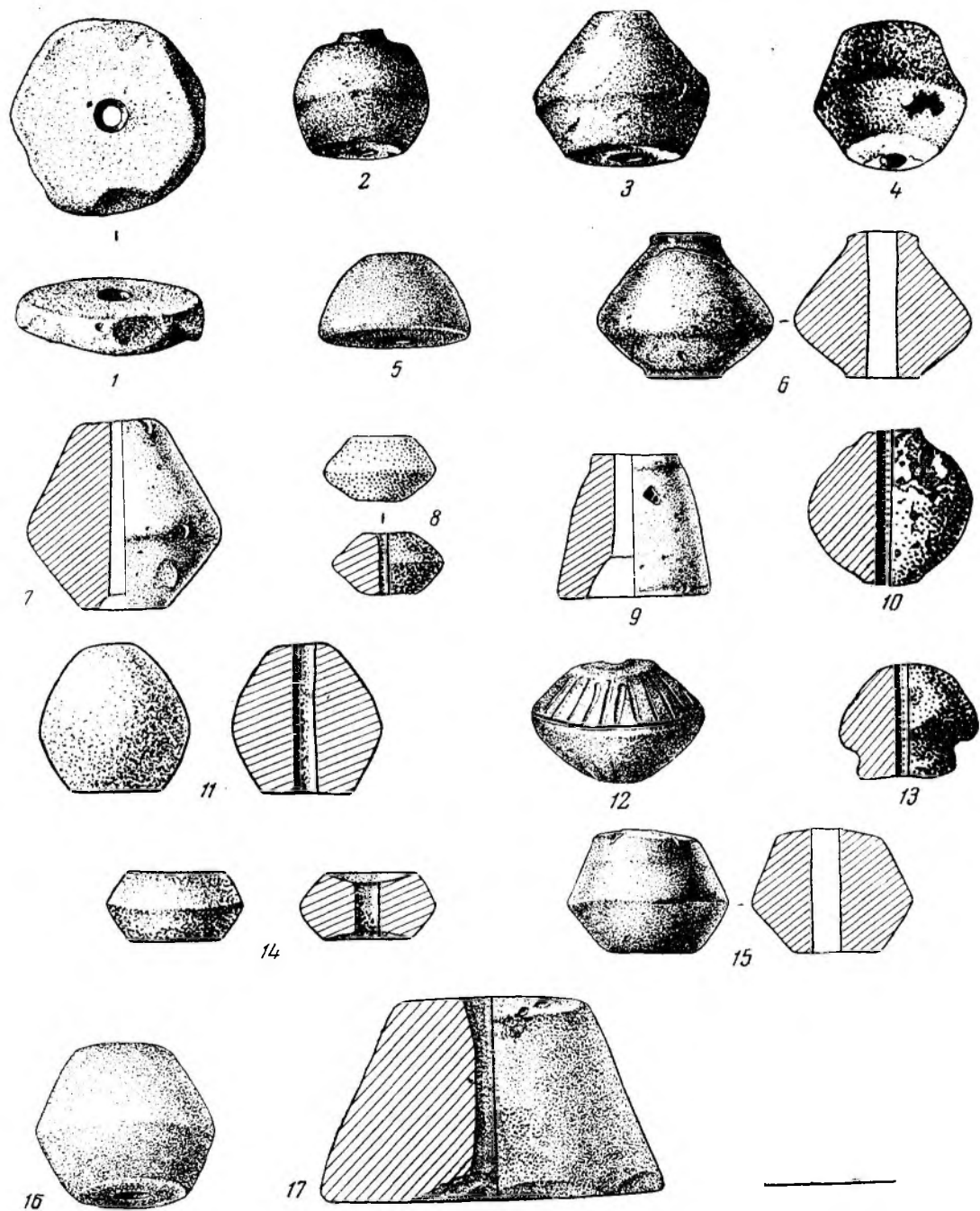
Находки из раскопов и погребений:

1 — антропоморфное надгробие из раскопа III; 2 — фрагмент надгробия из раскопа III; 3 — фрагмент антропоморфного надгробия из раскопа III; 4 — антропоморфное надгробие из раскопа III; 5 — лощеный кувшинчик из погребения 134; 6 — лепной кувшин из погребения 135; 7 — лощеный кувшин, случайная находка

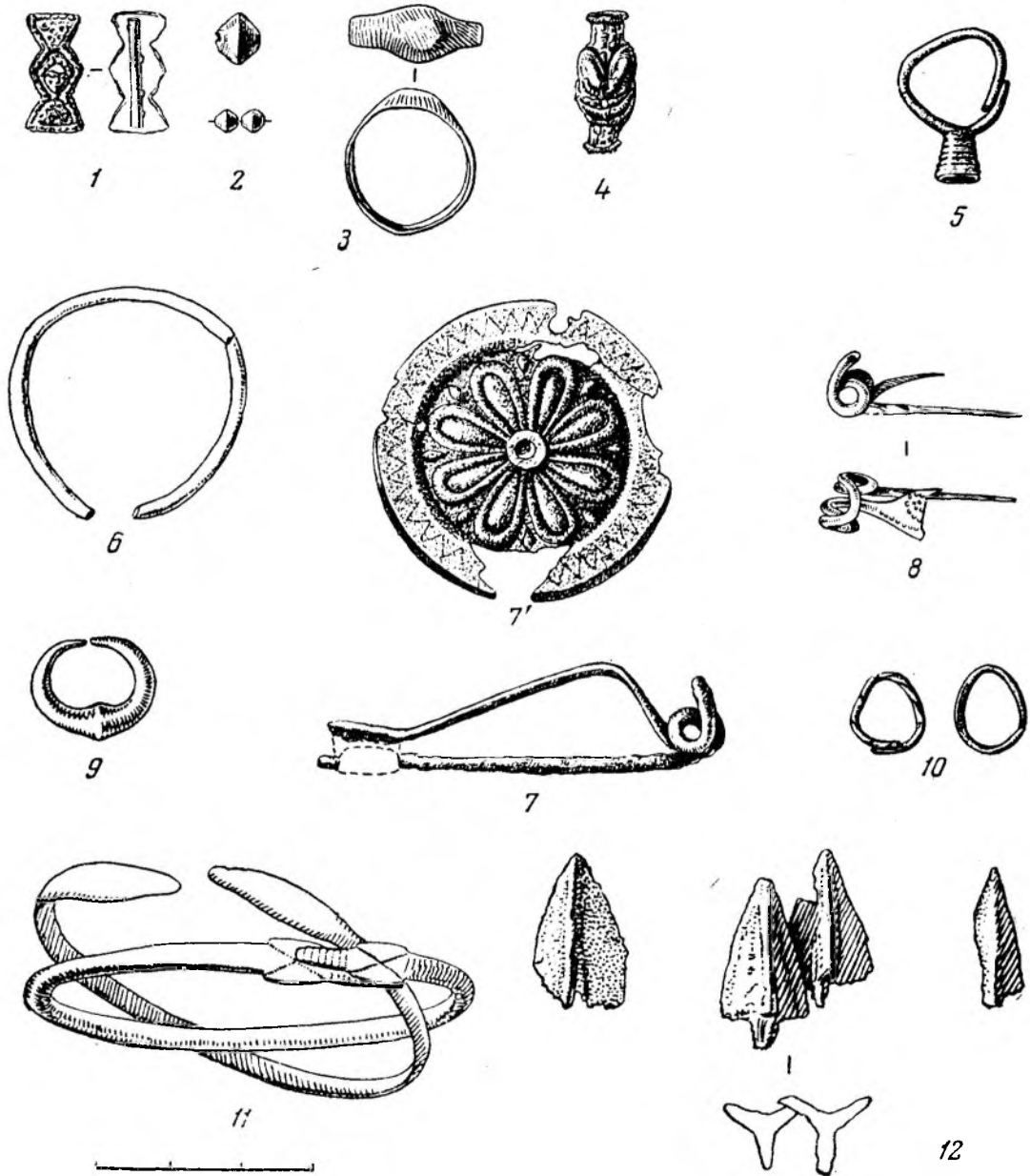
Находки из погребений:

1, 2, 5 — железные ножи; 1 — погребение 8; 2 — погребение 15; 5 — погребение 68; 3 — бронзовый браслет из погребения 15;
 4 — железное кольцо из погребения 49; 6 — железные щипцы из погребения 79; 7 — фрагмент железного меча из погребения 23;
 8 — глиняная форма из раскопа III

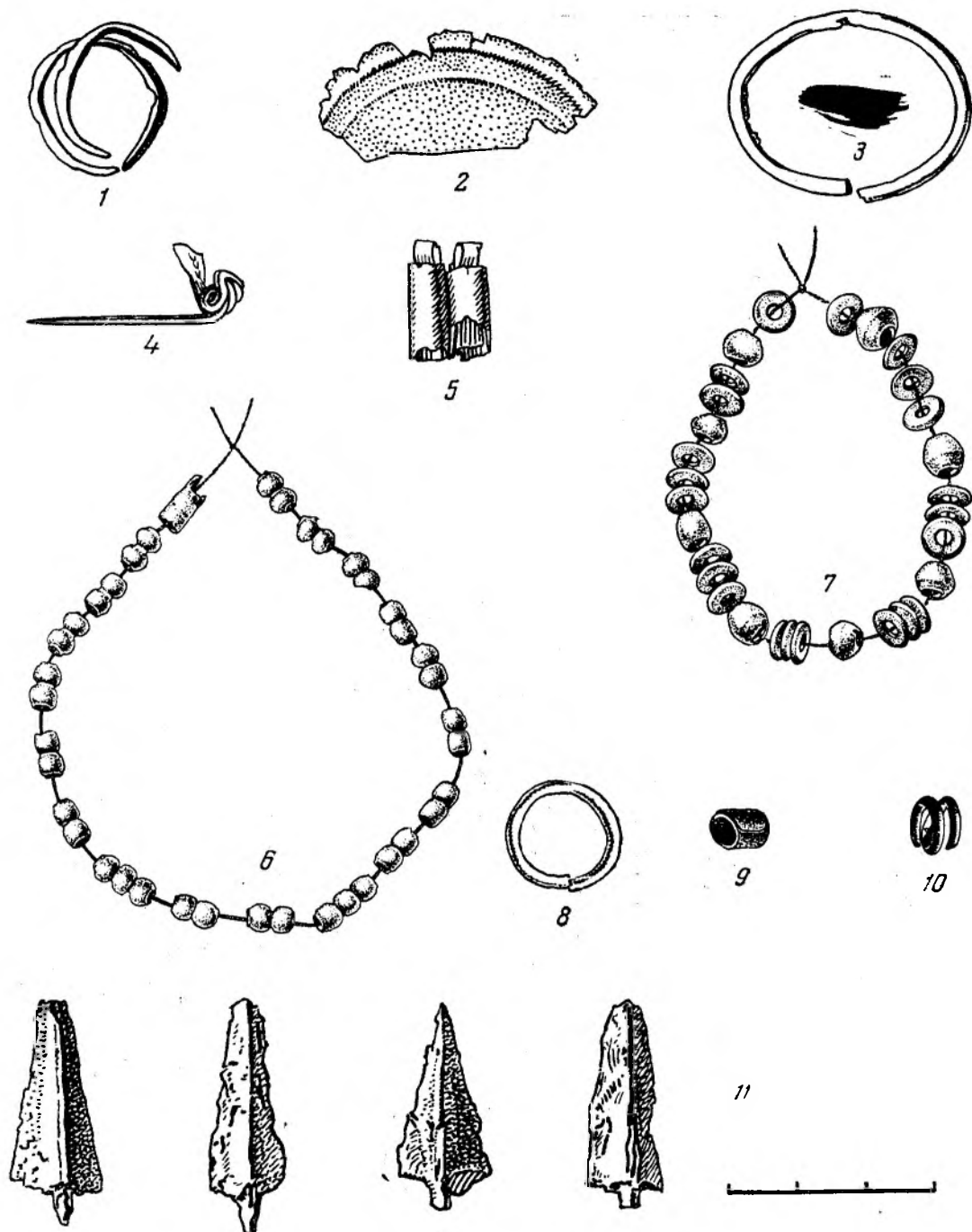
Пряслица из раскопов и погребений:

1 — из погребения 12; 2 — из погребения 13; 3 — из погребения 15; 4 — из погребения 77; 5 — из погребения 39; 6 — из погребения 57; 7 — из погребения 85; 8, 11, 12, 14—17 — из раскопа III; 9 — из погребения 104; 10 — из погребения 57; 13 — из раскопа V

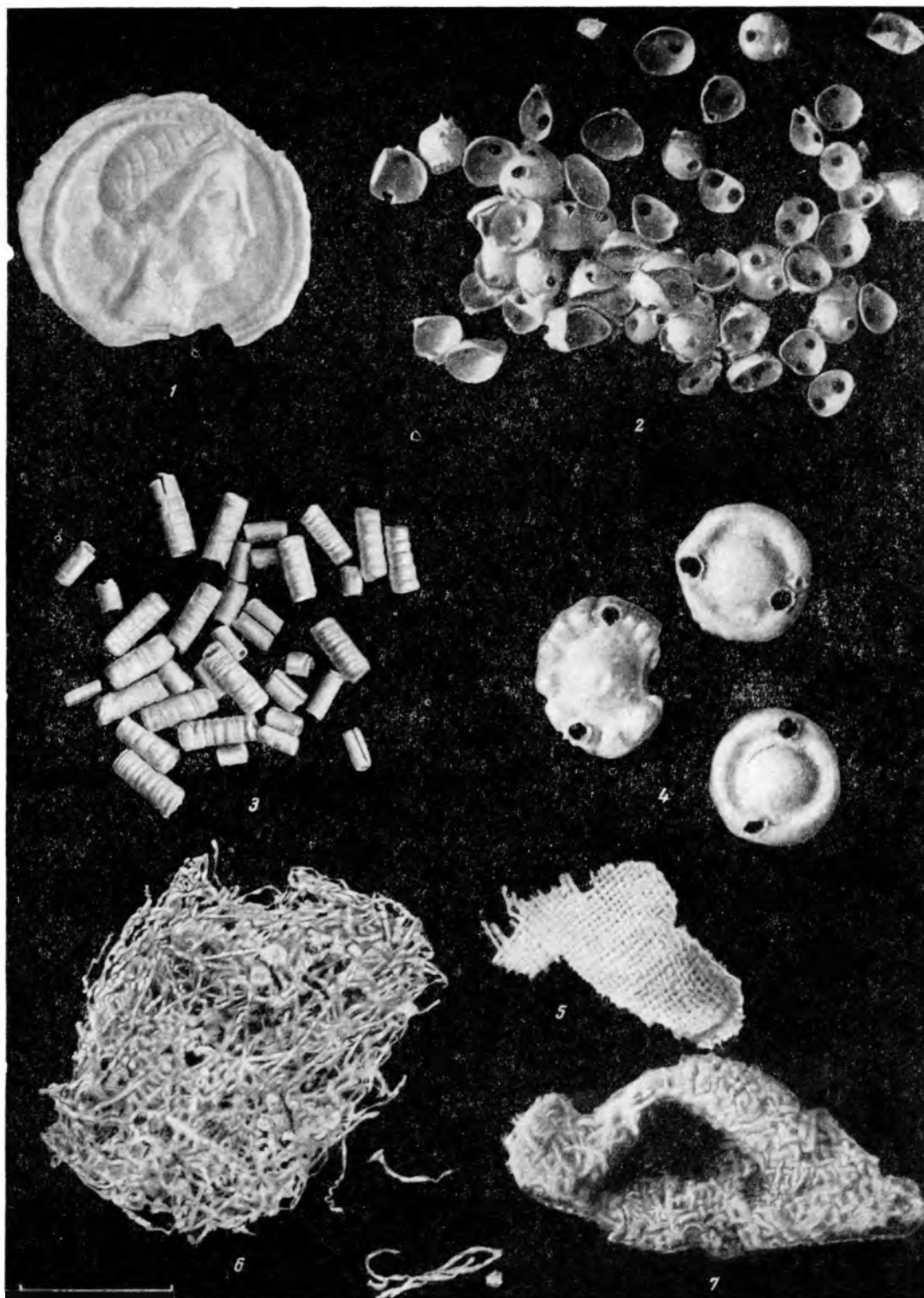
Находки из погребений:

1, 4 — золотые провизки из погребения 13; 2 — золотые бусы из погребения 13; 3 — золотой перстень из погребения 13; 5 — серебряная серьга из погребения 15; 6 — бронзовый браслет из погребения 72; 7, 8 — бронзовые фибулы из погребения 15 и 55; 9 — бронзовая серьга из погребения 39; 10 — золотые колечки из погребения 72; 11 — бронзовые браслеты из погребения 42; 12 — железные наконечники стрел из погребения 45

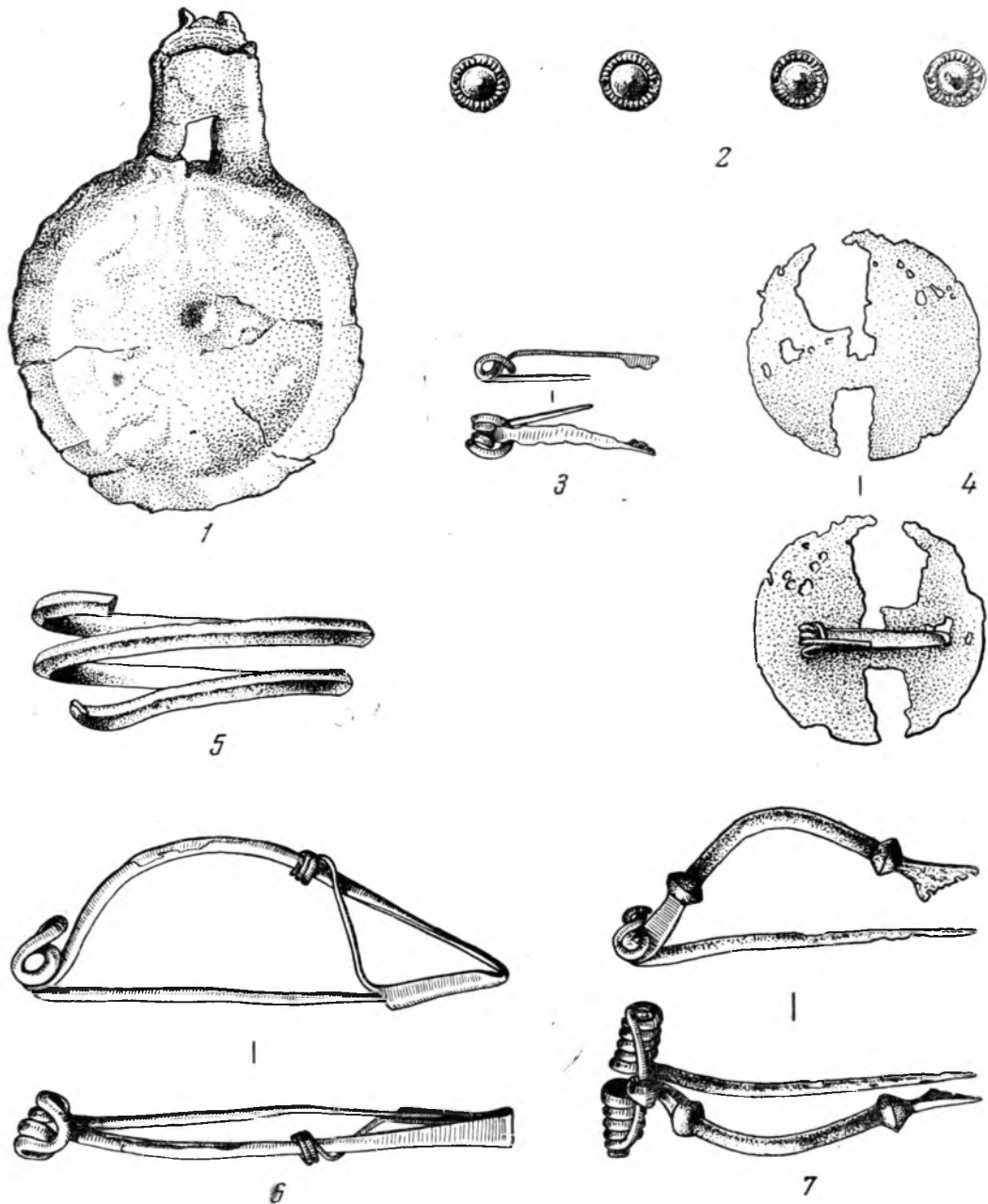
Находки из погребений:

1 — бронзовое колечко из погребения 75; 2 — фрагмент бронзового зеркала из погребения 26; 3 — бронзовый браслет из погребения 31; 4 — обломок бронзовой фибулы из погребения 29; 5 — бронзовая подвеска-амулет из погребения 57; 6, 7 — настовые бусы из погребения 38; 8 — серебряное колечко из погребения 57; 9, 10 — бронзовые пронизки из погребения 46; 11 — железные наконечники стрел из погребения 46

Находки из погребений:

1 — золотая индианция из погребения 68; 2, 4 — золотые бляшки из погребения 68; 3 — золотые пронизки из погребения 68; 6 — золотая парча из погребения 68; 5 — остатки ткани из погребения 59; 7 — бронзовая фибула с остатками ткани из погребения 59

Находки из раскопов и погребений:

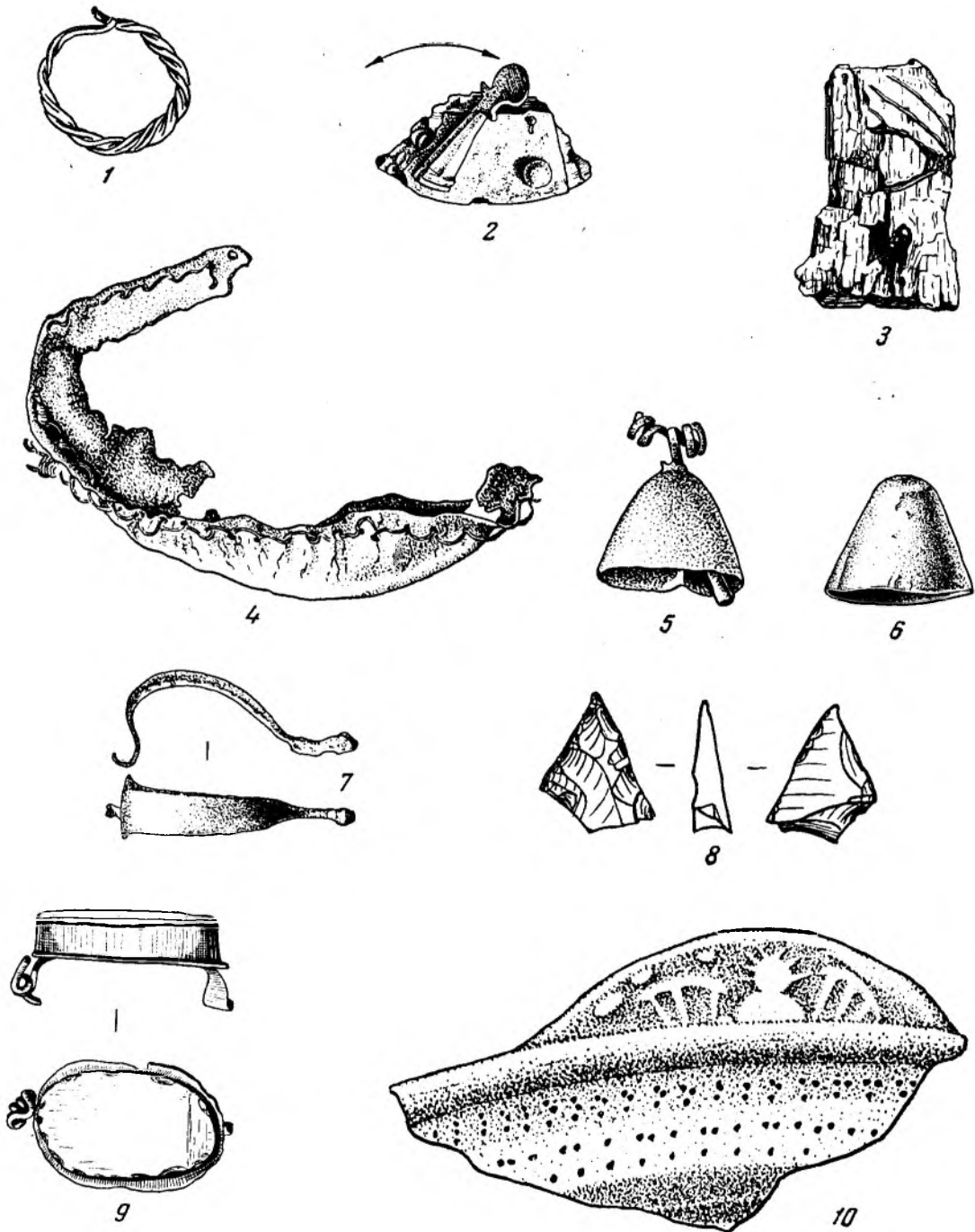
1 — бронзовое зеркало из погребения 103; 2 — золотые бляшки из погребения 105; 3, 4, 6, 7 — бронзовые фибулы: 3 — раскоп X; 4 — погребение 103; 6 — раскоп VIII; 7 — погребение 122; 5 — бронзовый браслет из погребения 121

Находки из погребения 79:

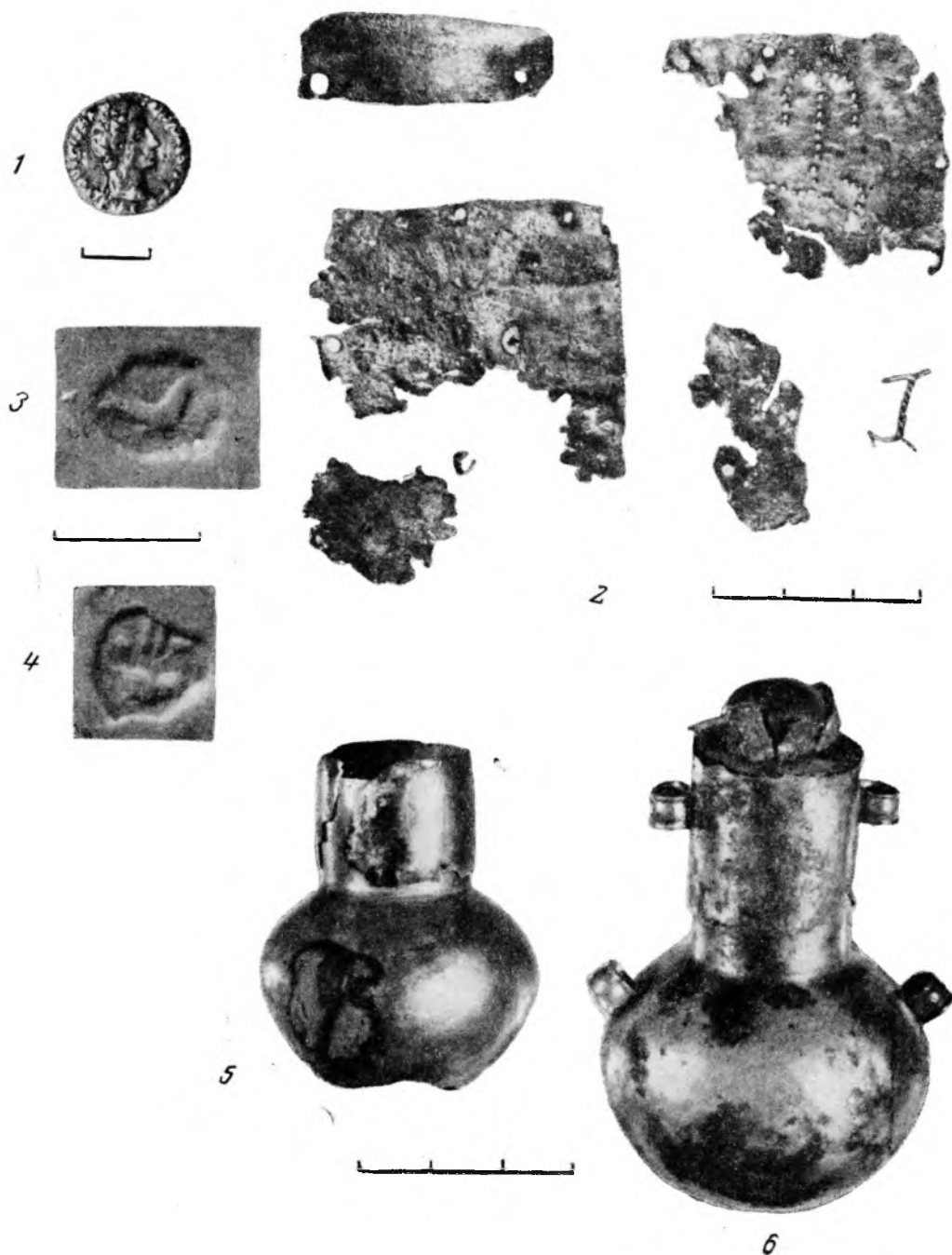
1, 5, 6 — обломки бронзовых фибул; 2, 3 — бронзовые бусины; 4 — бронзовый браслет; 7 — железный ножичек;
 8 — бронзовый колокольчик; 9 — бронзовая бляха от узды; 10 — медная скрепка; 11 — бронзовый предмет;
 12 — бронзовая пряжка; 13, 14 — бронзовые накладки ремня

Находки из погребений:

1 — серебряная серьга из погребения 78; 2 — фрагмент деревянного изделия с замочком из погребения 68; 3 — фрагмент деревянного изделия из погребения 68; 4 — обрывок кожаной обуви из погребения 68; 5, 6 — бронзовые колокольчики из погребений 84 и 86; 7 — обломок бронзовой фибулы из погребения 88; 8 — кремневый наконечник стрелы из погребения 100; 9 — фибула-коробочка из погребения 101; 10 — фрагмент краснолаковой тарелки из погребения 100

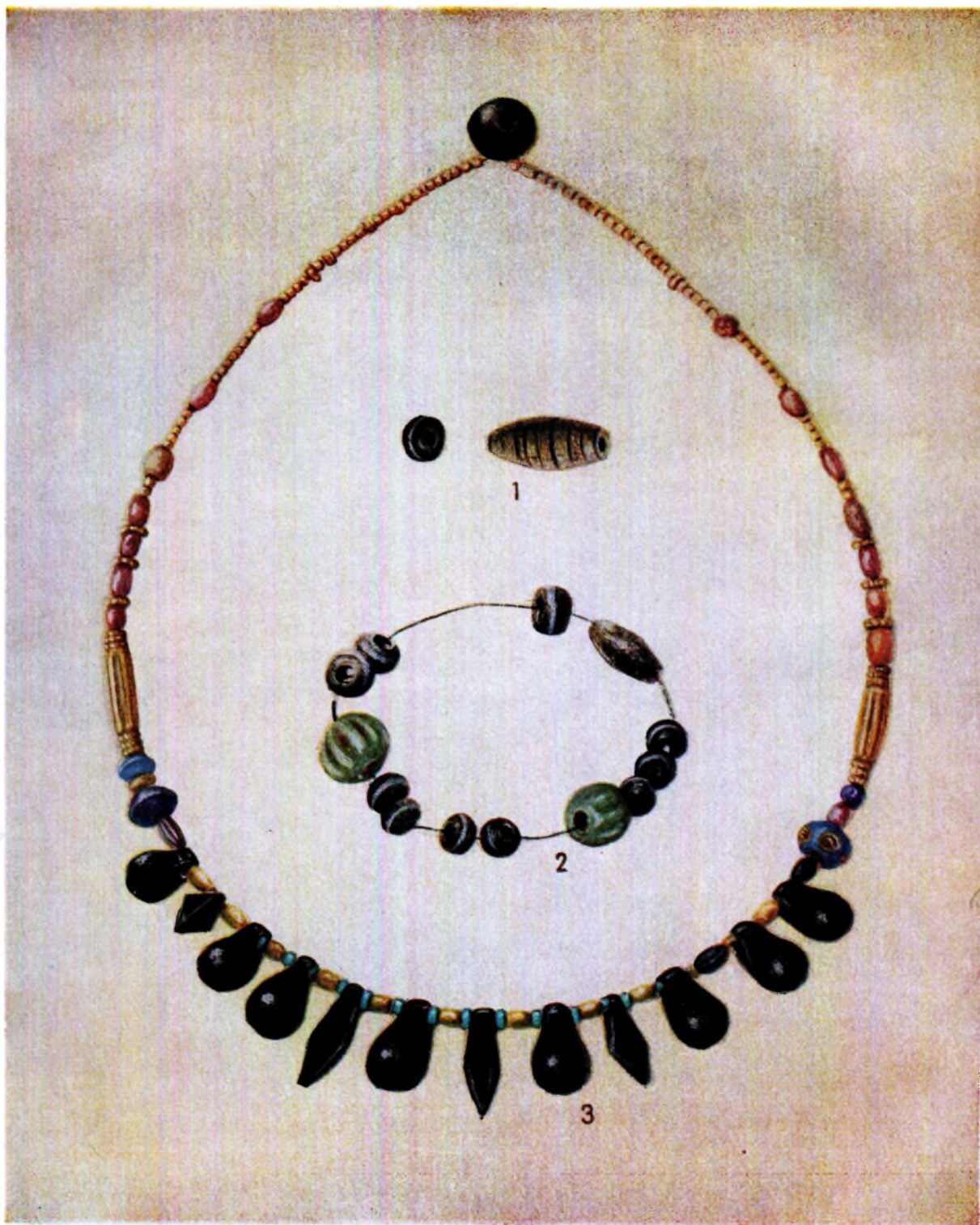

Находки из погребений:

1 — серебряная монета из погребения 79; 2 — медная обкладка ремня из погребения 98; 3, 4 — отпечатки гемм из погребения 103; 5, 6 — серебряные флаконы из погребений 95 и 101

Пастовые бусы из погребения 9

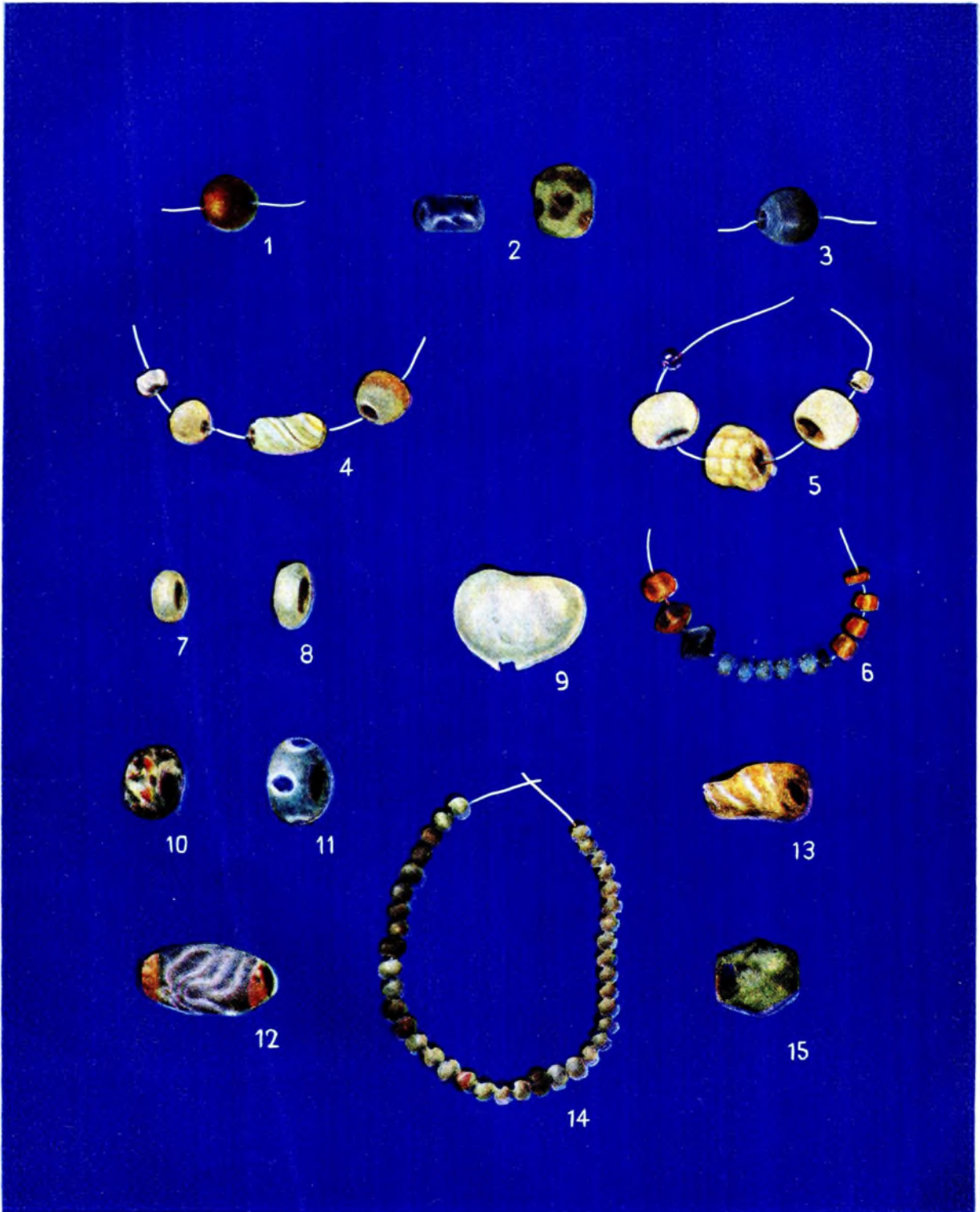
Бусы:

1, 2 — пастовые бусы из погребения 13; 3 — пастовые и гешировые бусы из погребения 15

Пастовые бусы

1, 2 — погребение 15; 3, 4 — погребение 16

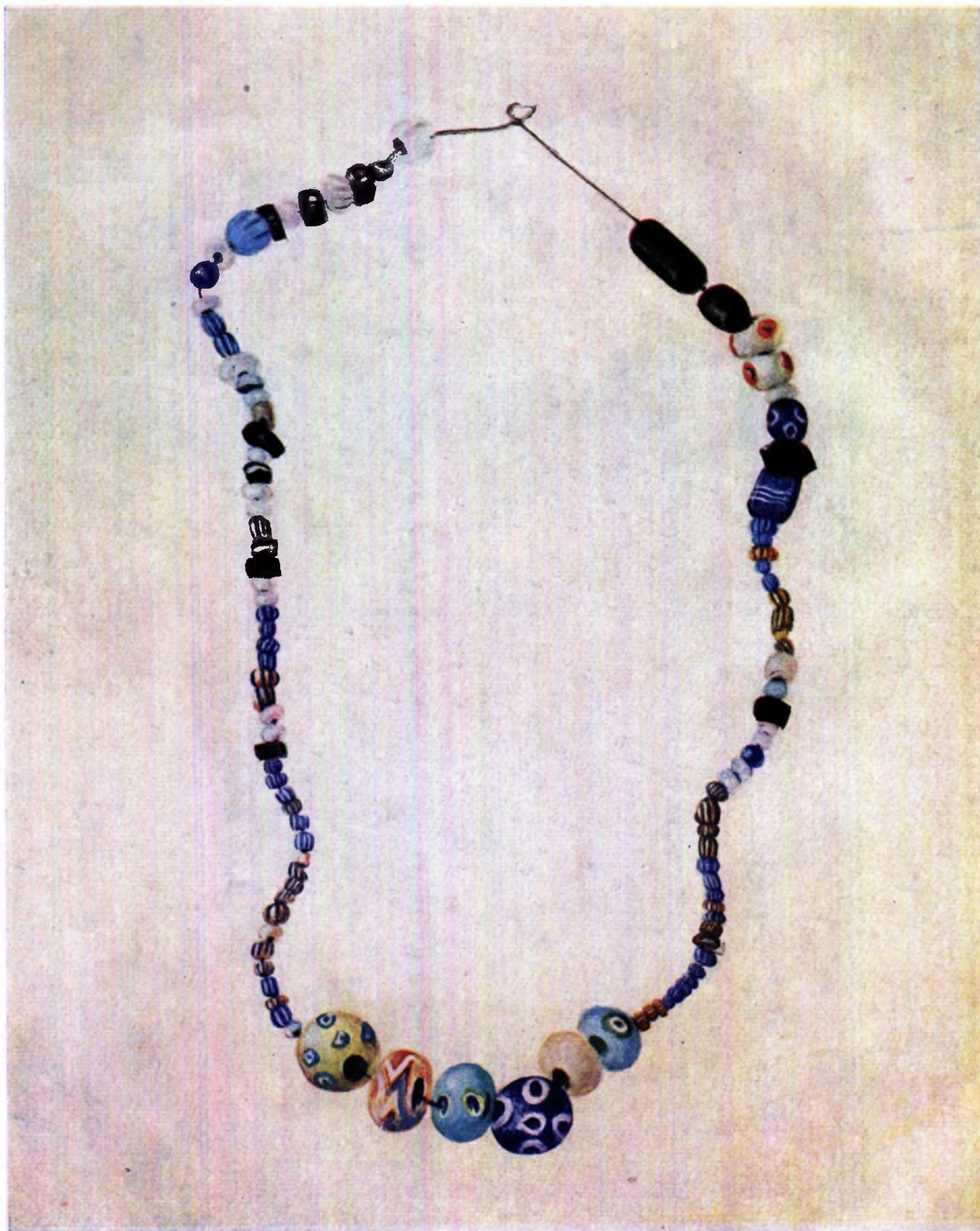
Пастовые бусы:

1 — погребение 32; 2 — погребение 34; 3 — погребение 39; 4 — погребение 49; 5 — погребение 49 и 69; 6 — погребение 58;
7—13 — погребение 69; 14 — раскоп X; 15 — раскоп V

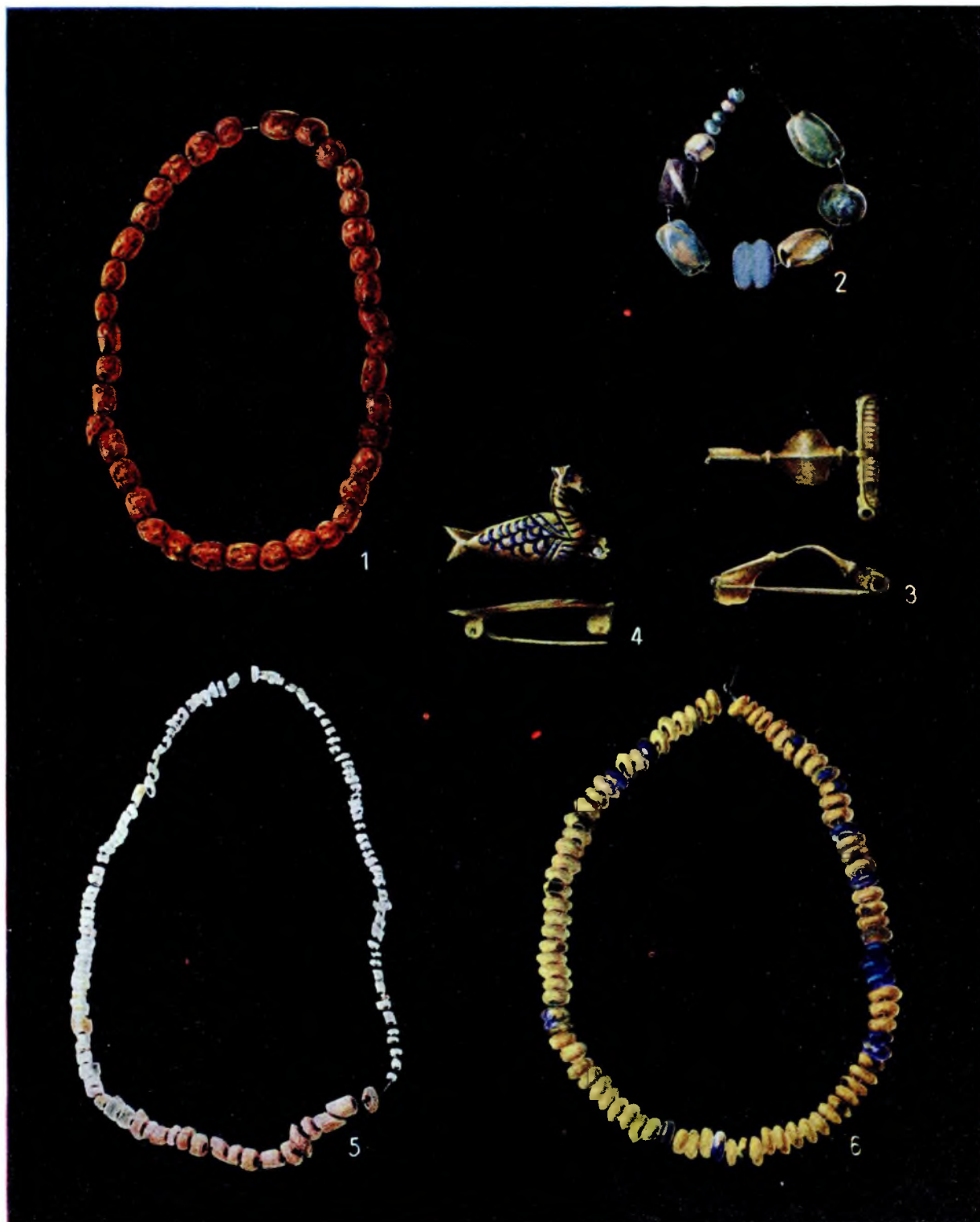
Украшения из погребений:

1—3— пастовые бусы из погребения 31; 4 — пастовая бусина из погребения 57; 5 — гешировая бусина из погребения 57; 6, 7, 8 — пастовые бусины из погребения 35; 9, 10 — пастовые, гешировые и сердоликовые бусы из погребения 68; 11 — гешировые бусы из погребения 88; 12 — медное колечко из погребения 85; 13 — гешировая бусина из погребения 79; 14 — бронзовая фибула из погребения 86; 15 — бронзовая фибула из раскопа V; 16 — бронзовые перстни из погребения 103; 17 — янтарная бусина из погребения 87

Пастовые бусы из погребения 72

Украшения из погребений:

1 — пастовые бусы из погребения 46; 2 — пастовые бусы из погребения 81; 3 — бронзовая фибула из погребения 81;
4 — бронзовая фибула с эмалью из погребения 85; 5, 6 — пастовые бусы из погребения 101

Украшения из погребений:

1—3, 5, 7, 9 — пастовые бусы: 1 — погребение 94; 2 — погребение 105; 3, 5 — погребение 104; 7 — погребение 110; 9 — погребение 117; 4 — коралловая бусина из погребения 104; 6 — фибула-брошка из погребения 102; 8 — пастовые, гешировые, сердоликовая, ониксовая, коралловые бусины из погребения 103.

Пастовые бусы из погребения 121

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСН — Античные города Северного Причерноморья, I. М. — Л., 1955
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии. М., (1954)
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН УССР
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская археология
АА — Archäologischer Anzeiger
ВСН — Bulletin de correspondance Hellénique
PZ — Prähistorische Zeitschrift
RE — Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Раскопки некрополя	8
1. Раскоп III (1955—1956 гг.)	8
2. Раскоп V (1956—1958 гг.)	22
3. Раскоп VIII (1958 г.)	39
4. Раскоп X (1958 г.)	40
Погребения на территории городища	45
Хронологическая классификация погребений	47
Инвентарь погребений	55
1. Керамика	55
Амфоры	55
Лепные сосуды	58
Простая кружальная керамика	62
Расписные и рельефные сосуды	64
Краснолаковая керамика	66
2. Оружие и орудия	70
3. Украшения	71
Фибулы	71
Браслеты, перстни, серьги	75
Другие металлические украшения	77
Бусы	79
4. Прочие находки	80
Общая характеристика некрополя	83
Таблицы	95
Список сокращений	135

Дмитрий Борисович Шелов
Некрополь Танаиса, МИА № 98

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *А. П. Кусургаева*
Технический редактор *С. П. Голубь*

РИСО АН СССР № 83-85В. Сдано в набор 14/XI 1960 г.
Подписано к печати 25/II 1961 г. Формат 84×108^{3/16}.
Печ. л. 8,5= усл. печ. л. 13,94+6 вкл.
Уч.-изд. л. 14,5 (13,59+0,91 вкл.)
Тираж 1400 экз. Т-03407. Изд. №. 5047. Тип. зак. № 1254

Цена 1 руб. 27 коп.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21.

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Страна	Колонка	Напечатано	Должно быть
5	6 сн.	лев.	-вестоку	-востоку
9	2 сн.	лев.	1955	1855
17	6 сн.	лев.	Херсонеса	Херсонеса,
31	19—20 сн.	прав.	зажимаемое	занимаемое
48	13 сн.	лев.	могила	могила 1
49	15 сн.	прав.	ноги	ног
54	2 сн.	лев.	залегли	залегали
63	13 сн.	лев.	имела	имела формы,
91	23 сн.	прав.	-запод	-запад
97	таблица		Таблица III	Таблица I
	Список сокращений 10 сн.		АН УССР	АН СССР

Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, МИА № 98

1882